

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Бакушкин Иван Анатольевич

**ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ
ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ**

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
Ершова Регина Вячеславовна
доктор психологических наук, профессор

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	24
1.1. Общие представления о духовном благополучии	24
1.2. Факторы и детерминанты духовного благополучия	31
1.2.1. Духовное благополучие и общее благополучие человека	31
1.2.2. Духовное благополучие и альтруизм	35
1.2.3. Духовное благополучие и ценности личности	40
1.2.4. Духовное благополучие и базисные убеждения личности	45
1.2.5. Духовное благополучие и негативные личностные черты	50
1.2.6. Духовное благополучие в структуре личностных характеристик: концептуализация и модель детерминации	54
1.3. Методы психологической диагностики духовного благополучия	64
Выводы по первой главе.....	79
Глава 2. АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА «ШКАЛА ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ» (SPIRITUAL WELL-BEING SCALE, SWBS, R. F. PALOUTZIAN И С. W. ELLISON).....	84
2.1. Организация и проведение исследования.....	84
2.2. Результаты адаптации «Шкалы духовного благополучия» (Spiritual Well- Being Scale, SWBS, Paloutzian & Ellison, 1982).....	86
2.3. Обсуждение результатов исследования.....	98
Выводы по второй главе	100
Глава 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДИКТОРОВ ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	102
3.1. Методы исследования.....	102
3.2. Общие и возрастные характеристики духовного благополучия	108

3.3 Психологические предикторы духовного благополучия	112
3.3.1 Духовное благополучие и психологическое благополучие	112
3.3.2 Духовное благополучие и альтруистические установки	122
3.3.3 Духовное благополучие и базовые индивидуальные ценности ...	125
3.3.4 Духовное благополучие и базисные убеждения личности	136
3.3.5 Духовное благополучие и черты личности: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм	144
3.4. Предиктивная модель духовного благополучия	150
3.4.1 Операционализация предикторов модели детерминации	150
3.4.2. Предикторы религиозного благополучия	151
3.4.3. Предикторы экзистенциального благополучия	159
3.4.3. Предикторы общего духовного благополучия	166
3.4.5. Построение предиктивной модели духовного благополучия	174
Выводы по третьей главе	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	188
Приложение А (справочное). Бланк опросника «Шкала духовного благополучия»	221
Приложение Б (справочное). Обработка результатов опросника «Шкала духовного благополучия»	222
Приложение В (обязательное). Демографическая характеристика респондентов, включенных в исследование	224
Приложение Г (обязательное). Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкала психологического благополучия», РWB в возрастных группах респондентов	226

Приложение Д (обязательное). Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкала альтруистических установок» в возрастных группах респондентов	227
Приложение Е (обязательное). Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Портретного ценностного опросника», PVQ-R2R в возрастных группах респондентов	228
Приложение Ж (обязательное). Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкалы базисных убеждений», WAS в возрастных группах респондентов	229
Приложение И (обязательное). Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 в возрастных группах респондентов	230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

За последние десятилетия в мировой науке наблюдается устойчивый рост интереса к духовной сфере человека, а также к ее влиянию на общее благополучие человека. Духовность и духовное благополучие перестали быть предметом исключительно в теологических и богословских исследованиях, а стали объектом изучения в области психологии, медицины и социологии, став междисциплинарным вопросом. С одной стороны, это объясняется состоянием общества, где есть запрос на смысл жизни и идет поиск опоры в виде ориентиров в условиях неопределённости и цифровизации. С другой стороны, это логичное продолжение развития психологической науки, которая стремится к целостному пониманию человека. Во многих странах идет включение духовного измерения в подходах к оценке здоровья человека и качества его жизни (в том числе в инструментариях Всемирной организации здравоохранения). Все это в комплексе подчеркивает значимость изучения духовного благополучия.

В России тема духовности традиционно всегда была связана культурно-историческим и социальным контекстом, поэтому обладает гораздо более широкими смыслами и значениями, чем в странах исторически более секулярных. Сегодня вопросы духовно-нравственного состояния общества, гражданской идентичности и психического здоровья являются приоритетными для государства.

Тем не менее, несмотря на возрастающий интерес, исследование духовного благополучия в российской психологии до сих пор носит фрагментарный характер. Ситуация такова, что в зарубежном научном сообществе уже накоплен пласт теоретических и эмпирических данных по изучению духовного благополучия и его связи с личностным функционированием. В отечественной науке крайне мало подобных работ, ведь, основная фокусировка сосредоточена на духовности как культурологической категории, а духовное благополучие как один из аспектов психического здоровья зачастую не исследуется. Ключевой проблемой было отсутствие адаптированного и валидизированного диагностического инструмента духовного

благополучия. Проведенная адаптация общепризнанной в мировой науке опросника «Шкала духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale, SWBS, R. F. Paloutzian и C. W. Ellison, 1982) [203; 3] существенно расширяет возможности по эмпирическому исследованию и анализу ситуации в данной области.

Кроме того, до сих пор практически не изучены взаимосвязи духовного благополучия с личностными характеристиками проживающих на территории России граждан. Неясно, как оно соотносится с такими феноменами, как базисные убеждения о мире, альтруистические установки или дисфункциональные черты личности. Не определено его место в структуре общего благополучия личности по отношению к устоявшемуся конструкту психологического благополучия. Таким образом, складывается противоречивая ситуация: при высокой декларируемой значимости духовного измерения отсутствует систематическое научное знание о его психологических коррелятах и функциях в жизни современного человека в условиях российской социокультурной реальности.

Таким образом, настоящее исследование отвечает как внутренним потребностям развития психологической науки в направлении синтеза знаний о человеке, так и внешнему социальному запросу на научно обоснованные подходы к укреплению целостного благополучия личности в современном обществе.

Степень научной разработанности проблемы исследования

Заявленная в исследовании проблематика духовного благополучия и его личностных детерминант разрабатывается в следующих основных направлениях:

1. Теоретико-концептуальное осмысление феноменов духовности и духовного благополучия. Проблема эволюции и соотношения понятий «религиозность» и «духовность» рассматривается в работах Н. G. Koenig, D. King, V. B. Carson [155], R. F. Paloutzian, C. L. Park [205; 206], Н. А. Буравлевой [5]. Концептуальный анализ и определения духовности как интегрального конструкта представлены в исследованиях Р. Sheldrake [259], С. С. Н. Cook [70], Р. G. Reed [225], L. Chiu, J. D. Emblen, L. Van Hofwegen, R. Sawatzky, H. Meyerhoff [65], J. Dyson, M. Cobb, D. Forman [86], R. Gomez, S. A. Watson [116], D. N. Elkins, L. J. Hedstrom, L. L. Hughes, J. A. Leaf, C. Saunders [88], J. W. Howden [132], M. J. Mahoney, G. M. Graci [173], M. Muldoon,

N. King [191], F. Vaughan [287], R. B. Murray, J. P. Zenter [192], K. L. Davis, J. Panksepp, L. Normansell [75], M. Hiebler-Ragger, J. Fuchshuber, H. Dröscher, C. Vajda, A. Fink, H.F. Unterrainer [126], W. McSherry, K. Cash [178], C. Puchalski, B. Ferrell [218], E. de Jager Meezenbroek, B. Garssen, M. van den Berg, D. van Dierendonck, A. Visser, W. B. Schaufeli [78].

2. Специфика понимания духовности в российском академическом дискурсе раскрыта в трудах Д. А. Леонтьева [17], Н. Д. Твороговой [29], Т. Е. Владимировой [7], А. О. Блинковой [4]. Культурно-религиозные аспекты духовности исследуются M. Zhuzey, M. Isakhan [303], A. A. Aziz, M. N. Mamat, D. M. Salleh, S. F. S. Abdullah, M. N. bin Nordin [41], M. Solgi, M. Safara [261].

3. Концептуализация духовного благополучия осуществлена в работах C. W. Ellison [89], C. W. Ellison, J. Smith [90], J. W. Fisher [102; 101], Z. Moaven [186], E. Fourianalistyawati [104], D. W. Rachmawardany, I. F. Mustikawati, P. Septianawati, G. Immanuel [221], T. J. VanderWeele, N. G. L. Katelyn, J. B. Michael [285], E. C. Rudolph [231]. Его структурные модели, включая двухфакторную (религиозное и экзистенциальное благополучие) и многокомпонентные, представлены в исследованиях R. F. Paloutzian, C. W. Ellison [203], H. F. Unterrainer, K. H. Ladenhauf, S. J. Wallner-Liebmann, A. Fink [283], R. Gomez, J. W. Fisher [115], P. Magnano, A. Zammitti, R. Dibilio, P. Faraci [172], B. R. Ferrell, M. L. Twaddle, A. Melnick, D. E. Meier [99], а также в материалах National Interfaith Coalition on Aging [195].

4. Эмпирическое изучение коррелятов и функций духовного благополучия. Взаимосвязь духовного благополучия с показателями психического здоровья, качеством жизни и совладающим поведением изучали M. F. Ledbetter, L. A. Smith, W. L. Vosler-Hunter, J. D. Fischer [162], M. Hiebler-Ragger, J. Falthansl-Scheinecker, G. Birnhuber, A. Fink, H. F. Unterrainer [125], S. Sharma, P. Lal [257], A.L. Meluch [181], M. A. Natalia, E. E. Sembiring, M. Ahmad [194], I. Nofalia, S. A. Wibowo [200], N. N. Furqani [107], J. Yoo, S. You, J. Lee [296], A. L. Gaskin-Wasson, K. L. Walker, L. J. Shin, N. J. Kaslow [111], G. Zhang, K. Huang, S. Shen [301], A. Moreira-Almeida, A. Sharma, B. J. van Rensburg, P. J. Verhagen, C. C. Cook [189]. Связь духовного благополучия с психологическим благополучием и субъективным благополучием

исследовали C. D. Ryff [234], E. Diener, D. Wirtz, W. Tov, C. Kim-Prieto, D. Choi, S. Oishi, R. Biswas-Diener [83; 82], M. E. P. Seligman [253; 254], M. A. Natalia, E. E. Sembiring, M. Ahmad [194], Y. Yu, Y. Liao, S. Zhang, L. Wei, N. Mi, W. Li [298], C. H. Leung, H. K. Pong [165], I. Coppola, N. Rania, R. Parisi, F. Lagomarsino [71], F. Kavak, A. Özdemir, G. Dural [150]. Отдельные аспекты, такие как связь с альтруизмом, представлены в работах L. B. Koenig, M. McGue, R. F. Krueger, T. J. Bouchard Jr. [156], J. T. Huber, D. A. MacDonald [133], V. Saroglou [239], M. R. Bennett, C. J. Einolf [46], Г. В. Ожигановой [21]; с базовыми ценностями – S. H. Schwartz [245; 246; 248], L. Sagiv, S. H. Schwartz [237], F. M. Sorthaix, J. E. Lonnqvist [263], D. Boer [51], S. Leikas, V. J. Ilmarinen, M. Verkasalo, H. L. Vartiainen, J. E. Lönnqvist [163]; с базисными убеждениями – R. Janoff-Bulman [138], C. L. Park [210], K. I. Pargament [209], A. C. Kay, J. A. Whitson, D. Gaucher, A. D. Galinsky [151]; с чертами «Тёмной тетрады» – D. L. Paulhus, K. M. Williams, E. E. Buckels, P. D. Trapnell, D. N. Jones [212; 213], H. Chabrol, N. Van Leeuwen, R. Rodgers, N. Séjourné [63], M. Kämmerle, H. F. Unterrainer, P. Dahmen-Wassenberg, A. Fink, H. P. Kapfhammer [146], A. Z. Czarna, R. R. Zdunek, C. Sedikides [73], F. Fekih-Romdhane, A. Ben Hamouda, R. Khemakhem, S. Halayem, A. BelHadj, M. Cheour [96], M. B. Schofield, B. L. H. Roberts, C. A. Harvey, I. S. Baker, G. Crouch [244].

5. Разработка и адаптация методов психологической диагностики. Психодиагностике духовности и духовного благополучия посвящены работы A. Coyle [72], A. Saguil, K. Phelps [238], G. Anandarajah, E. Hight [37], W. Cadge, J. Bandini [60], M. Densmore [81], A. Trettin [277], A. С. Огнева [19]. Среди множества опросников анализируются Шкала духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale, SWBS) R. F. Paloutzian, C. W. Ellison [203]; Опросник духовной ориентации (Spiritual Orientation Inventory, SOI) D. N. Elkins, L. J. Hedstrom, L. L. Hughes, J. A. Leaf, C. aunders [88]; Шкала самопревосхождения (Self-Transcendence Scale, STS) P. G. Reed [226]; Опросник духовного благополучия (Spiritual Well-Being Questionnaire, SWBQ) R. Gomez, J. W. Fisher [115]; Шкала духовного здоровья (Spiritual Health And Life-Orientation Measure, SHALOM) J. W. Fisher [103]; Пражский опросник духовности (Prague Spirituality Questionnaire, PSQ) P. Rican, P. Janosova [227]; модуль

ВОЗ, WHOQOL SRPB Group [290] и другие. Обзоры и критический анализ инструментов представлены в трудах L. K. George, D. B. Larson, H. G. Koenig, M. E. McCullough [113], E. de Jager Meezenbroek, B. Garssen, M. van den Berg, D. van Dierendonck, A. Visser, W. B. Schaufeli [78], H. G. Koenig [154]. Вопросы адаптации методик на русскоязычной выборке затрагиваются в работах Г. В. Ожигановой [20], О. А. Сычева, А. М. Беспалова, И. В. Аношкина, М. С. Власова [28], И. А. Бакушкина, Р. В. Ершовой [3].

Несмотря на большую разработанность исследуемой темы в международном контексте, до сих пор в отечественной психологии эмпирические исследования духовного благополучия (в отличие от духовности как ценностной, нравственной или моральной категории) носят единичный характер, отсутствует систематическое изучение его взаимосвязей с широким спектром личностных характеристик (альтруизмом, базисными убеждениями, чертами «Тёмной тетрады») на российской популяции. Выводы о детерминации духовного благополучия, как правило, фрагментарны и опираются на данные зарубежных выборок, что не учитывает специфику отечественного культурно-исторического контекста понимания духовного благополучия. Кроме того, длительное отсутствие адаптированного и валидизированного инструмента для измерения двухфакторной модели духовного благополучия (SWBS) создавало методологический барьер для проведения сопоставимых исследований. Указанные противоречия определили **проблему данного исследования**, направленного на комплексное изучение личностных коррелятов духовного благополучия в русскоязычной выборке.

Объект исследования – духовное благополучие личности.

Предмет исследования – психологические предикторы духовного благополучия личности.

Цель исследования – выявить, теоретически обосновать и эмпирически верифицировать систему индивидуально-психологических предикторов духовного благополучия личности и определить вклад отдельных психологических характеристик в общий, религиозный и экзистенциальный компоненты духовного благополучия.

Гипотезы исследования

1. Духовное благополучие личности имеет двухкомпонентную структуру (религиозный и экзистенциальный компоненты) и связано с определенной конфигурацией ценностно-смысловых, индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик.

2. Духовное благополучие и его компоненты имеют возрастную специфику: у респондентов взрослого возраста ожидаются более высокие показатели общего духовного и религиозного благополучия, а также иная конфигурация их психологических коррелятов по сравнению с юношеско-подростковой группой.

3. Духовное благополучие положительно связано с психологическим благополучием, позитивными базисными убеждениями и альтруистическими установками и отрицательно связано с выраженностью негативных личностных черт.

4. Общий и экзистенциальный компоненты духовного благополучия в наибольшей степени предсказываются смысло-ценностными и регуляторно-ресурсными характеристиками личности, тогда как религиозный компонент в большей мере связан с нормативно-ценностными ориентациями и просоциальными установкам.

Для достижения поставленных целей, в рамках выдвинутых гипотез, были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести теоретико-методологический анализ отечественных и зарубежных подходов к изучению духовного благополучия личности, определить его психологическое содержание и место в системе смежных психологических конструктов.

2. Провести сравнительный анализ методов диагностики духовного благополучия и обосновать выбор диагностического инструментария исследования.

3. Осуществить адаптацию русскоязычной версии Шкалы духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale, SWBS [203]), а также оценить ее психометрические характеристики на российской выборке.

4. Выявить структуру взаимосвязей духовного благополучия и его компонентов с психологическим благополучием, базисными убеждениями, ценностными ориентациями, альтруистическими установками и негативными чертами личности.

5. Определить возрастные особенности духовного благополучия личности и специфику его психологических предикторов в юношеско-подростковой и взрослой группах.

6. Построить и эмпирически проверить модели предсказания общего, религиозного и экзистенциального компонентов духовного благополучия личности.

Теоретико-методологической основой работы выступают следующие научные принципы и подходы:

1) принцип системности Б. Ф. Ломова, Б. Г. Ананьева и Э. Г. Юдина использовался при разработке модели духовного благополучия как сложного, интегрального конструкта, находящегося во взаимосвязи с другими подсистемами личности (ценностно-смысловой, эмоционально-регуляторной, мотивационной);

2) принцип единства сознания и деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна позволил рассмотреть духовное благополучие не как абстрактное состояние, а как аспект реальной жизнедеятельности человека, формирующийся и проявляющийся в его поступках, отношениях и способах взаимодействия с миром Д. А. Леонтьева;

3) принцип детерминизма С. Л. Рубинштейна и Л. С. Выготского лег в основу исследования факторов и условий (личностных, ценностных, социально-психологических), определяющих уровень и специфику духовного благополучия личности;

4) принцип активности и субъектности А. В. Брушлинского и К. А. Абульханова-Славской позволил рассматривать духовное благополучие как результат и показатель активной, осознанной внутренней работы личности по поиску смысла, построению гармоничных отношений и саморазвитию;

5) теоретической рамкой исследования стали основополагающие подходы к изучению духовности и духовного благополучия в зарубежной R. F. Paloutzian, C. W. Ellison, P. G. Reed, J. W. Fisher, C. Puchalski, H. G. Koenig и отечественной психологии Д. А. Леонтьева, Н. А. Твороговой, Ф. Е. Василюка;

6) теории и модели, раскрывающие ценностно-смысловую и экзистенциальную сферу личности: теории смысла жизни V. E. Frankl, самодетерминации E. Deci

и R. Ryan, концепция психологического благополучия С. D. Ryff, теория базовых индивидуальных ценностей S. H. Schwartz;

7) теоретические представления о структуре личности и механизмах её функционирования, в рамках которых исследуются базисные убеждения R. Janoff-Bulman и S. Epstein, альтруизм L. B. Koenig, а также негативные личностные черты – концепция «Тёмной тетрады» D. L. Paulhus и K. M. Williams;

8) комплексный подход к оценке духовного благополучия, отраженный в работах E. de Jager Meezenbroek, H. G. Koenig, L. K. George.

Данная теоретико-методологическая база обеспечила целостность, обоснованность и системность исследования, позволив рассмотреть духовное благополучие как интегральный феномен в единстве его структурных компонентов, личностных детерминант и связей с общим психологическим благополучием.

Методы исследования:

– теоретический анализ существующих подходов к проблеме духовного благополучия в психологии;

– эмпирические методы: анкетирование, опросный метод. Для сбора данных использовались **следующие психодиагностические методики:**

1. *Шкала духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale, SWBS)* R. F. Paloutzian и C. W. Ellison [203] в адаптации И. А. Бакушкина и Р. В. Ершовой [3] измеряющая духовное благополучие как конструкта, состоящего из двух показателей: религиозного благополучия и экзистенциального благополучия.

2. *Шкала психологического благополучия (Ryff Scales of Psychological Well-Being, PWB)* С. Ryff [234] в адаптации Н. Н. Лепешинского [18] измеряющая общий показатель психологического благополучия и шесть его компонентов: положительное отношение к другим, автономию, управление окружением, личностный рост, цель в жизни и самопринятие.

3. *Методика измерения альтруистических установок* М. И. Ясина [33] включает основную шкалу измеряющую установку на альтруизм и служебную шкалу лжи.

4. *Портретный ценностный опросник, пересмотренного 2-го варианта (Portrait Values Questionnaire-Revised 2 revisions, PVQ-R2R)*, в адаптации Ш.

Шварца, Т. П. Бутенко, Д. С. Седовой, А. С. Липатовой [31] измеряющего 19 базовых ценностей.

5. *Шкала базисных убеждений (World Assumptions Scale, WAS)* R. Janoff-Bulman [137] в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельникова [23] исследующей базовые предположения, лежащие в основе мировоззрений людей и концептуализированные в трех основных категориях: восприятию внешнего мира, восприятие самих себя и восприятие отношений между ними, и состоит из пяти субшкал.

6. *Короткий опросник Темной тетрады (Short Dark Tetrad questionnaire, SD4)* D. L. Paulhus, E. E. Buckels, P. D. Trapnell, D. N. Jones [212] в адаптации Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкина, И. С. Горностаева [15] четыре шкалы которого измеряют следующие черты личности: макиавеллизм, субклинические нарциссизм, психопатия и садизм;

– методы математико-статистической обработки данных: полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с использованием среды для статистических вычислений R 4.4.0 (R Foundation for Statistical Computing, Вена, Австрия).

Описательные статистики представлены в виде абсолютной и относительной частот для качественных переменных, среднего ($\pm$ стандартное отклонение) и медианы (1-й и 3-й квартили) – для количественных переменных.

Для сравнения двух групп в отношении количественных и порядковых показателей использовался тест Манна – Уитни. Для сравнения групп в отношении категориальных показателей использовались тест χ^2 Пирсона и точный тест Фишера (при минимальном ожидаемом количестве наблюдений в ячейках таблицы сопряженности < 5). В качестве меры силы монотонной ассоциации порядковых показателей использовался коэффициент корреляции τ_B Кендалла с соответствующим 95%-м ДИ. В качестве меры силы монотонной ассоциации количественных показателей использовались коэффициенты корреляции r Спирмена с соответствующими 95%-м ДИ, кроме того, для оценки линейной ассоциативной производилась оценка угловых коэффициентов с соответствующими 95%-м ДИ в однофакторных линейных моделях. Для оценки потенциальной нелинейности взаимосвязей между

количественными показателями использовались обобщенные аддитивные модели (GAM), с использованием которых производилась оценка edf (estimated degrees of freedom) в качестве меры нелинейности, а также тест отношения правдоподобий.

Для отбора предикторов в многофакторные модели использовалась L1-регуляризация (LASSO-регрессия), для контроля мультиколлинеарности производилась оценка фактора инфляции дисперсии (VIF). В качестве меры качества линейных моделей оценивались коэффициенты детерминации R^2 .

Различия между группами и ассоциацию считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Для оценки внутренней валидности опросников использовалась α -статистика Кронбаха с соответствующим 95%-м ДИ. При проведении эксплораторного факторного анализа использовался алгоритм косоугольного вращения (oblimin), для определения оптимального количества факторов использовались диаграммы каменистой осыпи, в качестве метрик качества модели использовались RMSEA (root mean squared error of approximation) и индекс Такера – Льюиса (TLI). Оценка коэффициентов при проведении конфирматорного факторного анализа проводилась с использованием метода максимального правдоподобия, в качестве метрик качества модели использовались RMSEA, CFI (comparative fit index) и GFI (goodness of fit index).

Эмпирическую базу исследования составили 959 человек в возрасте от 14 до 72 лет (средний возраст $38,6 \pm 14$ лет): 198 (20,6%) мужчин (средний возраст $26,3 \pm 12,7$ лет) и 761 (79,4%) женщина (средний возраст $41,9 \pm 12,4$). Среди всех опрошенных 341 (35,6%) не состоит в браке, 500 (52,1%) состоят в браке, 118 (12,3%) разведены; у 577 (60,2%) человек есть дети. Уровень образования респондентов: среднее – 129 (13,5%), среднее специальное – 203 (21,2%), неоконченное высшее – 45 (4,7%), высшее – 582 (60,7%). По религиозной самоидентификации: 839 (87,5%) – христиане, 4 (0,4%) – мусульмане, 2 (0,2%) – родноверцы, 41 (4,3%) – атеисты, 58 (6,0%) указали, что верят в Бога, но не относят себя к какой-либо религии, 15 (1,6%) выбрали вариант «другое».

Обоснованность и достоверность основных положений, полученных результатов и выводов исследования обеспечены теоретико-методологической проработанностью проблемы, следованием основным методологическим и логико-научным принципам и соблюдением принятых нормативов теоретического и эмпирического психологического исследования, репрезентативностью выборки, использованием апробированных методик и способов статистической обработки данных, адекватных цели, предмету и задачам исследования. Большой объем проанализированного и систематизированного теоретического материала, высокая степень его обобщения, лежащая в основе логики построения эмпирического исследования, свидетельствуют о достоверности и научной состоятельности результатов и выводов работы.

Наиболее существенные и новые результаты исследования, полученные лично соискателем, и их научная новизна заключаются в следующем:

1. Уточнено психологическое содержание духовного благополучия как интегральной характеристики личности, включающей религиозный и экзистенциальный компоненты и отражающей согласованность ценностно-смысловых, мировоззренческих и регуляторных оснований жизнедеятельности человека.
2. Впервые на русскоязычной выборке адаптирована и психометрически верифицирована русскоязычная версия Шкалы духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale, SWBS), что расширяет возможности эмпирического изучения данного феномена в отечественной психологии.
3. Выявлены возрастные особенности духовного благополучия личности, проявляющиеся в различиях общего и религиозного компонентов духовного благополучия в юношеско-подростковой и взрослой группах.
4. Установлены устойчивые взаимосвязи духовного благополучия с психологическим благополучием, базисными убеждениями, ценностными ориентациями, альтруистическими установками и негативными чертами личности.
5. Определены ведущие индивидуально-психологические предикторы общего, религиозного и экзистенциального компонентов духовного благополучия личности.

6. Построены и эмпирически подтверждены модели предсказания духовного благополучия личности, раскрывающие согласованный вклад ценностно-смысловых, мировоззренческих, регуляторно-ресурсных, просоциальных и диспозиционных характеристик.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что работа:

- способствует расширению и структурированию представлений о духовном благополучии как о научном конструкте, операционализируя его через двухфакторную модель (религиозное и экзистенциальное благополучие) и уточняя его психологический статус как интегрального показателя ценностно-смысловой саморегуляции личности;

- вносит вклад в кросс-культурную психологию, осуществляя адаптацию и верификацию ключевой зарубежной методики диагностики духовного благополучия на русскоязычной выборке, что позволяет проводить сопоставимые международные исследования, а также снижает методологические ограничения эмпирических работ в отечественной психологии духовности за счёт введения валидного инструмента измерения;

- углубляет понимание механизмов детерминации духовного благополучия, выявляя специфические взаимосвязи его компонентов с комплексом личностных переменных (ценностями, базисными убеждениями, альтруизмом, негативными чертами), в логике системного (многоуровневого) рассмотрения регуляции и ресурсов личности;

- раскрывает дифференцированную роль религиозного и экзистенциального компонентов в структуре личности, устанавливая их уникальные паттерны корреляций с другими психологическими характеристиками, а также возрастную специфику этих паттернов (14–21 год и ≥ 22 лет);

- способствует интеграции психологии духовности в направления психологии личности и психологии здоровья, уточняя место духовного благополучия в системе смежных понятий (психологическое благополучие, смысложизненные ориентации), обосновывая принципиальное различие духовного и психологического благополучия при их пересечении в экзистенциально-смысловой зоне;

– задает новые направления для дальнейших исследований, в частности, в аспекте изучения культурной специфики духовного благополучия, его роли в совладании со стрессом и кризисами, а также возможностей целенаправленного развития, включая перспективы лонгитюдной проверки выявленных моделей и анализа модераторов (в т. ч. форм религиозности).

Практическая значимость диссертации обусловлена тем, что:

– апробированный и валидизированный диагностический комплекс может быть непосредственно использован в психодиагностической практике для оценки духовного благополучия в консультативной, клинической и исследовательской работе, в том числе для дифференцированной оценки религиозного и экзистенциального компонентов;

– выявленные закономерности и построенные предиктивные модели позволяют психологам и психотерапевтам точнее выстраивать гипотезы о ресурсах и дефицитах клиентов, учитывая духовное измерение при работе с экзистенциальными кризисами, депрессией, потерей смысла и личностными расстройствами, а также опираться на эмпирически выделенные уровни детерминации (мировоззренческий, ценностно-смысловой, регуляторно-ресурсный, социально-поведенческий, диспозиционный) при постановке задач сопровождения;

– теоретические выводы и эмпирические данные могут лечь в основу разработки программ психологического сопровождения, тренингов личностного роста и профилактических мероприятий, направленных на гармонизацию ценностно-смысловой сферы и укрепление психологической устойчивости, включая модули, ориентированные на развитие смысложизненных ресурсов и просоциальной направленности как факторов духовного благополучия;

– материалы и результаты исследования могут быть включены в учебные курсы по психологии личности, клинической психологии, психологии здоровья и психологическому консультированию для студентов-психологов, а также в программы повышения квалификации практикующих специалистов, расширяя их про-

фессиональный инструментарий и понимание холистической модели благополучия, и обеспечивая методически корректное обсуждение духовного благополучия как измеряемого психологического конструкта.

Исследование проводилось поэтапно.

1. На первом этапе (зима 2022 г. – зима 2024 г.) был проведён всесторонний теоретический анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме духовности и духовного благополучия. Рассматривались философские, теологические и психологические подходы к определению и структурированию данного феномена. На основе проведённого анализа были уточнены теоретические основания исследования, сформулированы его цель, объект, предмет, гипотезы и задачи. Была разработана общая программа и методология эмпирического исследования, осуществлён подбор базового диагностического инструментария (Spiritual Well-Being Scale, SWBS) и комплекса методик для изучения связанных личностных характеристик (ценностей, убеждений, альтруизма, черт личности и психологического благополучия).

2. На втором этапе (16 апреля 2024 г. – 2 мая 2024 г.) проводился сбор эмпирических данных в онлайн формате: приглашение принять участие в исследовании распространялось на страницах тематических групп студентов, православных верующих, в социальных сетях ВКонтакте. На данном этапе осуществлялась первичная психометрическая проверка методики (анализ надёжности, исследование конструктивной валидности). Параллельно продолжался углублённый анализ литературы, что позволило эмпирически обосновать теоретическую модель духовного благополучия и уточнить рабочие гипотезы, в частности, о дифференцированных предикторах его религиозного и экзистенциального компонентов.

3. На третьем этапе (май 2024 г. – май 2026 г.) полученные эмпирические данные были количественно обработаны и качественно проинтерпретированы. Обработка и интерпретация данных дала возможность проверить гипотезы и сформулировать ключевые положения и выводы работы.

Надёжность и достоверность результатов исследования обеспечиваются опорой на согласованную теоретико-методологическую базу, большим объёмом

выборки, комбинированным качественно-количественным дизайном исследования, а также адекватностью применённых статистических методов обработки количественных данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Духовное благополучие является интегральной психологической характеристикой личности, включающей религиозный и экзистенциальный компоненты и отражающей согласованность ее ценностно-смысловых, мировоззренческих и регуляторных оснований.

2. Духовное благополучие целесообразно рассматривать как двухкомпонентный конструкт (религиозный и экзистенциальный компоненты), отражающий субъективно переживаемую осмысленность, внутреннюю согласованность и сопричастность (в том числе трансцендентную).

3. Духовное благополучие имеет выраженные возрастные различия. Общее и религиозное духовное благополучие статистически значимо выше у взрослых по сравнению с юношеско-подростковой группой, возраст выступает значимым предиктором общего и религиозного компонентов духовного благополучия.

4. Духовное благополучие положительно связано с психологическим благополучием, позитивными базисными убеждениями и альтруистическими установками и отрицательно связано с выраженностью негативных личностных черт личности.

5. Духовное благополучие как системное интегральное свойство, возникает в результате согласованной работы нескольких подсистем личности. Модель детерминации строится по принципу уровневой организации и включает:

- *диспозиционный риск-контур* (садизм как фактор риска);
- *ценностно-смысловой, нормативный контур* (межличностный конформизм, ценности сохранения и самопреодоления);
- *регуляторно-ресурсный, смысло-целевой контур* (цель в жизни);
- *социально-поведенческий, просоциально-этический контур* (установка на альтруизм);
- *мировоззренческий контур* (справедливость, удача).

Наибольший вклад в предсказание духовного благополучия вносят смысло-ценностные, мировоззренческие, регуляторно-ресурсные и просоциальные характеристики личности.

Апробация и внедрение результатов исследования

Основные положения и эмпирические результаты исследования обсуждались на методологических семинарах на кафедре психологии и педагогики филологического факультета Российского университета дружбы народов, на научных конференциях различного уровня:

- на XXXII Международных Рождественских образовательных чтениях «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего» (Москва, 2024);
- на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные теоретические и методологические проблемы экспертиз гуманитарного профиля» (Москва, МГУ, 2024);
- на круглом столе «Правовое и психологическое противодействие современному мошенничеству» (Москва, МАЭПП, 2024);
- на Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием «Психология и право в современной России. Коченовские чтения-2024» (Москва, МГППУ, 2024);
- на Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты криминалистической и следственной деятельности» (Москва, МАЭПП, 2024);
- на Всероссийской научно-практической конференции «Экологичный развод. Психологическое и юридическое сопровождение семей с детьми в период кризиса отношений» (Москва, МАЭПП, 2024);
- на XXXIII Международных Рождественских образовательных чтениях «80-летие Великой Победы: память и духовный опыт поколений» (Москва, 2025);
- на VI Международной научно-практической конференции «Приверженность вопросам психического здоровья» (Москва, РУДН, 2025);

- на Всероссийской научно-практической конференции «Современные деструктивные секты и культы: правовой, психологический и духовно-нравственный аспекты» (Москва, МГУ, 2025);
- на Всероссийской научно-практической конференции «II Бердниковские чтения» (Казань, КПДС, 2025);
- на XI Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов» (Солнечногорск, 2025);
- на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 270-летию Московского университета и его Юридического факультета «Современные технологии профайлинга и детекции лжи в юридической практике и психологии: вызовы, достижения и будущее» (Москва, МГУ, 2025);
- на Международной научно-практической конференции «Психология в Центральной Азии: пути и перспективы развития» (Астана, 2025);
- на III Международном научно-практическом фестивале «Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практики» (Минск, БГУ, 2025);
- на Всероссийской студенческой научно-богословской конференции «Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы» (Нижний Новгород, НДС, 2025);
- на Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Двадцать вторые Дамиановские чтения: Русская Православная Церковь и общество в истории России и Курского края» (Курск, Курский ГАУ, 2025).

Содержание исследования отражено в 13 опубликованных научных работах автора, из них 4 – в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных Ученым советом Российского университета дружба народов («Положение о присуждении ученых степеней» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утв. 22.01.2024, протокол № УС-1), еще в 2 статьях

– в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, и в 1 учебно-методическом пособии.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Отраженные в диссертации положения и выводы соответствуют паспорту научной специальности 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии по следующим пунктам:

1. Психическая жизнь и поведение человека. Соотношение поведения и деятельности. Детерминанты, определяющие психическую жизнь и поведение человека. Детерминация и самодетерминация как объяснительные конструкты поведения человека;

16. Мотивация, ее механизмы, формирование и функционирование. Потребности, мотивы, личностные ценности и ценностные ориентации, интересы, стремления. Нравственные ориентации. Классификация и диагностика потребностей и мотивов. Влияние мотивации на деятельность и познавательные процессы. Мотивация достижения. Мотивация служения. Направленность личности и ее системообразующая роль;

18. Мировоззрение и смысложизненное самоопределение. Смыслообразование. Смысловая регуляция поведения. Психология смысла. Ценностносмысловая сфера личности;

30. Структура личности. Полипарадигмальность и разнообразие теоретических подходов к исследованию личности. Диспозициональная регуляция поведения. Структурно-функциональный и динамический подходы в описании личности. Устойчивость и изменчивость личности. Личностные процессы. Личность как субъект саморазвития. Самодетерминация и самоактуализация личности. Личность в условиях транзитивного общества. Цифровизация и виртуализация бытия как факторы трансформации личности;

31. Норма и патология личности. Психологическое здоровье личности. Личностная зрелость и психологическое благополучие личности. Теоретические модели личности как основание для консультирования, терапии и иных практик коррекции и поддержки личности;

32. Черты личности, их диагностика. Психометрика. Конструирование и апробация опросников личностных черт;

33. Жизнестойкость, устойчивость и ситуативная обусловленность поведения личности. Ситуационный, жизненный и бытийный (экзистенциальный) контексты существования человека. Соотношение внешнего и внутреннего в жизненном пространстве человека. Ценностные ориентации и жизненные планы личности. Экзистенциальные проблемы и экзистенциальные кризисы человека;

43. Традиционные и современные модели и средства психодиагностики. Качественные и количественные методы исследования; смешанные методы.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (305 наименований, из них 272 на иностранных языках) и 8 приложений. Основной текст диссертации проиллюстрирован 35 таблицами и 15 рисунками. Объем работы без приложений – 220 страниц.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

1.1. Общие представления о духовном благополучии

Эволюция понятий «религиозность» и «духовность» в исследованиях качества жизни и психического здоровья. За последние десятилетия в медицине, социологии, психологии и теологии опубликовано значительное количество исследований, посвящённых взаимосвязи духовности и здоровья. Первоначально акцент делался на изучении религиозности как фактора здоровья [5], однако учет разнообразия верований и мировоззрений потребовал обращения к более широкому понятию – духовности [155].

Исторически термины «религия» и «духовность» использовались как взаимозаменяемые [205]. Этимологически слово «духовный» восходит к латинскому *spiritualis* и греческому *pneumatikos*, что в контексте посланий Павла относилось к человеку, на жизнь которого влияет «Дух Божий» [259]. Таким образом, на протяжении большей части истории эти понятия понимались в сугубо религиозном ключе. Современные интерпретации отражают отход от исключительно религиозного понимания духовности и переход к её осмыслению как универсального аспекта человеческого опыта [261], при этом духовность рассматривается как более широкое понятие, включающее ориентацию на высшие смыслы, ценности и цели, не обязательно связанные с конкретной религиозной традицией или системой верований [206].

Духовность признается сложным многомерным феноменом, проявляющимся как стремление и переживание связи:

- *с самим собой* (аутентичность, внутренняя гармония, самопознание, поиск смысла);
- *с другими людьми и природой* (сострадание, забота, благодарность, благоговение);
- *с трансцендентным* (связь с высшей силой, Богом, вселенной, трансцендентной реальностью) [70; 88; 113; 127; 187; 225].

Концептуальный и качественный анализ подтверждает, что связность является центральным элементом духовности, проявляясь на внутриличностном, межличностном и трансперсональном уровнях [65; 86; 102; 134; 225].

Н. G. Koenig [154] систематизирует четыре основных подхода к изучению духовности:

1. *Традиционно-исторический*: духовность соответствует группе религиозных людей.
2. *Современный*: духовность включает религию, но выходит за ее пределы.
3. *Современно-тавтологический*: духовность простирается еще дальше и включает в себя позитивное психическое здоровье и человеческие ценности, духовность и психическое здоровье в этом подходе становятся равнозначными понятиями.
4. *Современно-клинический*: духовность – индивидуально определяемый расплывчатый термин, инклюзивный для всех.

Российские исследователи рассматривают духовность как принцип саморазвития, самореализации и поиска смысла жизни [280], одновременно указывая на размытость и концептуальную неопределённость данного понятия в отечественном научном дискурсе [4].

Духовное благополучие как многомерный психологический конструкт. Несмотря на признанную значимость, в научном дискурсе отсутствует единое общепринятое определение духовного благополучия, а его концептуализация варьируется в зависимости от культурного, религиозного и методологического контекстов [68; 187]. Настоящий обзор ставит целью систематизировать существующие подходы к пониманию духовного благополучия, выделить его ключевые компоненты и эмпирически установленные взаимосвязи.

Основные подходы к определению и структуре духовного благополучия. Анализ литературы позволяет выделить несколько ключевых векторов в определении духовного благополучия:

1. *Как чувства удовлетворения и связности*: духовное благополучие рассматривается как чувство удовлетворения, проистекающее из внутреннего «Я» и связанное с качеством жизни, включающее принятие себя, приверженность моральным принципам и чувство связи с трансцендентным [186].

2. *Как динамический процесс*: духовное благополучие понимается как результат гармоничного процесса когнитивных (духовное познание), эмоциональных (духовные эмоции), поведенческих (духовные действия) и личностных (духовные достижения) улучшений [186].

3. *Как экзистенциально-мотивационное состояние*: духовное благополучие трактуется как врожденное состояние, мотивирующее поиск уникальной, субъективно воспринимаемой как истинная, цели и смысла жизни [104].

1. *Как ресурс устойчивости*: духовное благополучие определяется как способность к процветанию вопреки трудностям, эффективному совладанию со стрессом и продуктивной деятельности, что подкрепляется чувством цели, благодарности, стойкости и причастности к чему-то большему, чем собственное «Я» [221].

Наиболее влиятельной в эмпирических исследованиях стала двумерная модель С. W. Ellison и J. Smith [90], которая операционализирует духовное благополучие через два компонента:

1. *Религиозное благополучие (Religious Well-Being)* – качество отношений с Богом или трансцендентной силой (вертикальное измерение).

2. *Экзистенциальное благополучие (Existential Well-Being)* – ощущение смысла жизни, цели и удовлетворенности без обязательной связи с религией (горизонтальное измерение).

Эта модель легла в основу многих инструментов измерения и получила дальнейшее развитие. Так, иерархическая модель J. W. Fisher [102] расширяет структуру связности, выделяя четыре сферы: личную (связь с собой), общественную (связь с другими), экологическую (связь с природой) и трансцендентную (связь с

Богом/Высшей силой). Данный подход нашел отражение в современных определениях, например, предложенных Национальной межконфессиональной коалицией по проблемам старения [116].

Культурно-религиозная специфика концепта. Интерпретации духовного благополучия существенно различаются в зависимости от контекста:

– *духовность концептуализируется по-разному в различных культурных и религиозных традициях:* в христианской – как связь с Богом и ориентация на вечные ценности [285]; в исламской – как интеграция религиозных практик и благочестия [41]; в древнетюркской традиции – как священное и универсальное, антиисторическое ядро культуры [303]; индивидуальном саморазвитии и светских интерпретациях [261]: логотерапии В. Франкла (духовность как источник потребности в смысле), духовного ядра человека [123], позитивной психологии (роль духовности в целостном здоровье, благополучии и эвдемонии) [171]. Для специфических групп, например, пасторов, духовное благополучие тесно связано с призванием, ученичеством и этическим поведением [231]. Эти различия подчеркивают культурную обусловленность духовного благополучия и необходимость учитывать контекст при его изучении;

– *в российском академическом дискурсе концепция духовного благополучия укоренена в культурно-историческом контексте* и часто связывается с системой ценностей, регулирующих социальное поведение, где выбор ценностей рассматривается как акт свободы и ответственности [280]. Делается акцент на внутренней мотивации, самореализации и развитии компетенций как факторах духовного благополучия [32]. Духовное благополучие рассматривается как аспект реальной жизнедеятельности человека [17], где центральным моментом выступает личность, вступающая в особый род отношений с миром, собой и надындивидуальным измерением. В русскоязычной литературе преобладает изучение духовности как ценностной категории, в то время как духовное благополучие как компонент психического здоровья исследован в меньшей степени.

Эмпирические взаимосвязи с показателями психического здоровья и благополучия. Многочисленные исследования демонстрируют устойчивые положительные

корреляции духовного благополучия с широким спектром показателей психологического функционирования:

1. *Психическим здоровьем*: духовное благополучие ассоциируется с позитивным аффектом, адаптивными копинг-стратегиями, снижением уровня тревоги, депрессии, суицидальных мыслей и чувства безнадежности [111; 125; 162; 222].

2. *Психологическим благополучием*: духовное благополучие связано со способностью справляться со стрессом, продуктивно работать и поддерживать позитивное функционирование [107; 221; 296].

3. *Социальное взаимодействие*: важным аспектом духовного благополучия является качество отношений с окружающими, которые подразумевают открытость, толерантность и общение [295]). Социальные контакты с окружающими являются важнейшими факторами духовного благополучия, особенно у пожилых людей [161].

4. *Ценностно-смысловая сфера*: духовные ценности влияют на то, как человек переживает различные эмоции, в чем находит смысл своей жизни и радость [301].

Вопрос операционализации понятия духовного благополучия и направления исследований. В психологии духовное благополучие понимается как интегральный конструкт [70; 113; 127; 130], который выходит за рамки религиозности [185]. В различных инструментах измерения акцент делается на разных аспектах: смысл жизни и гармония [188]), связь с собой и окружающим миром [64], способность к преодолению трудностей [10].

Как следует из проведенного анализа в Таблице 1, большинство исследователей признают многокомпонентную структуру конструкта духовного благополучия, однако количество компонентов варьируется: один [287], два [75; 89; 90; 162; 192; 218], три [99; 283], четыре [195] и пять или больше [78; 178; 219]. Тем не менее большинство авторов склонны выделять в структуре духовного благополучия два компонента, характеризующих его религиозную и экзистенциальную составляющие. Нет согласия между авторами и в отношении категоризации конструкта, который авторы определяют как чувство [75; 89], состояние [195; 287], процесс оценки

(т.е. мышления) [90; 99], стремление (проявление направленности) [78], осознание цели, смысла (направленность) [218; 219], способ самореализации (навык) [191], качество личности [192; 283].

Таблица 1 – Сводная таблица некоторых определений духовного благополучия

№	Определение	Структура	Авторы, год
1	Духовное благополучие – это утверждение жизни в <i>отношениях с Богом, самим собой, обществом и окружающей средой</i> , которые поддерживают целостность и прославляют ее.	Религиозный, экзистенциальный, социальный и экологический компоненты	National Interfaith Coalition on Aging, 1975 [195]
2	<i>Чувство благополучия</i> , которое мы испытываем, когда находим цели, которым можем посвятить себя и которые имеют высший смысл для жизни.	Экзистенциальный и трансцендентный компоненты	C. W. Ellison, 1983 [89]
3	<i>Качество</i> , которое выходит за рамки религиозной принадлежности, которое стремится к вдохновению, благоговению, трепету, смыслу и цели, даже у тех, кто не верит ни в какое добро. <i>Субъективный опыт священного.</i>	Экзистенциальный и трансцендентный компоненты Трансцендентный компонент	R. B. Murray, J. B. Zenter, 1989 [192] F. Vaughan, 1991 [287]
4	SWB включает в себя связанное с Богом или трансцендентное <i>измерение</i> религиозного <i>Бытия</i> (RWB), а также имманентное измерение экзистенциального Благополучия (EWB), связанное с <i>удовлетворенностью жизнью и целеустремленностью</i> , без опоры на высшую силу	Трансцендентный и экзистенциальный компоненты	C. W. Ellison, J. Smith, 1991 [90]
5	<i>Способ</i> , которым люди понимают и <i>проживают</i> свою жизнь, учитывая её высший смысл и ценность.	Экзистенциальный и трансцендентный компоненты.	M. Muldoon, N. King, 1995 [191]
6	<i>Чувство «связанности»</i> с человечеством и творением в целом, ощущение «единства» с творением, стремление к внутреннему миру и гармонии, опора на духовные принципы и поиск смысла жизни.	Экзистенциальный и трансцендентный компоненты.	K. L. Davis, J. Panksepp, L. Normansell, 2003 [75]
9	<i>Способность</i> переживать и интегрировать смысл и цель существования через связь с самим собой, другими людьми или силой, превосходящей тебя самого.	Экзистенциальный, интеграционный и трансцендентный компоненты.	H. F. Unterrainer, K. H. Ladenhauf, S. J. Wallner-Liebmann, A. Fink, 2011 [283]
10	Аспект, который относится к тому, как люди ищут и выражают смысл и цель, и как они ощущают свою связь с настоящим моментом, с собой, с другими, с природой и со священным.	Экзистенциальный и трансцендентный компоненты.	C. Puchalski, B. Ferrell, 2011 [218]

Исходя из проведенного анализа можно вывести уточненное определение: *духовное благополучие – это интегральная психологическая характеристика личности, отражающая степень субъективно переживаемой осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизни, формирующаяся в результате согласования мировоззренческих, ценностно-смысловых, регуляторно-ресурсных и социально-поведенческих характеристик личности и проявляющейся в устойчивой способности интегрировать жизненный опыт, поддерживать внутреннее согласие и выстраивать значимые отношения с собой, другими людьми, миром и (или) трансцендентным измерением, в единстве экзистенциального (имманентного) и религиозного (трансцендентного) компонентов.*

В психологическом плане *духовное благополучие* представляет собой *многомерный конструкт, включающий как минимум два взаимосвязанных, но аналитически различных компонента:*

1. Экзистенциальный компонент, связанный с осознанием и переживанием смысла жизни, жизненных целей, субъективной удовлетворённости и согласованности жизненного пути, а также с воплощением ценностных ориентаций в повседневной деятельности.

2. Трансцендентный компонент, отражающий переживание связи с реальностью, превосходящей индивидуальный уровень существования (Богом, высшей силой, священным, универсальным порядком), задающей направление смыслообразования и выступающей источником устойчивых ценностных оснований.

На операционально-динамическом уровне *духовное благополучие* проявляется в эмоциональной устойчивости, способности к совладанию со стрессом, регуляции аффективных состояний, а также в поведенческих стратегиях, направленных на поддержание внутренней целостности и гармонии с социальным и культурным окружением.

Таким образом, *духовное благополучие может быть рассмотрено как психологический ресурс, опосредующий связь между ценностно-смысловой сферой личности и показателями психического и психологического здоровья. Если исключить*

экзистенциальную составляющую, то невозможно проанализировать как духовные убеждения воплощаются в реальной жизни. А исключение трансцендентной составляющей приведет к тому, что духовное благополучие сведется к общему показателю психологического благополучия.

Несмотря на то, что в научной литературе есть множество вариантов понимания духовного благополучия, большинство все же признают его важность как психологического ресурса для адаптации личности, способности противостоять тревоге и улучшения удовлетворенности своей жизнью. Однако, важно признавать, что духовное благополучие формируется именно во взаимосвязи с системой ценностей человека, личных убеждений и взглядов, индивидуальных особенностей, а также общего психологического благополучия. Поэтому духовное благополучие необходимо рассматривать именно в контексте психологических факторов, которые оказывают на него влияние. Анализ данных факторов позволяет не только уточнить структуру духовного благополучия, но и определить механизмы его связи с психическим здоровьем личности, что и составляет предмет рассмотрения в следующем параграфе.

1.2. Факторы и детерминанты духовного благополучия

1.2.1. Духовное благополучие и общее благополучие человека

Вопрос благополучия человека и факторов, его обеспечивающих, в последние десятилетия становится одним из центральных направлений психологической науки, что отражается в росте исследований эмоционального, социального, психологического, духовного и субъективного благополучия [8; 14; 24; 35; 87; 194; 298; 255]. При этом значительная часть работ описывает отдельные, преимущественно изолированные измерения благополучия, тогда как вопрос об их структурных отношениях и механизмах сопряженности, в частности, между духовным и психологическим благополучием, остается сравнительно менее разработанным. Вместе с тем показано, что духовное благополучие занимает значимое место в общей системе благополучия человека [90; 207].

Проведенный теоретический анализ выявил недостаточную разработанность духовного благополучия в психологической перспективе: духовность нередко трактуется преимущественно как ценностно-мировоззренческая категория, а не как компонент психического здоровья и позитивного функционирования. В итоге мы имеем ситуацию, когда аспекты духовности рассматриваются с точки зрения нормативных оценок, а психологические аспекты через эмпирические исследования. Это затрудняет их сопоставление. Поэтому необходимо интегрировать измерение духовного благополучия личности в практику проведения психологических исследований.

Существует значительное количество данных, которые свидетельствуют, что высокие уровни оценки духовного благополучия связаны с различными показателями психического здоровья, особенно с субъективным психологическим благополучием [36; 38; 101; 153; 194; 282]. Показано, что духовное благополучие может выступать значимым ресурсом в процессе восстановления при психических расстройствах и выполнять защитную функцию, снижая риск аддиктивного и суицидального поведения [282]. Однако преобладание корреляционных дизайнов означает, что вопрос о направленности влияний и о психологических «передаточных звеньях» этой связи остается открытым, что определяет потребность в исследованиях механизмов, через которые духовное благополучие связано с состояниями и поведением, релевантными здоровью.

Современные исследования рассматривают психологическое и духовное благополучие как взаимосвязанные компоненты интегрального благополучия, частично перекрывающиеся по эвдемоническому содержанию: переживанием осмысленности, целенаправленности и внутренней согласованности жизненного пути, а также субъективной оценкой качества собственного функционирования [215; 234; 236; 254]. В эмпирических работах, где психологическое благополучие чаще операционализируется с помощью методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (Ryff Scales of Psychological Well-Being [234]) и интерпретируется как показатели позитивного функционирования личности. Духовное благополучие, в свою очередь, оценивается с помощью «Шкалы духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale [203]) и шкалы FACIT-Sp (Spiritual Well-Being Scale

of the Functional Assessment of Chronic Illness Therapy [55]) - как субъективно оцениваемая осмысленность и внутренний покой, а также, в зависимости от инструмента, компонент веры и связи с трансцендентным. Тем самым пересечение конструкторов закономерно наиболее выражено в экзистенциально-смысловой зоне (смысл, цель, согласованность), тогда как их различение обеспечивается, с одной стороны, трансцендентно-ориентированным измерением духовного благополучия (вера, связь с сверхличностным), а с другой – компонентами психологического благополучия, связанными с автономией, компетентностью и личностным ростом. В подобных исследованиях последовательно демонстрируется, что их взаимосвязь носит системный характер [36; 194; 223; 284]. Исследования, когда психологическое и духовное благополучие измерялись одновременно показывают положительную взаимосвязь и отмечают неоднородный вклад его отдельных компонентов: экзистенциальный компонент духовного благополучия показывает более сильные связи, чем показатели религиозности [175].

Научная литература позволяет выделить несколько важных механизмов, которые являются связующим звеном между этими двумя видами благополучия. Важно учитывать, что механизмы могут работать одновременно, параллельно и последовательно, создавая интегральную модель.

Во-первых, это осмысление и связанная с ним когнитивная согласованность. Именно способность осмысливать и анализировать свою жизнь поддерживает эвдемические компоненты психологического благополучия и экзистенциальные компоненты духовного благополучия. А длительный поиск смысла в жизни чаще всего является показателем духовного кризиса и сопряжен со снижением обоих показателей [159; 175; 215].

Во-вторых, значимы процессы эмоциональной регуляции и психологической устойчивости: принятие, переоценка и поддержание надежды могут выступать опосредующими переменными, через которые духовное благополучие связано с более высоким психологическим благополучием [228; 278]. Аналитически важно

различать наличие духовных убеждений и их регуляторную функцию: именно способность использовать духовные смыслы как ресурс эмоциональной регуляции вероятнее объясняет устойчивые связи с благополучием.

В-третьих, существенны копинг-стратегии, включая религиозно-духовный копинг: конструктивные формы (коллаборативный копинг) коррелируют с более высоким благополучием, тогда как негативные формы (переживание наказания или оставленности) – с ростом дистресса и снижением психологического и духовного благополучия [165; 175; 209]. Тем самым духовно-смысловая сфера может выступать как ресурсом, так и фактором уязвимости – в зависимости от качества копинга и доминирующих интерпретационных схем.

В-четвёртых, важны процессы, связанные с представлением о себе (Я-концепцией) и идентичностью (самопринятие, ценностно-поведенческая согласованность, интеграция духовных убеждений в структуру Я-концепции): согласованность ценностно-смысловых ориентаций и повседневного поведения повышает субъективную целостность и может объяснять связь духовных смыслов с показателями психологического благополучия [234; 284]. Здесь ключевым посредником выступает феномен внутренней конгруэнтности: чем выше согласованность «убеждения–выборы–поведение», тем устойчивее переживание целостности и внутреннего покоя.

В-пятых, значимы социально-психологические ресурсы (поддержка, принадлежность, ценностно-конгруэнтная среда), которые способны усиливать или ослаблять связи между духовным благополучием, стрессом и психопатологической симптоматикой [114; 304]. Данный блок задаёт модерационную логику: в неблагоприятной среде духовные смыслы могут не реализоваться в поддерживающем социальном опыте, тогда как в ценностно-конгруэнтной среде их регуляторный потенциал усиливается.

В целом это задаёт продуктивную исследовательскую рамку: рассматривать психологическое и духовное благополучие как взаимосвязанные результаты работы общих психологических систем (смыслообразование, эмоциональная регуляция, копинг, Я-концепция, социальная поддержка), уточняя направленность связей и роль опосредующих/модерирующих переменных. Для русскоязычного научного

контекста сохраняется дефицит работ, прямо изучающих связи духовного и психологического благополучия с использованием валидизированных инструментов измерения, что определяет необходимость применения недавно адаптированного и валидизированного на русскоязычной выборке ключевого инструмента оценки духовного благополучия [3]. Методологически это позволяет переходить от общих утверждений о «значимости духовности» к воспроизводимым эмпирическим моделям, сопоставимым с международными исследованиями и пригодным для обоснованной психологической практики.

1.2.2. Духовное благополучие и альтруизм

В контексте настоящей главы духовное благополучие рассматривается как интегральная характеристика субъективного переживания осмысленности жизни и связанности с самим собой, другими людьми, а также с трансцендентным или сверхличностным началом [215; 241]. Духовное благополучие рассматривается как результат смысловой интеграции опыта и переживания сопричастности, а альтруизм – как один из поведенческих механизмов, способных поддерживать эти процессы. При таком понимании принципиально важно анализировать не только «источники» духовного благополучия (убеждения, ценности, духовный опыт), но и установки, поддерживающие его проявления в поведении. Альтруизм выбирается как репрезентативная форма просоциальной активности, поскольку он непосредственно связан с выходом за пределы эгоцентрической перспективы и тем самым концептуально соотносится с переживанием самотрансценденции и смысла. Одной из таких форм выступает альтруизм, который в психологическом контексте может рассматриваться как фактор формирования и поддержания духовного благополучия, поскольку альтруистическая активность создает и закрепляет переживания смысла, внутренней согласованности и связности с другими людьми.

Альтруизм в отечественной научной традиции принято трактовать как разновидность мотивационной направленности, конечная цель которой – улучшение состояния другого человека, при этом альтруистический акт не предполагает обязательного требования «жертвенности» и может быть сопряжен с

сохранением или даже увеличением субъективных ресурсов индивида [33]. В этом смысле альтруистическая направленность проявляется как устойчивый комплекс установок и готовности к действию, включающий: стремление приносить пользу другим, тенденцию к активному включению в ситуации чужого страдания или трудностей, предпочтение полезной для других деятельности при ослаблении ориентации на непосредственную личную выгоду, а также опору на базовые просоциальные убеждения о мире и людях. Для задач данной главы существенна следующая логика: *альтруистическая мотивация и поведение выступают не только следствием духовности, но и механизмом, посредством которого духовное благополучие конструируется и поддерживается* – прежде всего за счет расширения смысложизненных ориентаций, укрепления внутреннего покоя и переживания сопричастности. При этом эмпирически фиксируемая связь между духовным благополучием и альтруизмом чаще носит корреляционный характер; следовательно, теоретическая интерпретация должна учитывать вероятную двунаправленность и роль третьих переменных (например, личностных черт, социальной включенности и нормативных ожиданий).

Разнообразие форм альтруизма в литературе описывается через типологии и различие субъективных оснований просоциальных действий: подлинный/неподлинный альтруизм, протоальтруизм, генеративный, конфликтный, псевдоальтруизм и психотический альтруизм [252], «альтернативный альтруизм» [25], а также возрастные [266] и гендерные особенности [152]. Указанное разнообразие важно не само по себе, а как основание для вывода о том, что вклад альтруизма в духовное благополучие зависит от мотивационного качества просоциального действия и от контекста, в котором разворачивается помощь. В частности, помощь, инициированная преимущественно внешним давлением, чувством вины или потребностью в одобрении, может не сопровождаться ростом осмысленности и внутренней согласованности, а в ряде случаев – усиливать внутренний конфликт и напряжение.

С точки зрения психологического механизма, значимым является предложенное F. B. de Waal [80, с. 281] различие:

- 1) альтруистического импульса как немедленного отклика на сигнал нужды;
- 2) выученного альтруизма как поведенческого ответа, поддерживаемого положительным подкреплением;
- 3) намеренного альтруизма как целенаправленного действия, которое может быть связано как с ожиданием взаимности (реципрокный альтруизм), так и с ориентацией на благо другого как самостоятельную цель («чистый» альтруизм).

Для обоснования альтруизма как фактора духовного благополучия ключевым является третий уровень: намеренная, ценностно опосредованная помощь создает условия для устойчивого смыслообразования и переживания внутренней согласованности [215]. Следовательно, теоретически ожидается, что наиболее выраженный вклад в духовное благополучие будет демонстрировать автономно мотивированная, ценностно интегрированная помощь, а не ситуативная или преимущественно инструментальная просоциальность. Чем больше альтруистический акт встроен в личностно значимую систему ценностей и жизненных смыслов, тем выше его потенциал в качестве фактора духовного благополучия.

Структурно альтруистическая установка (направленность) может быть описана через классическую трехкомпонентную модель: когнитивный компонент (представления и убеждения о ценности, нормах и допустимых формах альтруистического отношения), аффективный компонент (эмоционально-ценностное отношение к помощи и к нуждающемуся) и поведенческий компонент (готовность и приверженность альтруистическому поведению) [230]. В логике настоящей главы эта модель позволяет показать, что духовное благополучие поддерживается не только «внутренними» переживаниями, но и поведенческой реализацией: согласованность когнитивного, аффективного и поведенческого уровней альтруистической установки усиливает переживание целостности личности – центрального признака духовного благополучия. Данный вывод может быть уточнен через идею смысловой и ценностной конгруэнтности: согласованность установок и поведения снижает внутреннюю диссонантность и

поддерживает интегрированное представление о себе, что функционально связано с переживанием внутреннего покоя и осмысленности.

Эволюционно-биологические концепции альтруизма – родственного, взаимного и группового [121; 168; 170; 243; 291] подчеркивают социальную полезность просоциальных форм поведения и их роль в поддержании устойчивости сообществ. В психологическом измерении это дополняется данными о том, что альтруистическая активность связана с субъективным благополучием и смысловой регуляцией поведения в условиях стресса и неопределенности [40; 120]. Тем самым альтруизм может рассматриваться как поведенческий ресурс духовного благополучия: через участие в помощи субъект получает опыт личностной значимости, сопричастности и выхода за пределы эгоцентрической перспективы.

Эмпирическая база также фиксирует сопряженность духовности и духовного опыта с альтруистическим поведением. Так, L. B. Koenig, M. McGue, R. F. Krueger, T. J. Bouchard Jr. [156] показали положительную связь религиозной духовности с альтруистическим поведением; J. T. Huber и D. A. MacDonald [133] уточнили, что духовный опыт может оказывать прямое влияние на альтруизм, а духовное познание – косвенное, опосредованное эмпатией, сходная идея о том, что духовность формирует социальное поведение, представлена у S. R. Zerbetto, A. M. S. Gonçalves, N. Santile, S. A. F. Galera, A. C. Acorinte, G. Giovannetti [299]. Таким образом, альтруистическая практика (включая заботу, волонтерство, взаимопомощь) способна усиливать компоненты духовного благополучия за счет накопления опыта смысловой реализованности и внутренней согласованности [108; 214]. В частности, в клинических контекстах помощь и поддержка других могут становиться способом переживания ценностной наполненности жизненной ситуации и укрепления внутреннего покоя [114; 214]. Вместе с тем формулировки о «влиянии» и «формировании» в данном разделе следует понимать как теоретико-механистическую интерпретацию выявляемых связей, требующую проверки в лонгитюдных и (квази)экспериментальных дизайнах.

Следует, однако, учитывать методологическое ограничение: нередко используется самоотчетный (декларируемый) альтруизм, который является

субъективным показателем и зависит от уровня рефлексии, социальных ожиданий и понимания участниками содержания «помогающего поведения», не всегда полностью соответствуя реальным поведенческим паттернам [133]. В этом случае самоотчетный показатель в большей степени отражает установочно-нормативный уровень и особенности самопрезентации, чем фактическую частоту и контекст помощи. Поэтому целесообразно различать: 1) установочно-мотивационный уровень (альтруистическая направленность), 2) уровень реального поведения (частота и контекст помощи) и 3) экзистенциально-смысловые эффекты помощи (изменения осмысленности, внутреннего покоя, переживания сопричастности), чтобы корректно обосновать альтруизм как фактор духовного благополучия. Операционально это может предполагать сочетание: психометрических шкал установок и ценностных ориентаций, поведенческих индикаторов (регистрация участия, наблюдение, отчеты значимых других), дневниковых и выборочных процедур для фиксации контекста помощи и ее субъективных смысловых эффектов.

В целом психологические исследования подтверждают наличие связи между духовным благополучием и альтруизмом [21; 46; 133; 156; 239]. При этом многомерность обоих конструктов и неоднозначность результатов задают перспективу исследований: уточнение качественных характеристик альтруистической мотивации, условий устойчивости «помогающего поведения» без хронического истощения собственных ресурсов, а также механизмов, через которые альтруизм влияет на рост духовного благополучия (в первую очередь – через смыслообразование, эмпатическое соучастие, регуляцию эмоциональных состояний и поддержку значимых социальных связей). Дополнительно требуется выделение модераторов указанной связи (добровольность помощи, ресурсная обеспеченность, наличие социальной поддержки, отсутствие принуждения и ролевого конфликта), поскольку при неблагоприятных условиях просоциальная активность может сопровождаться эмоциональным выгоранием и снижением субъективного благополучия, тем самым ослабляя или инвертируя ее вклад в духовное благополучие. Тем самым теоретическая модель, предлагаемая в рамках

главы, может быть сведена к следующему: ценностно интегрированная и автономно мотивированная помощь приводит к усилению смысловой интеграции и переживания сопричастности, что приводит к росту показателей духовного благополучия, при существенной роли контекста и индивидуальных ресурсов.

1.2.3. Духовное благополучие и ценности личности

Благополучие личности в рамках общей психологии все чаще описывается как интегральная характеристика жизнедеятельности, включающая не только эмоционально-оценочный компонент (удовлетворенность жизнью), но и ценностно-смысловое измерение, отражающее переживание осмысленности, внутренней согласованности и жизненной оправданности собственного пути. В данном измерении духовное благополучие целесообразно понимать не как изолированное явление, а как производное состояние ценностно-смысловой сферы личности: оно выражает, насколько жизненный опыт субъекта организован вокруг внутренних ценностных оснований, насколько эти основания реализуются в деятельности и поддерживают переживание цельности, внутреннего мира и нравственно-смысловой состоятельности.

В отечественной психологической традиции ценности выступают как системообразующее основание смысловой регуляции, задающее избирательность отношения к миру, направленность активности и критерии самооценивания жизненных результатов. Принципиально важно, что ценности не сводимы к эмоциональной значимости, социальной норме или установке: они определяют субъективную значимость предметов, событий и абстрактных идей, тем самым становясь основанием личностного выбора и смыслообразования [6]. Следовательно, рассмотрение духовного благополучия через ценности позволяет перейти от описания состояния к анализу его детерминант: духовное благополучие оказывается связным с тем, какие ценности реально организуют жизненную перспективу личности, как они иерархизированы и насколько согласованы с повседневной практикой.

Для эмпирического анализа ценностных факторов духовного благополучия широко применяется концепция базовых ценностей S. H. Schwartz, описывающая

ценности как устойчивые мотивационные ориентиры, выполняющие функцию критериев оценки ситуации и регуляторов выбора. В работах автора подчеркиваются характеристики ценностей: их связь с аффективной сферой, представленность в форме желаемых целей, надситуативность, центральное значение в принятии решений, иерархическая организация и выраженный мотивационный потенциал [246; 247]. В рамках универсальной типологии выделяются десять ценностных категорий: безопасность, конформность, традиция, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижение, власть [245].

Для задач настоящей главы существенна не столько сама классификация, сколько возможность аналитически описывать, какие ценностные сочетания создают психологические условия для духовного благополучия. В данном контексте духовное благополучие можно операционально описывать через совокупность взаимосвязанных переживаний: осмысленности и жизненной направленности, внутреннего мира, ценностной согласованности с самим собой, а также выхода за пределы эгоцентрической перспективы в сторону надличностных оснований (ответственности, сопричастности, служения, заботы). В прикладных исследованиях здоровья для фиксации этих аспектов используются шкалы духовного благополучия (в том числе FACIT-Sp), где выделяются компоненты смысла и внутреннего мира и религиозно-духовной опоры [215]. Однако психологически продуктивно рассматривать эти показатели не как самостоятельную духовность, а как результат согласованной работы ценностно-смысловой регуляции.

Совокупность исследований взаимосвязи ценностей и благополучия демонстрирует вариативность результатов, что методологически указывает: влияние ценностей на благополучие, в том числе духовное, не является прямолинейным, а опосредуется социальной ситуацией развития, культурными ожиданиями и возможностями реализации ценностей. Показано, что одни ценностные приоритеты могут выступать ресурсом субъективного благополучия, тогда как другие – повышать риск внутреннего напряжения. Н. Н. Strupp [269], L. Sagiv и S. H. Schwartz [237] показали, что «здоровые» ценности способствуют, а «нездоровые» подрывают субъективное благополучие.

Важный механизм – согласованность ценностей личности и ценностных ожиданий социальной среды. Установлено, что соответствие индивидуальных ценностей доминирующим ценностным ориентациям окружения связано с более высоким субъективным благополучием [233].

В работах S. H. Schwartz [248] и F. M. Sortheix [265] отмечается, что ценностные ориентации отличаются по своим психологическим направлениям. Например, стремление к развитию, как правило, поддерживает благополучие, а ориентации на контроль тревоги снижают его. Международные сравнения людей разных культур показывают, что влияние ценностей меняется в зависимости от уровня жизни и окружения человека. Например, ценности открытости к изменениям чаще связаны с более высоким уровнем благополучия, а желание личного превосходства связаны с контекстом [51; 263]. Тем самым подтверждается принципиальный тезис для анализа духовного благополучия: ценность как мотивационный ориентир может выступать ресурсом или источником напряжения в зависимости от условий ее реализации и культурной принадлежности.

Отдельные исследования указывают, что в семейной сфере сходство ценностей может играть меньшую роль, чем сходство установок и религиозности [163]. Это не отменяет значения ценностного фактора, но уточняет его: религиозность и духовность обладают многоаспектной природой и проявляются через различные ценностные структуры [47], а влияние некоторых ценностей является более здоровым, и способствует благополучию [14]. Необходимо различать декларируемые ценности и ценности как реально действующие основания регуляции жизнедеятельности.

Ценности задают критерии значимого, определяя, какие цели, отношения и жизненные события включаются в «ядро смысла». Духовное благополучие в этом ракурсе выступает как переживание того, что жизнь осмысленна, а происходящее может быть соотнесено с внутренне принятыми основаниями. При согласованности повседневной практики с ценностями усиливаются переживания целостности и внутреннего мира; при устойчивом рассогласовании возрастает вероятность

смысловой фрагментации, чувства внутренней пустоты и нравственно-смыслового дискомфорта [6].

Ценностная система носит иерархический характер; поэтому духовное благополучие определяется не «наличием правильных ценностей», а степенью их согласованности и интегрированности в общую структуру мотивов и смыслов. Продольные исследования показывают устойчивые, хотя и небольшие, взаимосвязи между ценностями и субъективным благополучием во времени [118]. В контексте духовного благополучия это позволяет говорить о взаимном усилении: ценности повышают вероятность переживания осмысленности и внутреннего мира, а переживание благополучия способствует стабилизации ценностной иерархии.

Ценности составляют смысловое ядро идентичности, обеспечивая субъекту основания для ответа на вопросы «кто я» и «ради чего я живу». Продольные данные свидетельствуют, что устойчивость личностных решений и жизненных обязательств, насыщенных ценностным содержанием, связана с более высоким благополучием, а благополучие поддерживает устойчивость этих решений [167]. Следовательно, ценности выступают не внешним «фоном», а структурным условием духовного благополучия: чем выше определенность и внутреннее принятие ценностных оснований, тем выше вероятность переживания смысловой состоятельности и внутренней согласованности.

Для духовного благополучия принципиально значима не декларация ценностей, а их реализация в жизненной практике. Исследования психологических программ, ориентированных на прояснение и воплощение личностных ценностей, показывают рост показателей благополучия, связанных с осмысленностью и переживанием развития [53; 232]. Эти эффекты могут быть интерпретированы как усиление духовного благополучия за счет повышения внутренней согласованности между тем, что человек считает важным, и тем, как он реально живет. Связи ценностей и благополучия существенно зависят от культурного контекста [265]. Одни ценностные ориентации получают поддержку среды, другие – ограничиваются, что ведет к фрустрации смыслов и росту внутреннего напряжения. В отношении духовного благополучия это означает необходимость контекстного анализа: одни и те же

ценности могут способствовать внутренней устойчивости в условиях традиционно организованной культуры, но сопровождаться конфликтом в условиях светской, плюралистической среды – и наоборот.

В эмпирической литературе разводятся экзистенциальные аспекты духовного благополучия и религиозно-духовные аспекты. Показано, что эти компоненты могут по-разному соотноситься с психологическими показателями: в частности, экзистенциальный компонент чаще выступает устойчивым ресурсом, тогда как религиозный компонент в отдельных условиях может сопровождаться внутренним напряжением и переживанием духовно-нравственного конфликта [175]. Духовное благополучие поддерживается не «фактом религиозности», а тем, насколько религиозные и духовные смыслы интегрированы в ценностно-смысловую систему личности и не вступают в противоречие с другими значимыми ценностями.

В рамках общей психологии представляется обоснованным рассматривать ценности и духовное благополучие как *взаимосвязанную, контекстно обусловленную систему*.

Во-первых, ценности выступают факторами духовного благополучия, поскольку задают основания смыслообразования, определяют критерии значимости жизненных целей и отношений, а также обеспечивают внутренние ориентиры для самоопределения. Согласованность ценностей со средой и возможность их реализации укрепляют духовное благополучие [233], тогда как конфликтность ценностей, их низкая интегрированность и невозможность реализации повышают вероятность внутреннего напряжения и смысловой несостоятельности.

Во-вторых, духовное благополучие оказывает обратное влияние, способствуя стабилизации ценностной иерархии и снижению внутренних противоречий, что согласуется с данными о продольном взаимодействии ценностей и благополучия [118]. Переживание внутреннего мира и осмысленности выполняет функцию психологического подкрепления ценностно организованной жизненной стратегии.

В-третьих, общий базис этих связей составляет ценностно-смысловая направленность жизнедеятельности: духовное благополучие и определенные цен-

ностные структуры могут рассматриваться как проявления более общего личностного основания – ориентированности на смысловую связность жизни, ответственность, целостность и выход к надличностным смыслам. В этой логике вариативность межкультурных эффектов «ценности – благополучие» отражает работу целостной системы ценностно-смысловой регуляции в конкретных социокультурных условиях [265; 286; 289].

В исследованиях целесообразно совместно оценивать структуру ценностей и показатели духовного благополучия (с выделением экзистенциального и религиозного компонентов), поскольку эти компоненты могут иметь различную ценностную обусловленность [175; 215]. Необходимо различать ценности как декларации и ценности как реально действующие регуляторы, а также учитывать культурную обусловленность и доступность форм реализации ценностей. Психологические программы, направленные на прояснение и реализацию личностных ценностей, могут рассматриваться как обоснованный путь повышения духовного благополучия за счет усиления смысловой связности и внутренней согласованности жизнедеятельности [53; 232].

1.2.4. Духовное благополучие и базисные убеждения личности

Наименее разработанной в отечественной психологии остается проблема функциональной роли базисных убеждений в обеспечении духовного благополучия и, шире, вопрос о том, каким образом устойчивые, преимущественно имплицитные представления о мире и о себе выступают психологическими условиями переживания человеком смысловой наполненности жизни, внутренней согласованности и ценностно-экзистенциальной опоры. В зарубежной традиции духовное благополучие описывается как переживание благополучия, возникающее при обретении целей и смыслов, имеющих для личности высшую значимость [89]. В российской научной психологии продуктивно рассматривать духовное благополучие не как автономное образование, а как интегральный показатель состояния ценностно-смысловой регуляции, отражающий степень переживаемой осмысленности, внутренней гармонии и укорененности жизненного пути в

устойчивой системе значений и отношений. В этом же контексте важно подчеркнуть: духовное благополучие описывает прежде всего как «качество переживания» собственной жизни (осмысленность, внутренний покой, сопричастность), а не как набор декларируемых мировоззренческих тезисов, в психометрической традиции это различие фиксируется, в частности, через выделение компонентов переживания смысла (смысл, покой) и компонента, связанного с верой (например, в FACIT-Sp) [215]. В этом контексте базисные убеждения понимаются как устойчивые представления индивида о мире и о себе, влияющие на мышление, эмоциональные состояния и поведение [23], при этом подчеркивается их чрезмерно обобщенный характер [45].

Теоретическим основанием концепта базисных убеждений выступают положения когнитивно-экспериментальной теории С. Epstein [91], согласно которым субъект реконструирует реальность двумя взаимодействующими способами: рациональным и эмпирическим. Конструкты рациональной системы оформляются как осознаваемые убеждения, тогда как продукты опытно-эмоциональной переработки представлены имплицитными убеждениями (схемами) [26]. Важное методологическое следствие состоит в том, что именно экспериментальная схема содержит в себе больше адаптивных сил, чем рациональная [273]: она обеспечивает быстроту оценивания событий, устойчивость отношений к миру и относительную непротиворечивость «картины мира» и «образа Я». В рамках теории когнитивных схем субъект формирует имплицитную «теорию реальности», включающую: 1) представления о себе, 2) представления о мире, 3) репрезентации отношений между Я и миром. С учетом проблематики духовного благополучия принципиально, что к «миру» в психологическом смысле относится и слой предельных оснований – представления о высшем смысле, судьбе, справедливости, образ сакрального и трансцендентного (в религиозной картине мира – образ Бога), эти представления функционируют как частный, но психологически значимый сектор базисных убеждений, поскольку участвуют в объяснении страдания, неопределенности и конечности. Тем самым базисные убеждения задают не частные мнения, а глобальные основания интерпретации, на

которых строится смысловое объяснение происходящего и выбираются стратегии поведения и совладания.

Указанные свойства позволяют рассматривать базисные убеждения как психологические условия духовного благополучия по меньшей мере в трех взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, базисные убеждения задают «рамку осмысленности»: они определяют, будет ли событие переживаться как осмысленное или бессмысленное, закономерное или случайное, управляемое или неуправляемое. Духовное благополучие, будучи переживаемым итогом смысловой работы личности, оказывается зависимым от того, насколько субъект располагает устойчивыми схемами, допускающими построение связного объяснения опыта, включая опыт утраты, страдания и неопределенности. Именно поэтому в исследованиях психотравмы базисные убеждения описываются как ядро «картины мира», которое может быть подорвано экстремальными событиями и затем реконструировано [13; 22; 138]. С позиции духовного благополучия принципиально, что «подрыв» базисных убеждений означает не только рост эмоционального дистресса, но и распад смысловой связности жизненного опыта: утрату переживания цели, внутреннего покоя и доверия к миру, что переживается как экзистенциальная дезориентация.

Во-вторых, базисные убеждения определяют базовое доверие и переживание безопасности, задавая эмоционально-ценностный тон жизненного опыта. Представления о доброжелательности или враждебности мира и людей, о справедливости или несправедливости и о ценности собственного Я формируют базовые ожидания безопасности и признания, от которых зависит переживание внутреннего мира как «устойчивого» и пригодного для жизни. Базовые убеждения, по сути, оформляют предположения о природе и значимости того, как устроен мир и почему он таков [66], включая оценку человеческой природы как преимущественно доброй или злой и мира как справедливого или несправедливого [164]. Вера в справедливый мир, описанная М. J. Lerner, может рассматриваться как механизм поддержания когнитивной согласованности и экзистенциальной

устойчивости: субъекту психологически необходимо видеть мир как пространство, где события подчиняются логике воздаяния [164]. Эмпирически показано, что убежденность в доброжелательности мира и людей сопряжена с меньшим дистрессом и более высоким уровнем субъективного благополучия [138; 142]. Это означает, что позитивные базисные убеждения выступают факторами духовного благополучия через поддержание переживания сопричастности и доверия к миру как к пространству отношений, а не постоянной угрозы.

В-третьих, базисные убеждения опосредуют духовное благополучие через регуляцию субъектности и контроля: убеждения о собственной эффективности, возможности влияния на жизненный ход и предсказуемости мира служат основой активного совладания и удержания жизненных целей. Даже в условиях объективной неконтролируемости событий люди стремятся сохранять субъективное чувство защищенности и порядка [158], что указывает на общепсихологическую потребность в упорядоченности жизненного мира. С этой точки зрения духовное благополучие оказывается зависимым от того, сохраняет ли субъект переживание личной агентности либо приемлемую для него форму делегирования контроля (например, через обращение к трансцендентным основаниям), не утрачивая при этом смысловой автономии и ответственности.

Важный эмпирический аргумент в пользу связи базисных убеждений с духовным благополучием дают работы, в которых смысловой компонент духовного благополучия операционализируется как вера в наличие жизненной цели и участия человека в более широком порядке [174]. Сопряженность «духовного смысла» с надеждой, самопринятием и ожиданием справедливого отношения отражает не набор разрозненных корреляций, а общую закономерность: духовное благополучие поддерживается такими базисными убеждениями, которые обеспечивают перспективу будущего, ценность и принятие Я, доверие к моральному порядку мира, переживание управляемости жизненного пути. В методологическом плане это позволяет трактовать духовное благополучие как переживаемый итог согласованной системы базисных убеждений, интегрирующих отношение к миру, к себе и к жизни.

Особого рассмотрения требует пласт исследований, где связь убеждений и благополучия анализируется на материале религиозности. С. L. Park [210] описывает религию как глобальную систему убеждений, задающую интерпретацию событий и обеспечивающую переосмысление опыта. В психологическом плане религиозные смысловые системы могут поддерживать базисные убеждения о доброжелательности и предсказуемости мира, о справедливости и о наличии высшего смысла страдания, тем самым выступая ресурсом восстановления духовного благополучия при кризисе. Важно отметить, что связь носит динамический характер: религиозные мировоззрения могут увеличивать уязвимость перед экзистенциальным кризисом, а если жизненный опыт противоречит этим мировоззрениям, то со временем та же система может помочь вернуть смысл жизни [210]. Важна и оценка самих убеждений, ведь если человек видит трансцендентное как доброжелательное и справедливое, то это связано с его благополучием, а представления Бога как того, кто наказывает скорее приведут к духовному кризису [94]. Поэтому можно сделать вывод, что играет роль не сам факт религиозности, а насколько базовые убеждения способны поддерживать человека.

Концепция религиозного копинга К. I. Pargament [209] конкретизирует механизмы этой связи через анализ совладающего поведения. Религиозные практики и обращения могут выполнять функцию восстановления контроля и смысловой устойчивости (например, «соратничество» как форма распределения усилий и ответственности), но могут выступать и неадаптивными стратегиями (интерпретация событий как наказания, пассивное перекладывание ответственности, объяснение через демоническое вмешательство и др.) [209]. Психологически значимо, что здесь напрямую проявляется роль базисных убеждений о контроле, справедливости и доброжелательности мира: духовное благополучие поддерживается тогда, когда совладающие стратегии укрепляют субъектность и смысловую связность жизни, а не закрепляют беспомощность и моральную дезориентацию.

Наконец, в работах о «компенсаторном контроле» показано, что вера в упорядоченность и неслучайность мира является фундаментальной потребностью, а убеждение о личном контроле – один из способов ее удовлетворения; при подрыве личного контроля возрастает тревога о случайности мира, что активирует компенсаторные механизмы восстановления порядка [151]. В данной перспективе религиозное и духовное благополучие может выполнять компенсаторную функцию, усиливая переживание контролируемости мира через обращение к надличностному источнику порядка. Важно, что речь идет не просто о поиске смысла жизни, а о сохранении ощущения порядка и предсказуемости в мире, то есть о психологическом фундаменте, без которого сложно поддерживать стабильное духовное благополучие.

Поэтому теория и практика позволяют считать базисные убеждения ключевым элементом духовного благополучия, особенности этих связей на русскоязычных выборках пока недостаточно изучены, что требует более целенаправленный анализ отношений между базисными убеждениями личности и ее духовным благополучием.

1.2.5. Духовное благополучие и негативные личностные черты

Термин «Темная триада» был введен D. L. Paulhus и K. M. Williams [213] для обозначения симптомокомплекса негативных личностных черт – макиавеллизма, субклинической психопатии и субклинического нарциссизма. В основе взаимосвязи данных черт лежат такие личностные характеристики, как эмоциональная холодность, низкая доброжелательность, склонность к обману, первичная психопатия и высокая самооценка [11]. В последующем триада была расширена за счет включения субклинического садизма, что позволило говорить о «Темной тетраде» [63; 212]. Садизм описывает устойчивую предрасположенность получать психологическое подкрепление от причинения вреда, унижения или доминирования над другим и рассматривается как предиктор жестокости, агрессивности и насильственного поведения [1; 9; 27].

С методологической точки зрения важным является переход от описания «перечня» темных черт к анализу их общего ядра. Высокая сопряженность макиавеллизма, психопатии и нарциссизма мотивировала поиск единого диспозиционного основания – «темного фактора личности» (D), который рассматривается как общая тенденция максимизировать личную полезность при игнорировании интересов другого, допуская причинение вреда и опираясь на убеждения, оправдывающие такую стратегию [184; 190; 300]. В контексте духовного благополучия это принципиально: речь идет не просто о «негативных чертах», а о ценностно-мотивационной организации личности, которая может быть структурно несовместима с внутренне принятыми смыслами взаимности, заботы и ответственности, составляющими психологическое содержание духовного благополучия [215; 262]. Если духовное благополучие в логике диссертационного исследования понимается как интегральная психологическая характеристика, отражающая степень субъективно переживаемой осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизни и формирующаяся в процессе саморегуляции, то темные черты личности задают альтернативный вектор этой регуляции: они связаны с фрагментацией и инструментализацией жизненного опыта, подменой ценностной упорядоченности утилитарной целесообразностью, ослаблением внутреннего согласия и деформацией отношений – прежде всего через редукцию Другого до средства, приоритет собственной выгоды и готовность рационализировать причинение вреда как допустимый способ достижения целей. Тем самым ключевой предмет анализа – не параллельное описание двух явлений, а их функциональная несовместимость либо специфические формы «сопряжения», при которых духовно-религиозная сфера может выступать либо ресурсом личностной интеграции, либо средством легитимации доминирования и контроля.

Эмпирически показано, что лица с высокими показателями по темным чертам чаще используют манипулятивные социальные стратегии и рассматривают людей как средства достижения эгоистических целей [145]. Для макиавеллизма характерны враждебное восприятие другого и сниженная готовность к подлинному взаимодействию [224], что психологически соотносится с дефицитом доверия и

взаимности как оснований духовного благополучия. В исследованиях религиозности выявлено, что макиавеллизм отрицательно коррелирует с внутренней религиозностью и положительно – с внешней [73]. Данная конфигурация интерпретируется как индикатор того, что при макиавеллистической направленности религиозность чаще используется инструментально, как ресурс, статус, принадлежность, социальное влияние, тогда как ее внутренняя составляющая оказывается с ней психологически несовместимой.

Субклиническая психопатия также демонстрирует устойчивое несоответствие смысловым и нормативным основаниям духовного благополучия: она отрицательно связана с поддержанием культурных, семейных и религиозных традиций [140], а также с внутренней и общей религиозностью [73]. В работах M. Kämmerle, H. F. Unterrainer, P. Dahmen-Wassenberg, A. Fink, H. P. Kapfhammer [146] религиозное и общее духовное благополучие отрицательно коррелируют с субклинической психопатией. При этом F. Fekih-Romdhane, A. Ben Hamouda, R. Khemakhem, S. Halayem, A. BelHadj, M. Cheour [96] показали, что экзистенциальное благополучие может выступать предиктором психопатии, объясняя до 3,8% дисперсии модели, что позволяет рассматривать дефицит осмысленности и жизненной удовлетворенности как одно из психологических условий закрепления холодно-инструментального стиля отношения к людям.

Нарциссизм в контексте духовного благополучия занимает амбивалентную позицию. С одной стороны, нарциссическая самофокусировка и потребность в подтверждении собственной исключительности потенциально конфликтуют с ценностями смирения, взаимности и заботы. С другой стороны, нарциссизм может быть положительно связан с отдельными параметрами религиозного благополучия (надеждой, связанностью) [146], что требует содержательной дифференциации мотивов, стоящих за религиозной и духовной самоидентификацией. Показано, что респонденты, определяющие себя как нерелигиозных, имеют более низкие показатели нарциссизма, чем религиозные и духовные [124]; при этом у религиозных и духовных нарциссизм отрицательно связан с внутренней религиозностью и положительно с внешней [73]. Следовательно, возможная

«сопряженность» нарциссизма с духовно-религиозной сферой нередко обусловлена не углублением смысловой регуляции, а мотивами самоутверждения и поддержания позитивного образа Я за счет символического статуса, исключительности или «избранности».

Включение садизма в модель темных черт усиливает проблематику связи с духовным благополучием: в отличие от «холодной» эксплуатации (макиавеллизм) или эмоционально-нормативного дефицита (психопатия), садизм включает компонент позитивного подкрепления от причинения страдания или унижения. Это делает его особенно значимым для анализа рисков «инструментализации» духовно-религиозных норм. В частности, M. B. Schofield, B. L. H. Roberts, C. A. Harvey, I. S. Baker, G. Crouch [244] обнаружили, что религиозные убеждения отрицательно взаимосвязаны с психопатией, но положительно – с садизмом. Такой результат позволяет предположить, что в отдельных случаях религиозно-нормативные представления могут выполнять не интегративную, а оправдательную функцию – поддерживать авторитарно-караательные установки, моральный ригоризм и легитимацию агрессии как «воздаяния», то есть выступать когнитивным ресурсом морального самооправдания.

В более широком плане темные черты отрицательно связаны с удовлетворенностью жизнью и результатами, ориентированными на личностный рост [149], что согласуется с представлением о снижении качества смысловой регуляции при выраженной эксплуатации другого. Вместе с тем P. Skobrtal и R. Pospíšil [260] показали, что темные черты в слабой степени предсказывают экзистенциальное удовлетворение (6,4% вариации). Вероятно, речь идет не о повышении духовного благополучия, а о частных путях субъективной удовлетворенности, опосредованных чувством контроля, доминирования или ситуативной успешности, которые могут имитировать экзистенциальную удовлетворенность при отсутствии ценностной интеграции и подлинной сопричастности.

Несмотря на наличие отдельных эмпирических результатов, исследования соотношения духовного благополучия и темных черт остаются фрагментарными и

методологически неоднородными, особенно в части садизма и интегративных моделей «темного ядра» личности. Сохраняется потребность в прояснении: специфики связей компонентов духовного благополучия с отдельными элементами темной тетрады; предиктивной силы темных черт в отношении уровня духовного благополучия; роли формы религиозности (внутренняя и внешняя) как возможного модератора; культурной и возрастной специфичности выявляемых соотношений. Эти задачи приобретают особую актуальность в связи с недостатком исследований на русскоязычных выборках и необходимостью проверки гипотез о преимущественно отрицательной связи духовного благополучия с макиавеллизмом, психопатией и садизмом, а также об амбивалентной роли нарциссизма в зависимости от мотивационно-смыслового контекста религиозно-духовной самоидентификации.

1.2.6. Духовное благополучие в структуре личностных характеристик: концептуализация и модель детерминации

Обобщение эмпирических данных показывает, что духовное благополучие устойчиво сопряжено с показателями психического здоровья и позитивного психологического функционирования: более высокие оценки духовного благополучия связаны с позитивными аффективными состояниями и адаптивными стратегиями совладания со стрессом как в клинических, так и в неклинических выборках [125; 162], с психологическим благополучием и продуктивностью деятельности [107], с ориентацией на текущий момент жизни [104], а также с качеством межличностных отношений [65; 88; 134; 225; 297]. Поскольку духовное благополучие демонстрирует тесную связь с ментальным здоровьем и качеством жизни в целом [207], вопрос о его месте в системе психических процессов и личностной регуляции требует не перечисления корреляций, а концептуального описания психологических условий, через которые духовное благополучие формируется и поддерживается.

В соответствии с определением, сформулированным в параграфе 1.1, духовное благополучие рассматривается как интегральная психологическая характеристика

личности, отражающая степень субъективно переживаемой осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизни, формирующаяся в процессе саморегуляции и проявляющаяся в способности интегрировать жизненный опыт, поддерживать внутреннее согласие и выстраивать значимые отношения с собой, другими людьми, миром и (или) трансцендентным измерением. Важным методологическим следствием данного подхода является отказ от «тавтологической» редукции духовного благополучия к общим индексам позитивного психического здоровья: духовное благополучие не тождественно психологическому благополучию, хотя и пересекается с ним в экзистенциально-смысловой зоне. Их различие обеспечивается, с одной стороны, специфичностью трансцендентного компонента духовного благополучия, а с другой – функциональной направленностью психологического благополучия на параметры автономии, компетентности и личностного роста.

Структурно духовное благополучие включает два взаимосвязанных, но аналитически различимых компонента. Экзистенциальный компонент – переживание смысла, цели, согласованности жизненного пути, а также воплощение ценностных ориентаций в повседневной деятельности. Трансцендентный компонент – переживание связи с реальностью, превосходящей индивидуальный уровень существования (сакральным, высшей силой, универсальным порядком), выступающей источником устойчивых ценностных оснований и предельного смысла.

При этом такие феноменологические проявления, как внутренний покой, эмоциональная устойчивость и переживание связанности (с собой, другими людьми, миром), целесообразно рассматривать не как самостоятельные компоненты структуры, а как операционально-динамические индикаторы качества функционирования экзистенциального и трансцендентного компонентов. Иными словами, духовное благополучие описывает не наличие тех или иных убеждений или деклараций, а качество их включенности в саморегуляцию, смыслообразование и реальную жизнедеятельность.

Психологическая природа духовного благополучия предполагает его связь с когнитивным и эмоциональным развитием. Показано, что диалектическое мышле-

ние положительно связано с эмпатией и духовным благополучием, тогда как эгоцентризм оказывает отрицательное влияние на эти области, эмпатия выступает позитивным предиктором духовного благополучия [179]. Следовательно, эмпатия и умение управлять эмоциями могут быть важным психологическим условием для формирования духовного благополучия, обеспечивая функции социальной связи и внутренней стабильности.

Умением сосредоточиться на настоящем опыте [104], в рамках предлагаемой модели и внимательность можно рассматривать как метакогнитивный механизм саморегуляции, который помогает уменьшить тревогу и эмоциональную реактивность, а значит, способствуют поддержанию внутреннего спокойствия, что и является показателем духовного благополучия.

В исследованиях подчёркивается роль личностно-ресурсных переменных, близких по смыслу к характеристикам устойчивости и позитивного функционирования. В частности, в ряде работ самооэффективность, устойчивость, оптимизм и надежда объединяются в «психологический капитал» и рассматриваются как факторы, поддерживающие психическое здоровье и благополучие [211]. При этом методологически важно не подменять духовное благополучие «пакетом ресурсов», а рассматривать психологический капитал как механизм реализации ценностно-смысловых оснований. Самооэффективность обеспечивает сохранение субъектности и способности действовать в соответствии с принятыми ценностями, устойчивость – восстановление после трудностей и удержание жизненной перспективы, оптимизм и надежда – поддержание временной перспективы и смыслового «поля будущего». В совокупности эти переменные могут выступать опосредующими звеньями, через которые мировоззренческие основания и ценности превращаются в переживаемую осмысленность и внутренний покой.

Контекстно этот вывод подтверждают данные, полученные в специфических группах. Так, в исследовании любителей альпинизма среди психологических факторов, сопряженных с духовным благополучием, выделялись надежда, переживание удивления, чувство единства и вера, тогда как среди психологических преиму-

ществ указывались устойчивость, переживание свободы и снижение деструктивного стресса [293]. Эти результаты концептуально значимы тем, что демонстрируют: духовное благополучие поддерживается опытом самопревосхождения, расширения границ Я и смысловой насыщенности переживания, но устойчивость этих эффектов зависит от регуляторных ресурсов.

Метааналитические данные показывают, что восприятие социальной поддержки положительно связано с духовным благополучием и может предсказывать его уровень [302]. Социальная поддержка в данном случае выступает не только как «внешний ресурс», но и как фактор, обеспечивающий возможность реализации ценностных отношений, переживания принадлежности и подтверждения значимости собственного жизненного пути. Одновременно показано, что духовное благополучие связано с личностными факторами самореализации, смысложизненных ориентаций и личностного роста, а нейротизм и его подфакторы могут выступать факторами уязвимости, влияющими на духовное и субъективное благополучие по-разному [302]. Следовательно, социальная поддержка включается в модель как контекстный ресурс, повышающий вероятность духовного благополучия, но её эффект опосредуется личностными характеристиками и качеством внутренней регуляции.

Ряд исследований дополнительно выделяет религиозные убеждения и самооценку как факторы духовного благополучия наряду с социальной поддержкой [276]. При этом отмечается, что духовное благополучие не сводится к факту религиозности и может присутствовать в нерелигиозных мировоззренческих системах. Религиозные убеждения и практики в большинстве работ положительно связаны с духовным благополучием и объясняют часть его вариаций [136; 380], однако психологический смысл этой связи определяется тем, насколько религиозные смыслы интегрированы в ценностно-смысловую систему личности и поддерживают субъектность, надежду, принятие и связность жизни. В противном случае религиозность может стать источником внутреннего конфликта и духовного неблагополучия, что согласуется с более общими выводами о сложных механизмах влияния религиозности и духовности на здоровье и поведение [282].

Нейронаучные исследования духовности и религиозности (генетические, биохимические, нейровизуализационные) фиксируют корреляции между духовно-религиозными переживаниями и активностью различных мозговых структур, однако вопрос о причинной роли этих коррелятов в формировании духовного благополучия остаётся открытым [44; 54; 69; 97; 98; 169; 199; 229]. Отдельные гипотезы указывают на участие структур, сопряженных с переживанием единства и «океанических чувств» [242], а клинико-нейропсихологические наблюдения (например, при височной эпилепсии и очаговых поражениях) позволяют обсуждать вклад распределённых функциональных контуров мозга в духовно-религиозный опыт [97]. Для задач общей психологии эти данные значимы, прежде всего, как указание на наличие психофизиологических предпосылок духовного опыта, вместе с тем они не заменяют анализа психологических детерминант духовного благополучия, поскольку последнее формируется на уровне смысловой регуляции, самосознания, отношений и поведения.

С учётом результатов предшествующих параграфов и заданной в 1.1 дефиниции предлагается рассматривать духовное благополучие как *системное интегральное свойство, возникающее в результате согласованной работы нескольких подсистем личности. Модель строится по принципу уровневой организации детерминант – от относительно устойчивых диспозиций к ценностно-смысловому ядру, далее к механизмам саморегуляции и, наконец, к социально-поведенческой реализации, где духовное благополучие закрепляется и проверяется через опыт жизнедеятельности.*

1. Диспозиционный уровень (личностные черты как фон и ограничения). Наиболее устойчивые личностные характеристики задают вероятность формирования духовного благополучия и пределы его устойчивости. В качестве центрального «ограничителя» в рамках настоящей главы выступают негативные личностные черты, объединяемые в конструкт «темного ядра». Их психологический смысл – ориентация на максимизацию собственной выгоды при игнорировании интересов другого, моральное самооправдание, инструментализация отношений. Такая диспозиционная организация функционально несовместима с ценностно-смысловой

интеграцией и переживанием сопричастности, которые лежат в основе духовного благополучия.

К диспозиционным факторам уязвимости относится и эмоциональная нестабильность (в частности, нейротизм), повышающая вероятность дистресса, руминаций и негативной интерпретации опыта, что затрудняет поддержание внутреннего покоя и устойчивых смысложизненных ориентаций [302]. Данный уровень в модели влияет на конфигурацию ценностей, базисных убеждений и предпочтительных способов саморегуляции, но не тождественен духовному благополучию.

2. *Ценностно-смысловой уровень* (ядро детерминации). Центральным в модели выступает ценностно-смысловой уровень, включающий ценности личности и базисные убеждения. Ценности задают мотивационную иерархию и критерии значимости, определяя, какие цели и отношения формируют смысл, а какие остаются периферийными. Базисные убеждения обеспечивают осмысленность и базовое доверие к миру и себе, формируя эмоционально-ценностное восприятие жизни. Именно этот уровень является наиболее близким к духовному благополучию, поскольку духовное благополучие отражает качество смысловой интеграции опыта и степень ценностной упорядоченности жизни.

В логике модели можно выделить два ключевых направления влияния:

- при доминировании ценностей, ориентированных на ответственность, заботу и выход за пределы эгоцентрической перспективы, возрастает вероятность переживания осмысленности и связанности с другими как основания экзистенциального компонента духовного благополучия;

- при наличии поддерживающих базисных убеждений (о доброжелательности мира, ценности Я, возможности построения связного объяснения опыта, допустимости принятия и прощения) усиливается способность интегрировать стрессовый и травматический опыт без распада смысловой целостности.

Наоборот, ценностная фрагментация, преобладание утилитарно-доминантных приоритетов, ригидные и карающие интерпретации, а также недоверие к миру повышают риск духовного неблагополучия: утраты смысловой связности, внутреннего конфликта и отчуждения.

3. *Регуляторно-ресурсный уровень* (саморегуляция, совладание, устойчивость). Третий уровень включает психологические механизмы, через которые ценности и убеждения превращаются в устойчивое переживание духовного благополучия. Духовное благополучие формируется в процессе саморегуляции, и именно этот уровень задаёт «механизм перевода» смысловых оснований в реальное психологическое функционирование.

К данному уровню относятся: эмоциональная регуляция, когнитивная переработка опыта (принятие, переоценка), внимательность и осознанное внимание [104], надежда и оптимизм как компоненты временной перспективы, самоэффективность как основание субъектности, а также устойчивость и жизнестойкость как способность сохранять целостность жизни в условиях трудностей [211]. В совокупности эти переменные выполняют две функции:

1) поддерживают экзистенциальный компонент духовного благополучия, обеспечивая устойчивость смысложизненных ориентаций и способность интеграции опыта;

2) опосредуют трансцендентный компонент, определяя, станет ли обращение к надличностным основаниям ресурсом принятия и надежды или, напротив, закрепит беспомощность и внутренний конфликт (что связано с качеством религиозно-духовного совладания).

Здесь стоит выделить роль эмпатии и децентрации, которые служат когнитивно-аффективной основой для связанности и направленности на других: эмпатия способствует духовному благополучию [179], потому что помогает выйти за рамки ограниченного эгоцентризма.

4. *Социально-поведенческий уровень* (отношения, поддержка, альтруизм как внутренней согласованности личности). Четвёртый уровень показывает, что духовное благополучие – это не только внутреннее состояние, но и то, что проявляется в повседневной жизни через отношения с окружающими и просоциальное поведение, основанное на личностных ценностях.

Социальная поддержка как фактор духовного благополучия подтверждается данными исследований [302], но с психологической точки зрения она не просто

служит защитой от стресса, а создает ощущение признания своей ценности в мире. Альтруизм включается в модель как поведенческий механизм, через который осуществляется «смысловая проверка» ценностей: ценностно интегрированная помощь повышает внутреннюю согласованность, укрепляет переживание сопричастности и усиливает экзистенциальный компонент духовного благополучия. Принципиально, что вклад альтруизма определяется качеством мотивации: автономно мотивированная и ценностно согласованная просоциальность усиливает духовное благополучие, тогда как помощь, основанная на внешнем давлении, вине или потребности в одобрении, может не давать эффекта или даже усиливать внутренний конфликт.

Религиозные практики и принадлежность к общности также могут рассматриваться как социально-поведенческие факторы духовного благополучия, но их эффект зависит от формы религиозности и качества интеграции духовных смыслов в структуру Я-концепции и саморегуляции [136; 276; 282]. Тем самым религиозность в модели выступает контекстным ресурсом, а не тождеством духовного благополучия.

5. Уровень результата: духовное благополучие как итог согласованности системы. На выходе системы духовное благополучие проявляется как устойчивое переживание осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизни. Оно выражается в способности интегрировать жизненный опыт, поддерживать внутреннее согласие и выстраивать значимые отношения с собой, другими людьми, миром и (или) трансцендентным измерением.

Внутренний покой и переживание связанности выступают индикаторами успешности этой интеграции. При этом духовное благополучие может выполнять и обратную функцию – выступать ресурсом адаптации и защиты, снижая риск деструктивных форм поведения и поддерживая психологическую устойчивость, что согласуется с данными о связи религиозности и духовности с показателями психического здоровья [282] и общей значимости духовного благополучия для качества жизни [207].

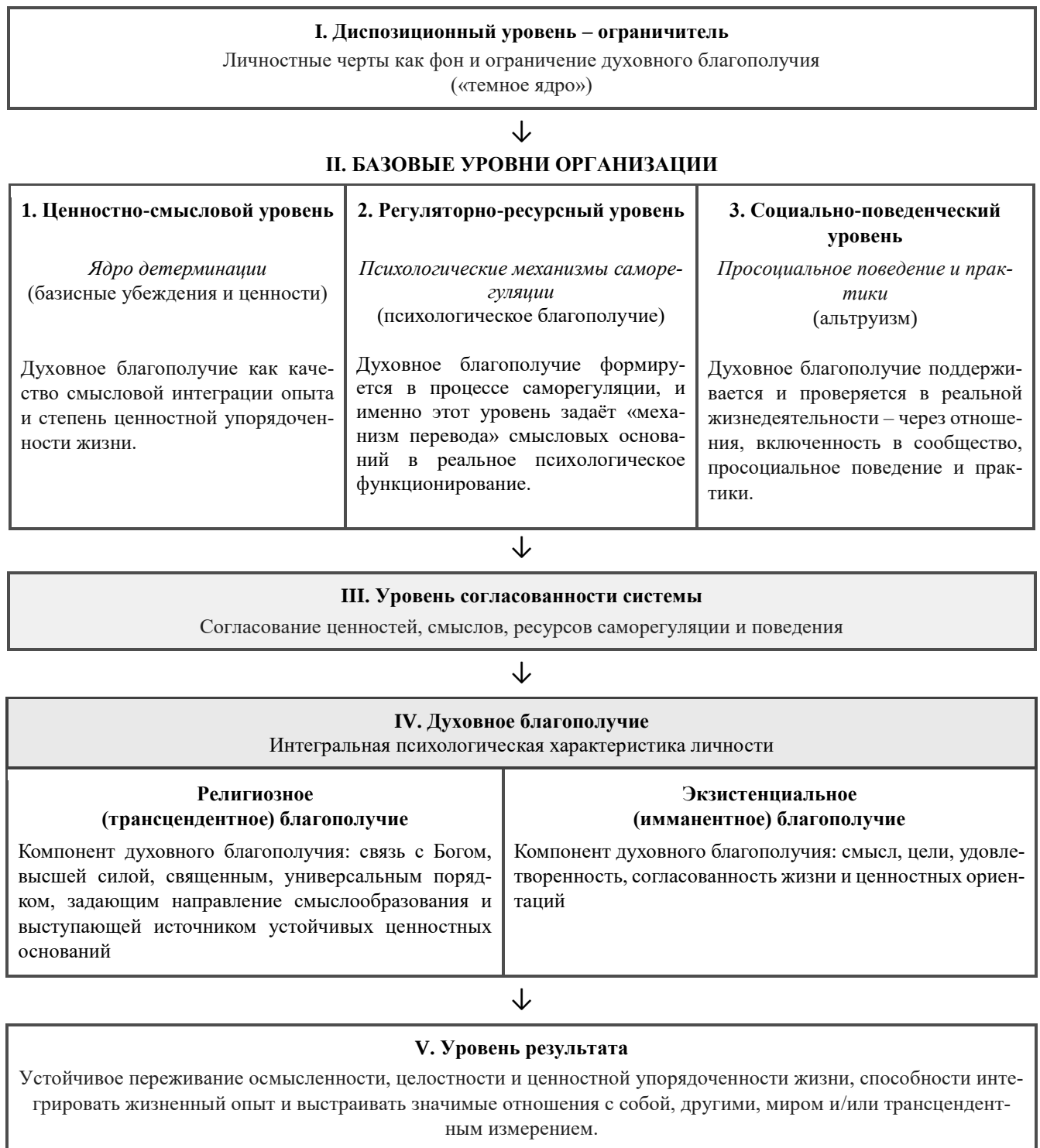

Рисунок 1 – Концептуальная модель духовного благополучия

Для повышения аналитической строгости модели необходимо развести психологические пути, преимущественно связанные с экзистенциальным и трансцендентным компонентами духовного благополучия.

Экзистенциальный компонент в большей степени детерминирован:

- системой ценностей и их реализуемостью в деятельности;
- базисными убеждениями о себе и мире;

- механизмами смыслообразования и когнитивной переработки опыта;
- эмоциональной регуляцией, внимательностью и осознанностью;
- социальной поддержкой и качеством отношений;
- ценностно интегрированной просоциальной активностью как практикой самотрансценденции.

Трансцендентный компонент в большей степени детерминируется:

- представлениями о сакральном и высшем смысле и их психологическим качеством;
- типом религиозности и степенью интеграции религиозных смыслов в Я-концепцию;
- качеством религиозно-духовного совладания;
- включенностью в религиозную и духовную общность и практиками, поддерживающими переживание связи с надличностным.

Такое разведение позволяет методологически корректно анализировать случаи, когда экзистенциальное благополучие высоко при нерелигиозной картине мира, а также случаи, когда формальная религиозность не сопровождается высоким духовным благополучием вследствие внутреннего конфликта и неблагоприятных форм совладания.

Духовное благополучие в рамках общей психологии целесообразно рассматривать как интегральный показатель состояния ценностно-смысловой регуляции личности, формирующийся в процессе саморегуляции и включающий экзистенциальный и трансцендентный компоненты.

Детерминация духовного благополучия носит многоуровневый характер: диспозиционные свойства личности (в том числе негативные личностные черты и эмоциональная уязвимость) влияют на конфигурацию ценностей и базисных убеждений, далее через механизмы саморегуляции и совладания эти основания реализуются в устойчивом переживании осмысленности, внутреннего согласия и связанности.

Психологические ресурсы (самоэффективность, устойчивость и жизнестойкость, оптимизм, надежда), а также эмоциональная регуляция и внимательность выступают опосредующими звеньями между ценностно-смысловой системой и духовным благополучием [104; 211].

Социальная поддержка и качество отношений являются существенными условиями духовного благополучия [302], а альтруизм выступает важным поведенческим механизмом укрепления духовного благополучия при условии автономной мотивации и ценностной согласованности.

Религиозность и духовные практики могут быть ресурсом духовного благополучия, но не тождественны ему, характер их влияния определяется качеством интеграции духовных смыслов и формой совладания [136; 276; 282].

В русскоязычном научном контексте сохраняется дефицит исследований, позволяющих воспроизводимо описать связи духовного благополучия с альтруизмом, негативными личностными чертами и структурой базовых ценностей, а также развести детерминацию экзистенциального и трансцендентного компонентов. Это обосновывает необходимость целенаправленных эмпирических моделей, сопоставимых с международными данными и опирающихся на валидизированные инструменты измерения духовного благополучия.

Предложенная модель задаёт концептуальную рамку для дальнейшего эмпирического анализа: духовное благополучие рассматривается как результат согласованности ценностно-смысловой системы, механизмов саморегуляции и социально-поведенческой реализации личности, при наличии внутренних факторов, которые могут усиливать или ограничивать этот процесс.

1.3. Методы психологической диагностики духовного благополучия

Сегодня более 80% населения мира идентифицируют себя как религиозных, и даже больше, как духовных. Психологическая диагностика духовности включает в себя множество методов, направленных на понимание и оценку духовных пере-

живаний и потребностей. Эти методы варьируются от структурированных психометрических инструментов до качественных подходов, отражающих нюансы и надпредметную природу духовности [76; 119].

Психология религии и духовности значительно изменилась, современные подходы признают сложность духовных явлений и необходимость различных методологий. Сюда входят как натуралистические, так и постматериалистические взгляды, влияющие на выбор диагностических методов [129; 197].

Духовность, или, точнее, духовное принятие, была определена как «устойчивый сдвиг в мировоззрении в сторону веры в силы, которые не могут быть рационально поняты или объективно доказаны». Она была измерена с помощью опросника темперамента и характера (TCI), который включает вопросы о «направлении духовной силы», «чудесах», «религиозном опыте» и «цели». Религиозность определяется как участие в «единой системе верований и практик, касающихся священных вещей» [67; 98; 109].

В статье А. Coyle [72] рассматриваются несколько качественных методов, используемых в психологических исследованиях для изучения духовности и религии. Эти методы особенно ценны для изучения сложных и часто неопишуемых духовных переживаний. Феноменологические методы: эти методы направлены на понимание жизненного опыта участников с их собственной точки зрения, предполагает глубокое изучение психологических переживаний с помощью субъективных отчетов, аффективного резонанса и феноменологической редукции. Они хорошо подходят для изучения субъективной и часто неопишуемой природы духовных переживаний. Феноменологические методы направлены на то, чтобы передать суть этих переживаний в том виде, в каком они описаны самими участниками [182].

Интерпретативный феноменологический анализ (IPA): этот метод сочетает феноменологические подходы с элементом интерпретации, при котором подчеркивается роль исследователя в интерпретации данных. IPA используется для изучения того, как люди понимают свой духовный опыт и убеждения.

В контексте духовности обоснованная теория позволяет выявить общие закономерности в том, как люди воспринимают духовность и включают ее в свою

жизнь. Нарративный анализ подразумевает изучение рассказов людей о своем духовном опыте, что именно люди сообщают и насколько это для них значимо.

Они позволяют исследовать новые вопросы и темы, которые, возможно, были отодвинуты на второй план в традиционных количественных исследованиях духовности и религии [72].

Изучение духовности в психологии опирается на методологический плюрализм, включающий экспериментальные, квазиэкспериментальные, этнографические и нейрофизиологические методы. Это разнообразие позволяет всесторонне понять духовные явления в их культурном контексте [128].

Духовно-ориентированная психодинамическая психотерапия фокусируется на роли религиозных и духовных убеждений в психологической жизни клиента. Она уважает веру клиента и одновременно изучает психологическое значение его духовной жизни [256].

Отличие духовных переживаний от психопатологии: этот метод включает использование психометрических инструментов для различения здоровых духовных переживаний и переживаний, которые могут указывать на психопатологию. Он подчеркивает важность диагнозов, учитывающих культурные особенности, и потенциальные искажения в традиционной диагностической практике [139].

Ввиду сложности и слабой операционализации понятия, изучая различные проявления духовности, исследователи чаще используют качественные методы, чем количественные. Методы духовной диагностики, основанные на архетипах и теории синхронности Карла Юнга, используют ароматические наборы и архетипов Таро для оценки психологического здоровья [81].

В религиозной психологической диагностике применяется смешанный подход с разными методами сбора и анализа данных. В него входят шкала Центральности (Centrality Scale) для измерения религиозности и духовности, нарративно-диагностические интервью, нарративный анализ и диагностический баланс (OPD-2). Эти методы особенно могут быть полезны при работе с травмированными пациентами [277].

Современные инструменты психодиагностики, например, глазные трекеры и компьютерные рекордеры, помогают выявить когнитивные и поведенческие паттерны. Они регистрируют психофизиологические реакции на визуальные стимулы. Использование этих технологий позволяет оценить когнитивную индукцию и эффективность сеансов духовного тренинга [19].

В медицинских учреждениях оценка духовности важна для понимания нужд пациентов и является частью биопсихосоциально-духовного подхода. Для выявления этих нужд задают вопросы как «Испытываете ли вы в настоящее время то, что вы бы описали как религиозные или духовные проблемы?» [274; 275]. Такие инструменты как мнемоника *Open Invite* и вопросы *HOPE* помогают обсуждать духовные вопросы и разрабатывать индивидуальную траектория медицинской помощи. Открытое приглашение к разговору включает вопросы о вере, например: «Хотите ли вы, чтобы я учёл вашу духовность в вашем медицинском уходе? Могу ли я или другой член медицинской бригады оказать вам поддержку? Есть ли в вашей религиозной общине ресурсы, которые вы хотели бы, чтобы я помог привлечь?» [238]. Когда пациенты затрагивают тему духовности, такие вопросы, как «Влияет ли ваша вера или духовность на принимаемые вами решения в отношении здоровья?», могут помочь прояснить план лечения. Преимущество этого метода заключается в том, что он инициирует тему и опирается на разговорный подход. Он структурирован таким образом, чтобы позволяет духовным людям высказываться более подробно, а тем, кто не духовен, – легко отказаться.

Опросник «*HOPE*» – это метод, предлагающий организованный подход к духовной оценке. Этот инструмент изначально был разработан для помощи в обучении студентов-медиков проведению духовной оценки [60]. Особенность инструмента «*HOPE*» заключается в том, что начальный вопрос не фокусируется на словах «вера», «духовность» или «религия». Вместо этого врач спрашивает пациента об источниках надежды, силы, утешения и покоя. Эти вопросы открывают врачу возможность для разговора, который минимизирует барьеры, основанные на восприятии языка, одновременно предлагая вопросы для оценки духовности на основе ответов пациента [37]:

Категория *H*: *источники надежды* (примеры вопросов): каковы ваши источники надежды, силы, утешения и мира? За что вы держитесь в трудные времена?

Категория *O*: *степень религиозности*: являетесь ли вы членом религиозной общины? Как это помогает в жизни?

Категория *P*: *личный духовный опыт*: есть ли у вас личные духовные взгляды? Что из этого для вас самое главное?

Категория *E*: *влияние на медицинское обслуживание*: духовные взгляды влияют на вашу сегодняшнюю ситуацию? Есть ли какие-то правила, которые мне важно знать при оказании медицинской помощи?

Инструмент духовного анамнеза *FICA Spiritual History Tool* с помощью вопросов помогает понять духовные взгляды пациента и как они влияют на лечение. Сначала спрашивают о вере, а потом насколько духовные правила важны и что необходимо учитывать при лечении:

Вера и убеждения: есть ли у вас духовные убеждения, которые помогают вам справляться со стрессом? Что именно дает вам смысл жизни?

Важность: ваша вера влияет как-то на ход вашего лечения?

Сообщество: вы являетесь частью религиозной общины?

Обращение в медицинскую помощь: есть ли проблемы при оказании медицинской помощи? [220].

Эти вопросы помогают врачу перейти к более личным темам, чтобы понять, что дает пациенту надежду и связано это как-то с его религией. Это особенно важно при госпитализации в больницу, тяжелых ситуациях и в паллиативной помощи [160].

Недавнее исследование предлагает оценивать духовность с помощью опросника «Шкала океанических чувств» (*OCEANic Feelings Scale*). Она измеряет эмоциональное состояние, связанное с личными духовными взглядами (например, чувство единства с миром). Этот опросник опирается на концепцию первичных эмоций J. Panksepp [208]. Опросник был разработан для оценки склонности к позитивным или негативным аффективным переживаниям, которые рассматриваются как возможная основа духовности. Позитивная подшкала отражает открытость к духовному опыту, а негативная опирается на чувства отчаяния, чаще всего связанного

с психотическими и параноидальными состояниями [180]. OCEANic Feelings Scale показала заметную связь с духовностью, что подтверждает предположение о взаимосвязи чувств и духовных переживаний [242].

В психологии осмысление понятия «духовность» происходит через аксиологический метод. В его рамках духовность связывают с нравственными ценностями и ценностными ориентациями. Духовные ценности при этом понимаются как ценности, которые определяются духовной необходимостью [30].

Согласно обзорам E. de Jager Meezenbroek, B. Garssen, M. van den Berg, D. van Dierendonck, A. Visser, W. B. Schaufeli [78] и H. G. Koenig [154] существует больше 30 различных опросников, которые изучают духовность и духовное благополучие. Среди них такие как «Шкала психического, физического и духовного благополучия» («Mental, Physical and Spiritual well-being scale» [288]); «Шкала духовного благополучия функциональной оценки терапии хронических заболеваний» («Spiritual Well-Being Scale of the Functional Assessment of Chronic Illness Therapy» [55]); «Шкала самопревосхождения» («Self-Transcendence Scale» [226]); «Пражский опросник духовности» («Prague Spirituality Questionnaire» [227]); «Шкала оценки духовности» («Spirituality Assessment Scale» [132]); «Пересмотренная версия шкалы духовной вовлеченности и убеждений» («Spiritual Involvement and Beliefs Scale Revised Version» [122]); «Шкала духовной трансцендентности» («Spiritual Transcendence Scale» [217]); «Анкета духовного благополучия» («Spiritual Well-Being Questionnaire» [115]); «Духовность, религия и личные убеждения» («WHOQOL Spirituality, Religion and Personal Beliefs» [290]); «Шкала ежедневного духовного опыта» («Daily Spiritual Experience Scale» [281]); «Индекс основного духовного опыта» («Index of Core Spiritual Experience, INSPIRIT» [147]); «Краткая многомерная мера религиозности-духовности, Института Фетцера» («BMMRS» [100]); «Опросник духовной ориентации» («Spiritual Orientation Inventory» [88]) и другие.

В обзоре E. de Jager Meezenbroek, B. Garssen, M. van den Berg, D. van Dierendonck, A. Visser, W. B. Schaufeli [78] анализировались психометрические характеристики десяти наиболее часто используемых опросников, в которых духовность

рассматривается как «универсальный человеческий опыт» вне зависимости от степени религиозности человека и его культурных традиций. При этом одним из недостатков таких опросников авторы считают отсутствие пунктов, которые были бы напрямую связаны с благополучием [155].

Для измерения этих факторов R. Gomez и J. W. Fisher [115] опубликовали *Опросник духовного благополучия (SWBQ)* с 20 пунктами. Он имеет шкалы для личного (пункты, касающиеся внутренних отношений с самим собой относительно смысла, цели и ценностей в жизни), общественного (пункты, касающиеся качества и глубины межличностных отношений, между собой и другими, и включают любовь, справедливость, надежду и веру в человечество), окружающей среды (пункты, касающиеся отношений человека с окружающей средой и природой, включая чувство благоговения, удивления и единства с окружающей средой), и трансцендентного другого (пункты, касающиеся убеждений человека и глубоких отношений с большей и высшей силой и чем-то или кем-то за пределами человеческого уровня, например, Богом, и включают веру, обожание и поклонение источнику тайны вселенной). Соответствующая иерархической модели духовного благополучия R. Gomez и J. W. Fisher, теоретическая модель, предложенная для SWBQ, является моделью факторов более высокого порядка с факторами для этих четырех областей и общим глобальным (общим) фактором духовного благополучия (общий балл по всем пунктам). SWBQ стал одним из популярных инструментов для исследования духовного благополучия. К 2016 году он был переведен на 27 языков и, как сообщается, использовался в более чем 500 исследованиях по всему миру [48; 305]. В данном опроснике только один пункт напрямую спрашивает о благополучии, а именно пункт «развитие радости в жизни».

Шкала духовного здоровья и жизненной ориентации *Spiritual Health And Life-Orientation Measure, SHALOM* [103] имеет два набора из 20 пунктов, идентичных пунктам SWBQ. Для первого набора пунктов респондентам предлагается указать, какие, по их мнению, идеальные уровни дескрипторов духовного здоровья (компонент «идеальный»), а для второго набора пунктов их просят указать, как дескрипторы в пунктах описывают их собственный опыт (компонент «прожитый опыт») за

последние 6 месяцев. В исследовании среди студентов университетов использовали SHALOM для оценки духовного благополучия в различных областях. Данный метод, по мнению L. J. Francis и J. W. Fisher [106] можно применять для разграничения духовного благополучия, религиозности и субъективного благополучия.

Шкала духовного благополучия Функциональной оценки терапии хронических заболеваний (Spiritual Well-Being Scale of the Functional Assessment of Chronic Illness Therapy, *FACIT-Sp-12* [55]). Это инструмент специально разработан для пациентов с тяжелыми заболеваниями или заболеваниями, ограничивающими жизнь – оценки качества жизни – Quality of Life (QOL). Измеряет несколько аспектов духовности, таких как чувство смысла жизни, умиротворение, а также ощущение силы и утешения от своей веры. Инструмент состоит из двух подшквал, основанных на результатах факторного анализа [215]: Смысл/Мир и Вера. Новая, расширенная версия включает три подшкалы с 23 элементами вместо 12 [34]. Этот инструмент используется часто и доступен на различных языках. Шкала была разработана для духовного благополучия, подшкала Вера спрашивает о комфорте и силе, которые человек получает от своей веры, а не только о силе веры, из-за этой неоднозначности эта подшкала не должна использоваться для определения связи с благополучием, а подшкала Смысл/Мир спрашивает о аспектах, которые считаются связанными с благополучием [78]. Подшкала Смысл/Мир может быть использована, если исследователи четко понимают содержание измерения.

Подшкала духовности шкалы психического, физического и духовного благополучия Spirituality Subscale of the Mental, Physical and Spiritual Well-being Scale, *MPS* [288]. Ограничением этого опросника является его узкая направленность, так как почти все вопросы описывают действия, такие как использование медитации или молитвы, а также обсуждение духовных, этических или моральных тем с другими людьми: «Обсуждаете ли вы вопросы духа (например, цель жизни, религию, внутренний покой, смерть и т.д.)?». В названии подшкалы было заявлено, что элементы включают аспекты благополучия, на деле этого в большинстве пунктов не было.

Шкала самопревосхождения Self-Transcendence Scale, *STS* [226]) включает принятие себя (интраперсональное измерение), связь с другими (интерперсональное) и связь с чем-то большим, выходящим за пределы сиюминутного «Я» (трансперсональное) и был разработан для пожилых людей в связи с чем включал некоторые элементы, связанные с благополучием, которые относятся к адаптации и получению удовольствия от хобби.

Пражский опросник духовности Prague Spirituality Questionnaire, *PSQ* [227] строится на шестифакторной структуре, две ключевых ориентации: религиозная и экзистенциальная и трёх сфер отношений: трансцендентное, люди, природа, опросник сложно связать с духовным благополучием, так как некоторые элементы выражают негативный образ себя, например, страх испортить свою жизнь и стыд за собственную трусость, некоторые пункты имеют неоднозначное значение, например «Смерть означает возврат «домой» и «У меня был опыт, когда я заглянул в глубину бытия», «Я столкнулся лицом к лицу со скалой или горой, я почувствовал их священную миссию, и у меня возникло желание узнать их». Опросник изучает духовность как мистические переживания и опыт трансцендентного, влияние которого на опрашиваемого сложно интерпретировать.

Шкала оценки духовности Spirituality Assessment Scale, *SAS* [132] состоит из четырех шкал: цель, смысл жизни, взаимосвязанность, внутренний мир и трансценденция. Формулировка нескольких пунктов является неподходящими: «У меня есть способность преодолевать или выходить за пределы физического или психологического состояния», «Смысл, который я нашел для своей жизни, приносит чувство покоя» и «Границы моей вселенной простираются за пределы обычных представлений о том, что такое пространство и время». В шкале не спрашивается о негативных или позитивных чувствах, что не позволяет соотнести полученный результат с ощущением благополучия.

Пересмотренная версия Шкалы Духовного Участия и Убеждений Spiritual Involvement and Beliefs Scale Revised Version, *SIBS-R* [122; 78] и Шкала духовного превосходства Spiritual Transcendence Scale, *STS* [217] в вопросах не ссылаются на

положительные или отрицательные эмоции, поэтому не могут быть инструментами изучения влияния духовности на жизнь человека.

Модуль «Духовность, религия и личные убеждения» Всемирной организации здравоохранения WHOQOL Spirituality, Religion and Personal Beliefs, *WHOQOL SRPB* [290] в нескольких вопросах спрашивается, помогает ли связь с духовным существом, вера или духовная сила чувствовать себя счастливым или дает утешение, данный опросник непригоден для определения связи между духовностью и благополучием из-за наличия прямых вопросов.

Шкала ежедневного духовного опыта *Daily Spiritual Experience Scale, DSE* [281], Индекс основного духовного опыта *Index of Core Spiritual Experience, INSPIRIT* [147], Краткая многомерная мера религиозности-духовности, Института Фетцера, *BMMRS* [100] – эти опросники содержат множество пунктов, которые предполагают, что респондент верит в Бога: «Я чувствую любовь Бога ко мне через других» (*DSE*) и «Я работаю вместе с Богом как с партнёром» (*BMMRS*). Опросник духовной ориентации *Spiritual Orientation Inventory, SOI* [88] не содержит вопросов о Боге, а вместо этого спрашивают о других видах верований: «Вселенная ещё не завершена, но разворачивается осмысленным образом» и «Люди иногда «призываются» для выполнения определённой духовной судьбы». Исследования о том, что люди с любыми убеждениями более духовны, чем люди без этих убеждений как основание опросника (*SOI*) отсутствует, а исследуются универсальные переживания и установки, таким как связь с природой, сострадание, благодарность, мистические переживания и самоактуализация.

Также используется «Опросник духовного интеллекта», который оценивает духовный интеллект как один из предикторов психологического благополучия. Этот опросник применяли в исследованиях со студентами и результаты показали связь высокого духовного интеллекта с высоким психологическим благополучием [38; 131]. Интеграция духовных и психологических оценок требует тщательного учета культурных и индивидуальных различий для обеспечения точных и значи-

мых результатов. Кроме того, роль духовного интеллекта в урегулировании взаимосвязи между религиозностью и психологическим благополучием остается сложной областью, требующей дальнейшего исследования [107].

Качество описанных опросников оказалось низким, о чем свидетельствует L. K. George, D. B. Larson, H. G. Koenig, M. E. McCullough [113] рассмотревшие более 200 измерителей религиозности и духовности, и подтвердил также E. de Jager Meezenbroek, B. Garssen, M. van den Berg, D. van Dierendonck, A. Visser, W. B. Schaufeli [78].

Одним из наиболее изученных методов измерения субъективного состояния духовного благополучия является разработанная в 1982 году R. F. Paloutzian и C. W. Ellison «Шкала духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale, SWBS [203]), которая одновременно исследует религиозное и экзистенциальное благополучие. Опросник измеряет общий показатель субъективного состояния благополучия, проявляющегося в общей оценке человеком воспринимаемого духовного качества жизни. Согласно авторам, когда люди говорят о своей духовности, то они имеют в виду либо свои отношения с Богом или то, что они понимают под своим духовным бытием, либо свое чувство удовлетворения жизнью, ее целями и смыслом. «Шкала духовного благополучия» измеряет самооценку благополучия, понимаемого людьми в контексте слова «духовный», но это не духовность и не показатель духовности [110], это показатель благополучия-здоровья, того, как опрашиваемый понимает и оценивает его в рамках «духовного» контекста. Шкала духовного благополучия – это конструкт, состоящая из двух субшкал: религиозного и экзистенциального благополучия. Оценка религиозного благополучия идет через вопросы со словом «Бог», описывающая опыт связи человека с Богом или трансцендентным. Оценка экзистенциального благополучия происходит через вопросы, показывающие способность адаптироваться к жизненным обстоятельствам и окружающим и характеризующим восприятие человеком своего жизненного опыта [52].

Этот опросник по оценке благополучия применялся во многих исследованиях и прошёл широкое тестирование, особенно в области сестринского дела [78], была продемонстрирована конвергентная валидность, так как эмоциональное благополучие (EWB) было связано с целью в жизни [89] и надеждой [61], а религиозное

благополучие (RWB) – с целью в жизни и внутренней религиозностью [89]. Показатели благополучия включены в две подшкалы этого опросника.

Поскольку опросник имеет две подшкалы: религиозного благополучия (RWBS) и экзистенциального благополучия (EWBS) – он является внеконфессиональным инструментом [204], который можно использовать у людей самых разных убеждений и взглядов. «Шкала духовного благополучия» имеет и нерелигиозное значение, поэтому стала наиболее универсальным средством исследования – его возможно использовать в различных культурных и религиозных традициях [204]. Данный опросник переведен на 25 языков [267], его адаптация на русскоязычной выборке осуществлялась только в рамках социологического исследования для межконфессионального сравнения православных и протестантов, переведенный вариант шкалы отсутствует в открытой печати [85].

Во многих исследованиях показано, что [56; 59; 216], все шкалы опросника положительно коррелируют с принятием себя, уверенностью в себе, эмоциональной адаптацией, самоконтролем, а также отрицательно с низкой способностью к адаптации и открытости к изменениям, неудовлетворенностью жизнью и отсутствием цели в жизни.

Конструктивная валидность опросника «Шкала духовного благополучия» подтверждена факторным анализом [89; 216], коэффициент надежности α Кронбаха превышает 0,82 [216].

В англоязычном сегменте научной литературы есть достаточно большое число исследований, посвященных духовному благополучию, в русскоязычном поле их мало, причем скорее изучается духовность, как ценностная категория, а не духовное благополучие, как один из компонентов психического здоровья личности. Одна из причин – отсутствие надежного и валидного инструмента его измерения. Недавно были адаптированы методики «Духовная личность» (Spiritual Personality [135]) в адаптации Г. В. Ожигановой [20] и «Опросник духовных переживаний» (Sources of Spirituality Scale) [74] в адаптации О. А. Сычева, А. М. Беспалова, И. В. Аношкина, М. С. Власова [28]. Но первый опросник позволяет оценить исключительно секулярную

духовность, связанную с гуманистическим качествам личности, и ее морально-ценностные аспекты. Второй - расширяет понятие духовного благополучия до эвдемонического, основываясь на концепции E. L. Worthington [294], где духовное благополучие включает четыре типа: религиозный, гуманитарный, экологический и близость к космосу, делая акцент на восточной философии и её понимании духовности. Оба эти опросника основаны на крайне широком понятии духовности, идентифицируя со словом «духовный» разнообразные стремления человека в целом, а «духовная личность» определяется «... как личность, обладающая высокой нравственностью, которая проявляется в мудром добродетельном поведении, наличии духовной силы и духовности отношений» [20, с. 162].

Таким образом, чаще изучают духовность, причем различные ее проявления и качественные методы используются чаще, чем количественные, ввиду сложности и слабой операционализации понятия. Духовное благополучие, как результат реализации духовного потенциала, не изучается из-за того, что отсутствуют инструменты его количественного измерения.

Таблица 2 – Сравнение методик диагностики духовности и духовного благополучия

<i>Методика</i>	<i>Структура</i>	<i>Измерение духовной сферы</i>	<i>Исследователь, год</i>
Качественные методики	Субъективные отчеты; аффективный резонанс; феноменологическая редукция; интерпретативный феноменологический анализ (IPA); нарративно-диагностические интервью; нарративный анализ; шкала Центральности (Centrality Scale)	Изучение субъективной природы духовных переживаний в том виде, в каком они описаны самими участниками, для создания обобщенной теории	A. Coyle, 2008 [72]; G. Messas, L. Fukuda, 2018 [182]; A. Trettin, 2022 [277]
Интегративные методы	Экспериментальные, квази-экспериментальные, этнографические и нейрофизиологические методы	Духовно-ориентированная психодинамическая психотерапия; глазные трекары; компьютерные рекордеры и различные интегративные методы духовной диагностики для всестороннего понимания духовных явлений в их культурном контексте и их отличия от патологий	C. V. Johnson, H. L. Friedman, 2008 [139]; R. W. Hood, 2009 [128]; E. P. Shafranske, 2009 [256]; M. Densmore, 2021 [81]; A. C. Огнев, 2023 [19]

Продолжение таблицы 2

<i>Методика</i>	<i>Структура</i>	<i>Измерение духовной сферы</i>	<i>Исследователь, год</i>
<i>Холистические или биопсихосоциально-духовные подходы</i>	Мнемоника Open Invite; вопросы HOPE; инструмент духовного анамнеза FICA Spiritual History Tool;	Понимание духовных потребностей пациентов	G. Anandarajah, E. Hight, 2001 [37]; A. Saguil, K. Phelps, 2012 [238]; W. Cadage, J. Bandini, 2015 [60]; JC, 2018 [275]; C. Puchalski, GWish, 2020 [220]; D. P. Kuckel A. L. Jones, D. K. Smith, 2022 [160]
Количественные методики			
<i>Шкала духовного благополучия (Spiritual Well-Being Scale, SWBS)</i>	Показатель духовного благополучия состоит из двух субшкал религиозного и экзистенциального благополучия	Показатель благополучия-здоровья, того, как опрашиваемый понимает и оценивает его в рамках «духовного» контекста	R. F. Paloutzian, C. W. Ellison, 1982 [203]
<i>Опросник духовной ориентации (Spiritual Orientation Inventory, SOI)</i>	Девятифакторная структура	Духовность как комплексный феномен, включающий трансцендентный опыт, поиск смысла, принятие трагического, альтруистическую любовь и сознательный отказ от материализма	D. N. Elkins, L. J. Hedstrom, L. L. Hughes, J. A. Leaf, C. Saunders, 1988 [88]
<i>Шкала самопревосхождения (Self-Transcendence Scale, STS)</i>	Одна шкала самопревосхождения	Включает принятие себя, связь с другими и связь с чем-то большим	P. G. Reed, 1991 [226]
<i>Индекс основного духовного опыта (Index of Core Spiritual Experience, INSPIRIT)</i>	Двухкомпонентная структура: наличие / природа опыта и последствия и образ Бога	Наличие и интенсивность конкретных, глубоко личных переживаний связи с трансцендентным	J. D. Kass, R. Friedman, J. Leserman, P. C. Zuttermeister, H. Benson, 1991 [147]
<i>Шкала оценки духовности (Spirituality Assessment Scale, SAS)</i>	Состоит из четырех шкал: цель, смысл жизни, взаимосвязанность, внутренний мир и трансценденция	Охватывающая восприятие связи, осмысленность жизни, психологическую устойчивость и опыт выхода за пределы обыденного	J. W. Howden, 1992 [132]
<i>Опросник темперамента и характера (Temperament and Character Inventory, TCI)</i>	7 шкал: 4 темперамента и 3 характера: Самонаправленность (self-directedness, SD); Кооперация (cooperativeness, C); Самотрансцендентность (self-transcendence, ST)	ST - оценивает «Я» как часть мироздания, включает 3 субшкалы священные с духовностью: самозабвение / поглощённость (Self-Forgetfulness), трансперсональная идентификация (Transpersonal Identification), принятие неизбежного (Spiritual Acceptance)	C. R. Cloninger, D. M. Svrakic, T. R. Przybeck, 1993 [67]

Продолжение таблицы 2

<i>Методика</i>	<i>Структура</i>	<i>Измерение духовной сферы</i>	<i>Исследователь, год</i>
<i>Шкала психического, физического и духовного благополучия (Spirituality Subscale of the Mental, Physical and Spiritual Well-being Scale, MPS)</i>	В опросник включена подшкала духовности	Все вопросы описывают использование медитации или молитвы и обсуждение духовных, этических или моральных тем с другими людьми	D. A. Vella-Brodrick, F. C. Allen 1995 [288]
<i>Краткая многомерная мера религиозности / духовности, Институт Fetzer (BMMRS)</i>	11 независимых, но концептуально связанных субшкал	Рассматривает духовность как многомерный конструкт, позволяющий исследователям гибко и глубоко изучать связь между различными гранями религиозности/духовности и показателями здоровья и благополучия	Fetzer Institute 1999 [100]
<i>Шкала духовного благополучия Функциональной оценки терапии хронических заболеваний (Spiritual Well-Being Scale of the Functional Assessment of Chronic Illness Therapy, FACIT-Sp-12)</i>	Две подшкалы: Смысл/Мир и Вера	Оценки качества жизни - Quality of Life (QOL) измеряет несколько аспектов духовности: чувство смысла жизни, умиротворение, ощущение силы и утешения от своей веры	M. J. Brady, A. H. Peterman, G. Fitchett, M. Mo, D. Cella, 1999 [55]
<i>Шкала ежедневного духовного опыта (Daily Spiritual Experience Scale, DSE)</i>	Общий фактор ежедневного духовного опыта и два подфактора: связи с трансцендентным и связи с миром и другими людьми	Измеряет частоту повседневных переживаний, связанных с восприятием связи с трансцендентным, с миром и другими людьми	L. G. Underwood, J. A. Teresi, 2002 [281]
<i>Опросник духовного благополучия (SWBQ)</i>	Шкалы личного, общественного, окружающей среды, трансцендентного другого и общим фактором духовного благополучия	Отношения с самим собой, другими, окружающей средой и высшей силой	R. Gomez, J. W. Fisher, 2003 [115]
<i>Шкала океанических чувств (OCEANic Feelings Scale)</i>	Положительная и негативная подшкалы	Отражает позитивные и негативные аспекты аффективных ощущений, связанных с духовными переживаниями	J. Panksepp, 2004 [208]; B. Schmautz, J. Fuchshuber, D. Andres, T. Prandstätter, L. Roithmeier, A. Freund, A. Schwerdtfeger, H. F. Unterrainer, 2024 [242]

Продолжение таблицы 2

<i>Методика</i>	<i>Структура</i>	<i>Измерение духовной сферы</i>	<i>Исследователь, год</i>
<i>Пражский опросник духовности (Prague Spirituality Questionnaire, PSQ)</i>	Шестифакторная структура, две ключевых ориентации: религиозная и экзистенциальная и трёх сфер отношений: трансцендентное, люди, природа	Опросник изучает духовность как мистического переживания и опыта трансцендентного, влияние которого на опрашиваемого сложно интерпретировать	P. Rican, P. Janosova, 2005 [227]
<i>Модуль «Духовность, религия и личные убеждения» ВОЗ (WHOQOL Spirituality, Religion and Personal Beliefs, WHOQOL SRPB)</i>	Дополнительный модуль к основным опросникам качества жизни WHOQOL-100 и WHOQOL-BREF. 8 аспектов объединены в 4 блока: смыслообразование, эмоциональная стабильность, практическая поддержка и социальная связь	Оценка того, как духовность, религия и личные убеждения влияют на воспринимаемое качество жизни	WHOQOL SRPB Group, 2006 [290]
<i>Шкала духовного здоровья и жизненной ориентации Spiritual Health And Life-Orientation Measure (SHALOM)</i>	Два набора шкалы личного, общественного, окружающей среды, трансцендентного другого и общим фактором духовного благополучия	Отношения с самим собой, другими, окружающей средой и высшей силой опрашиваемый указывает идеальный уровень духовного здоровья и указывает свой уровень за последние 6 месяцев	J. W. Fisher, 2021 [103]

Выводы по первой главе

1. В результате теоретико-методологического анализа отечественных и зарубежных исследований показано, что в современной психологии и смежных дисциплинах произошёл переход от преимущественного рассмотрения религиозности как фактора здоровья к более широкому понятию духовности, применимому к различным мировоззренческим позициям. Установлено, что духовность в актуальных интерпретациях описывает универсальный аспект человеческого опыта, связанный с ориентацией на высшие смыслы, ценности и цели, при этом центральным системообразующим признаком выступает связанность (с собой, другими и миром и трансцендентным).

2. Обосновано положение о том, что духовное благополучие в современном научном дискурсе не имеет единого общепринятого определения и характеризу-

ется концептуальной вариативностью (как чувство, состояние, процесс, стремление, личностное качество). Вместе с тем выявлена общая тенденция: духовное благополучие преимущественно трактуется как интегральный показатель осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизненного опыта, проявляющийся в субъективном переживании внутреннего мира и сопричастности.

3. По итогам анализа концепций и эмпирических моделей показано, что наиболее операционально продуктивной для психологических исследований является двухкомпонентная трактовка духовного благополучия, предполагающая аналитическое разведение экзистенциального компонента (смысл, цели, согласованность жизненного пути, удовлетворённость) и трансцендентного компонента (переживание связи с реальностью, превосходящей индивидуальное существование). Подчёркнута методологическая необходимость такого разведения для предотвращения тавтологической редукции духовного благополучия к общим индексам психологического благополучия.

4. Уточнено рабочее определение духовного благополучия для целей диссертационного исследования: духовное благополучие рассматривается как интегральная психологическая характеристика личности, отражающая степень субъективно переживаемой осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизни, формирующаяся в результате согласования мировоззренческих, ценностно-смысловых, регуляторно-ресурсных и социально-поведенческих характеристик личности и проявляющейся в устойчивой способности интегрировать жизненный опыт, поддерживать внутреннее согласие и выстраивать значимые отношения с собой, другими людьми, миром и (или) трансцендентным измерением, в единстве экзистенциального (имманентного) и религиозного (трансцендентного) компонентов.

5. На основе обзора эмпирических исследований установлено, что духовное благополучие устойчиво связано с показателями психического здоровья и позитивного функционирования личности: более высокие уровни духовного благополучия ассоциированы с позитивным аффектом, адаптивными копинг-стратегиями, меньшей выраженностью тревожно-депрессивной симптоматики и суицидальных тен-

денций, а также с лучшим социальным функционированием и качеством межличностных отношений. Одновременно отмечено, что преобладание корреляционных дизайнов сохраняет открытым вопрос о направленности влияний и психологических механизмах выявляемых связей.

6. Теоретически обоснована многоуровневая детерминация духовного благополучия и выделены ключевые блоки факторов: ценностно-смысловые основания; базисные убеждения; регуляторно-ресурсные процессы; социально-психологические условия, а также диспозиционные ограничения, связанные с негативными личностными чертами и качеством духовного копинга.

7. Обоснована роль альтруизма как поведенческого механизма поддержания духовного благополучия: ценностно интегрированная, автономно мотивированная просоциальная активность способствует укреплению переживания смысла, внутренней согласованности и сопричастности; при этом показана необходимость различать установочно-декларируемый и реально поведенческий уровни альтруизма, а также учитывать мотивационное качество помощи.

8. Духовное благополучие как *системное интегральное свойство, возникает в результате согласованной работы нескольких подсистем личности. Модель строится по принципу уровневой организации детерминант – от относительно устойчивых диспозиций к ценностно-смысловому ядру, далее к механизмам саморегуляции и, наконец, к социально-поведенческой реализации, где духовное благополучие закрепляется и проверяется через опыт жизнедеятельности:*

– *диспозиционный уровень* (личностные черты как фон и ограничения). Наиболее устойчивые личностные характеристики задают вероятность формирования духовного благополучия и пределы его устойчивости;

– *ценностно-смысловой уровень* (ядро детерминации). Центральным в модели выступает ценностно-смысловой уровень, включающий ценности личности и базисные убеждения. Ценности задают мотивационную иерархию и критерии значимости, определяя, какие цели и отношения формируют смысл, а какие остаются периферийными. Базисные убеждения обеспечивают осмысленность и базовое доверие к миру и себе, формируя эмоционально-ценностное восприятие жизни.

Именно этот уровень является наиболее близким к духовному благополучию, поскольку духовное благополучие отражает качество смысловой интеграции опыта и степень ценностной упорядоченности жизни;

– *регуляторно-ресурсный уровень* (саморегуляция, совладание, устойчивость).

Третий уровень включает психологические механизмы, через которые ценности и убеждения превращаются в устойчивое переживание духовного благополучия. Духовное благополучие формируется в процессе саморегуляции, и именно этот уровень задаёт «механизм перевода» смысловых оснований в реальное психологическое функционирование. К данному уровню относятся: эмоциональная регуляция, когнитивная переработка опыта (принятие, переоценка), внимательность и осознанное внимание, надежда и оптимизм как компоненты временной перспективы, самоэффективность как основание субъектности, а также устойчивость и жизнестойкость как способность сохранять целостность жизни в условиях трудностей;

– *социально-поведенческий уровень* (отношения, поддержка, альтруизм как внутренней согласованности личности). Четвёртый уровень фиксирует, что духовное благополучие не существует исключительно как внутреннее состояние, оно поддерживается и проверяется в реальной жизнедеятельности – через отношения, включённость в сообщество, просоциальное поведение и практики, соответствующие ценностным основаниям. Социальная поддержка как фактор духовного благополучия имеет устойчивые эмпирические подтверждения, однако психологически она выступает не просто «буфером стресса», а условием переживания принадлежности и признания значимости;

– *уровень результата: духовное благополучие как итог согласованности системы*. На выходе системы духовное благополучие проявляется как устойчивое переживание осмысленности, целостности и ценностной упорядоченности жизни. Оно выражается в способности интегрировать жизненный опыт, поддерживать внутреннее согласие и выстраивать значимые отношения с собой, другими людьми, миром и (или) трансцендентным измерением.

Для повышения аналитической строгости модели необходимо развести психологические пути, преимущественно связанные с экзистенциальным и трансцендентным компонентами духовного благополучия.

Экзистенциальный компонент в большей степени детерминируется:

- системой ценностей и их реализуемостью в деятельности;
- базисными убеждениями о себе и мире;
- механизмами смыслообразования и когнитивной переработки опыта;
- эмоциональной регуляцией, внимательностью и осознанностью;
- социальной поддержкой и качеством отношений;
- ценностно интегрированной просоциальной активностью как практикой самотрансценденции.

Трансцендентный компонент в большей степени детерминируется:

- представлениями о сакральном и высшем смысле и их психологическим качеством;
- типом религиозности и степенью интеграции религиозных смыслов в Я-концепцию;
- качеством религиозно-духовного совладания;
- включенностью в религиозную и духовную общность и практиками, поддерживающими переживание связи с надличностным.

9. На основе анализа методов диагностики показано, что область измерения духовности и духовного благополучия характеризуется методологическим плюрализмом (качественные, интегративные, холистические и психометрические подходы), однако значительная часть инструментов демонстрирует ограничения операционализации и психометрического качества. В качестве наиболее распространённого и концептуально соотнесённого с задачами исследования инструмента выделена Spiritual Well-Being Scale, измеряющая религиозное и экзистенциальное благополучие, одновременно зафиксирован дефицит валидизированных русскоязычных методик.

Глава 2. АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА «ШКАЛА ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ» (SPIRITUAL WELL-BEING SCALE, SWBS, R. F. PALOUTZIAN И С. W. ELLISON)

2.1. Организация и проведение исследования

«Шкала духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale, SWBS) (Paloutzian & Ellison, 1982) представляет собой опросник из 20 пунктов, которые оцениваются по 6-балльной шкале Лайкерта (от 1 – «полностью согласен» до 6 – «полностью не согласен»). С помощью опросника возможно получить три основных показателя: духовное благополучие (максимальная оценка 120 баллов), которое состоит из религиозного благополучия (максимальная оценка 60 баллов) как измерение благополучия, связанного с Богом (трансцендентное измерение религиозного благополучия) и экзистенциального благополучия (максимальная оценка 60 баллов) как имманентное измерение благополучия, которое связано с удовлетворенностью жизнью и целью без опоры на высшую силу [162].

Процедура адаптации русскоязычной версии «Шкалы духовного благополучия» проводилась И. А. Бакушкиным и Р. В. Ершовой и включала следующие этапы: на первом этапе была проведена процедура прямого и обратного перевода оригинальной англоязычной версии опросника профессиональными практикующими специалистами-переводчиками (Приложение А). Далее приглашение принять участие в онлайн исследовании духовного благополучия было размещено в социальных сетях ВКонтакте и Telegram. Респондентам было предложено пройти анонимный опрос для работы, связанной с исследованием духовного благополучия, и выражена благодарность, за согласие пройти опрос. Все респонденты были осведомлены о целях исследования и выразили добровольное согласие на использование данных исследования в обезличенной форме. Добровольное участие в исследовании приняло 959 респондентов: 761 женщин (79,4% от опрошенных) и 198 мужчин (20,6% от опрошенных); средний возраст ($38,6 \pm 14$ лет); 341 (35,6%) опрошенный не состоит в браке, 500 (52,1%) состоят в браке, 118 (12,3%) разведены; у 577 (60,2%) человек есть дети; среди опрошенных 129 (13,5%) человек имеют среднее образование, 203 (21,2%) среднее специальное, 45 неоконченное высшее

(4,7%) и 582 высшее (60,7%); большая часть выборки христиане 839 человек (87,5%); мусульман 4 человека (0,4%); родноверцев 2 человека (0,2%); 41 атеист (4,3%); 58 человек заявили, что верят в Бога, но не относят себя к какой-либо религии (6%); другое 15 человек (1,6%). В Таблице 3 представлена демографическая характеристика респондентов, включенных в исследование.

Таблица 3 – Характеристика респондентов

<i>Характеристика</i>	<i>Респонденты, n = 959</i>
Возраст (лет)	38,6 (± 14) 40 (28–49)
Пол	
Мужской	198 (20,6%)
Женский	761 (79,4%)
Семейный статус	
Холост / не замужем	341 (35,6%)
В браке	500 (52,1%)
Разведен (а)	118 (12,3%)
Наличие детей	
Нет	382 (39,8%)
Есть	577 (60,2%)
Образование	
Среднее	129 (13,5%)
Среднее специальное	203 (21,2%)
Неоконченное высшее	45 (4,7%)
Высшее	582 (60,7%)
Отношение к вере	
Христианство	839 (87,5%)
Ислам	4 (0,4%)
Родноверие	2 (0,2%)
Верю в Бога, но не отношу себя к какой-либо религии	58 (6%)
Атеист	41 (4,3%)
Другое	15 (1,6%)

Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с использованием среды для статистических вычислений R 4.4.0 (R Foundation for Statistical Computing, Вена, Австрия).

Описательные статистики представлены в виде абсолютной и относительной частот для качественных переменных, среднего ($\pm$ стандартное отклонение) и медианы (1-й и 3-й квартили) – для количественных переменных.

Описательные статистики для категориальных переменных представлены в виде абсолютной и относительной частот. В качестве меры силы монотонной ассоциации порядковых показателей использовался коэффициент корреляции τ_B Кендалла с соответствующим 95%-м ДИ. В качестве меры силы монотонной ассоциации количественных показателей использовался коэффициент корреляции Спирмена с соответствующим 95%-м ДИ.

Для оценки внутренней валидности опросников использовалась α -статистика Кронбаха с соответствующим 95%-м ДИ. При проведении эксплораторного факторного анализа использовался алгоритм косоугольного вращения (oblimin), для определения оптимального количества факторов использовались диаграммы каменистой осыпи, в качестве метрик качества модели использовались RMSEA (root mean squared error of approximation) и индекс Такера – Льюиса (TLI). Оценка коэффициентов при проведении конфирматорного факторного анализа проводилась с использованием метода максимального правдоподобия, в качестве метрик качества модели использовались RMSEA, CFI (comparative fit index) и GFI (goodness of fit index).

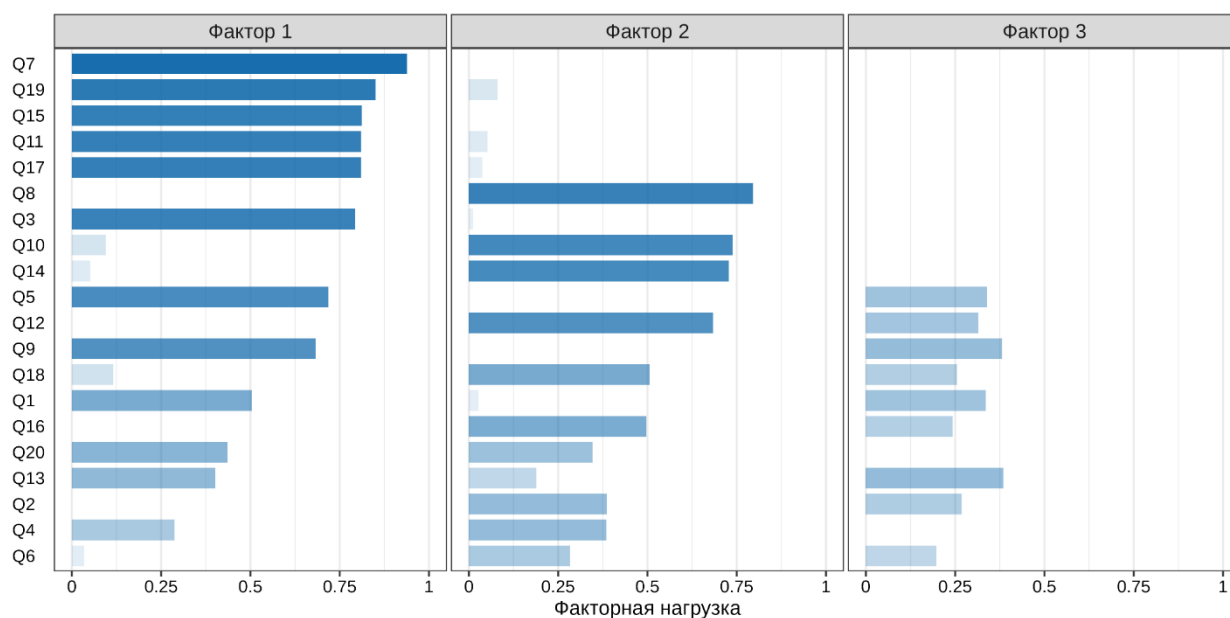
Для проверки конвергентной валидности использовались Шкала психологического благополучия К. Рифф и Портретный ценностный опросник Ш. Шварца (PVQ-R).

2.2. Результаты адаптации «Шкалы духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale, SWBS, Paloutzian & Ellison, 1982)

В Таблице 4 и на Рисунке 2 представлены результаты эксплораторного факторного анализа адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS).

Таблица 4 – Результаты эксплораторного факторного анализа

Вопрос	Факторные нагрузки			Общность (communality)	Уникальность (uniqueness)	Сложность (complexity)
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3			
Q7	0,938	–	–	0,83	0,17	1,04
Q19	0,851	0,08	–	0,74	0,26	1,03
Q15	0,812	–	–	0,65	0,35	1
Q11	0,809	0,052	–	0,67	0,33	1,01
Q17	0,809	0,038	–	0,66	0,34	1,02
Q8	–	0,796	–	0,62	0,38	1,01
Q3	0,793	0,012	–	0,63	0,37	1
Q5	0,718	–	0,339	0,7	0,3	1,43
Q9	0,682	–	0,382	0,7	0,3	1,57
Q10	0,095	0,739	–	0,59	0,41	1,2
Q14	0,051	0,727	–	0,54	0,46	1,03
Q12	–	0,683	0,315	0,58	0,42	1,49
Q18	0,116	0,505	0,255	0,4	0,6	1,6
Q1	0,504	0,027	0,335	0,44	0,56	1,75
Q16	–	0,496	0,243	0,31	0,69	1,56
Q20	0,436	0,347	–	0,37	0,63	2,2
Q13	0,402	0,189	0,385	0,46	0,54	2,42
Q2	–	0,387	0,268	0,24	0,76	1,79
Q4	0,288	0,384	–	0,28	0,72	1,9
Q6	0,034	0,283	0,197	0,14	0,86	1,82

Рисунок 2 – Факторные нагрузки компонент адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS) на этапе эксплораторного факторного анализа

На основании количества компонент с собственным значением больше 1 было выделено 3 фактора, диаграмма каменной осыпи представлена на Рисунке 3. RMSEA модели составило 0,068 [90%-й ДИ: 0,061; 0,076], индекс Такера – Льюиса (TLI) – 0,92, χ^2 (133)=431,2, $p < 0,001$. В третий фактор, отсутствующий в оригинальной шкале, со статистически значимыми весами вошли пять вопросов (Q1, 5, 9, 12, 13).

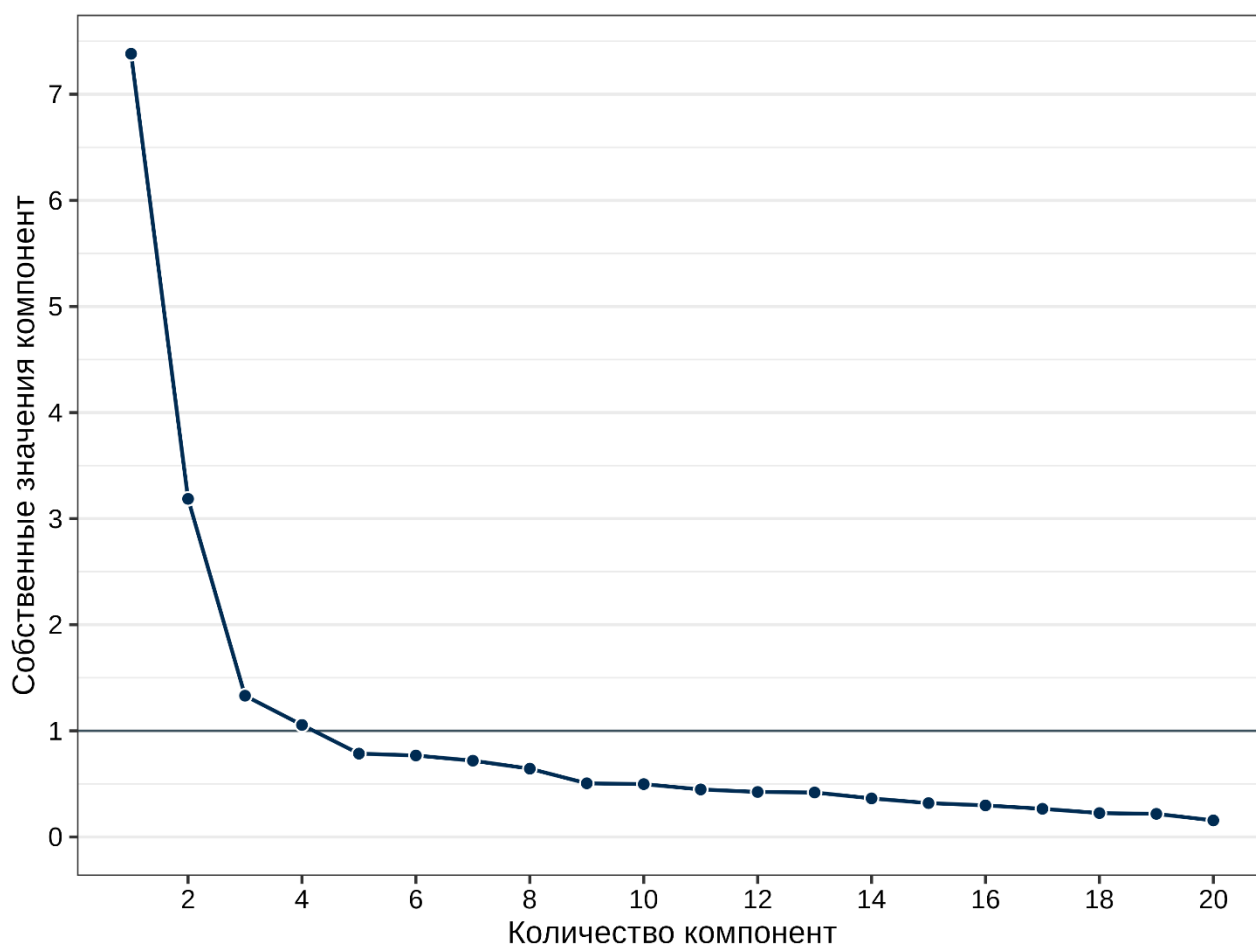

Рисунок 3 – Диаграмма каменной осыпи для компонент адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS)

В Таблице 5 представлены результаты конфирматорного факторного анализа (для факторов, выделенных на этапе эксплораторного факторного анализа, в модель включались факторы со значениями факторных нагрузок 0,3 и выше). RMSEA модели составило 0,083, AIC – 802, CFI – 0,9, GFI – 0,87, $\chi^2(165) = 712,1$, $p < 0,001$. Все компоненты адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS) были статистически значимо ассоциированы с 3 факторами, выделенными на этапе эксплораторного факторного анализа.

Таблица 5 – Результаты конфирматорного факторного анализа

<i>Вопрос</i>	<i>Фактор</i>	<i>Стандартизованный коэффициент</i>	<i>Коэффициент (стандартная ошибка)</i>	<i>z</i>	<i>p</i>
Q1	1	0,648	1,061 (0,067)	15,8	< 0,001
Q1	3	0,39	0,64 (0,085)	7,5	< 0,001
Q2	2	0,474	0,635 (0,062)	10,2	< 0,001
Q3	1	0,728	0,992 (0,054)	18,2	< 0,001
Q4	2	0,544	0,614 (0,051)	12	< 0,001
Q5	1	0,762	1,099 (0,056)	19,5	< 0,001
Q5	3	0,18	0,259 (0,062)	4,2	< 0,001
Q7	1	0,849	1,278 (0,056)	22,9	< 0,001
Q8	2	0,768	0,959 (0,051)	18,7	< 0,001
Q9	1	0,789	1,185 (0,057)	20,6	< 0,001
Q9	3	0,283	0,426 (0,062)	6,8	< 0,001
Q10	2	0,717	0,91 (0,054)	17	< 0,001
Q11	1	0,84	1,276 (0,057)	22,5	< 0,001
Q12	2	0,684	0,915 (0,056)	16,4	< 0,001
Q12	3	0,31	0,415 (0,07)	5,9	< 0,001
Q13	1	0,601	0,973 (0,068)	14,4	< 0,001
Q13	3	0,385	0,623 (0,087)	7,2	< 0,001
Q14	2	0,693	0,844 (0,052)	16,2	< 0,001
Q15	1	0,872	1,462 (0,061)	23,9	< 0,001
Q16	2	0,531	0,815 (0,07)	11,7	< 0,001
Q17	1	0,835	1,315 (0,059)	22,3	< 0,001
Q18	2	0,503	0,558 (0,051)	10,9	< 0,001
Q19	1	0,882	1,382 (0,057)	24,4	< 0,001
Q20	1	0,508	0,613 (0,05)	12,3	< 0,001
Q20	2	0,315	0,38 (0,05)	7,6	< 0,001

В факторном анализе, в нашем исследовании, к вопросам шкалы RWBS оригинальной шкалы добавился вопрос «Я верю, что в моей жизни есть какая-то истинная цель» из шкалы EWBS, по нашему мнению, он носил для респондентов сакральное значение и воспринимался в близком к религиозному значении. К вопросам EWBS оригинальной шкалы добавился вопрос «Бог не является для меня источником поддержки и сил» из шкалы RWBS как констатация отсутствия экзистенциальной опоры в религиозном контексте, и совсем выпал вопрос «Я беспокоюсь по поводу своего будущего». В третий фактор вошли вопросы с негативными формулировками: «Молитва Богу не приносит мне особого удовлетворения» RWBS; «Я верю, что Бог безразличен и Ему не интересны мои повседневные дела» RWBS; «Бог не является для меня источником поддержки и сил» RWBS; «Я не получаю особого удовольствия от жизни» EWBS; «У меня нет отношений с Богом, которые бы удовлетворяли меня лично» RWBS (Рисунок 4).

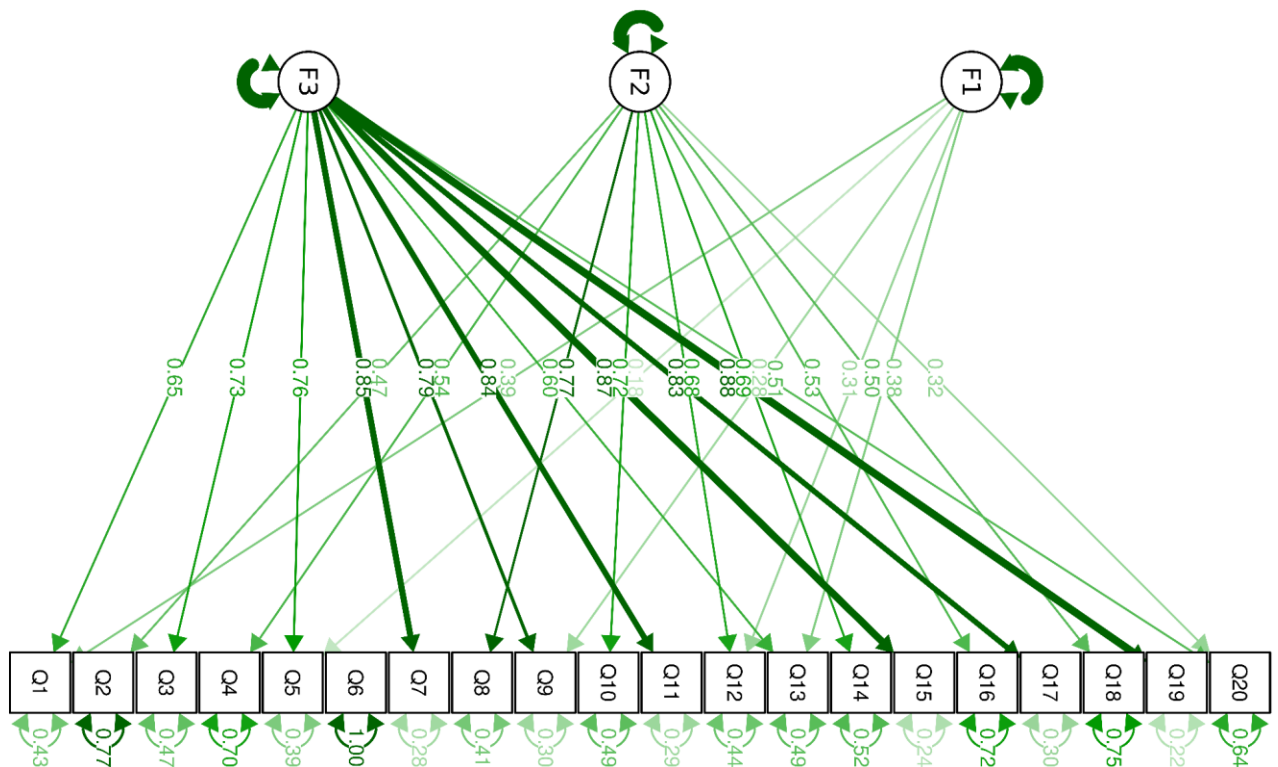

Рисунок 4 – Результаты конфирматорного факторного анализа

На этапе конфирматорного анализа проводилась проверка двух моделей: с двух факторным и трехфакторным решением. Модель с 3 факторами характеризовалась более высоким соответствием наблюдаемым данным по

сравнению с моделью с 2 факторами оригинальной шкалы SWBS ($LR \chi^2(4) = 127,9$, $p < 0,001$) (см. Таблицу 6).

Таблица 6 – Сравнение показателей соответствия конфирматорных моделей

<i>Модель</i>	χ^2	<i>df</i>	<i>p</i>	<i>GFI</i>	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i>	<i>AIC</i>
3 фактора	712,1	165	< 0,001	0,87	0,9	0,083	802
2 фактора	840	169	< 0,001	0,83	0,88	0,091	922

В международных выборках факторный анализ, как правило, приводит к выделению 2 факторов [89; 112; 193; 270], соответствующих религиозному и экзистенциальному измерениям, встречаются трехфакторные [183; 251], четырех факторные [201] и 5 факторные модели [183]. R. K. Bufford и R. F. Paloutzian [58] указывают на выделение в некоторых исследованиях дополнительного третьего методического фактора, который составляют вопросы с негативными формулировками, в различных комбинациях, они группируются вместе независимо от их содержания. В связи с тем, что перекрестная нагрузка у многих исследователей была обычным явлением [201], большинство исследователей склонялись к оставлению изначальной двухфакторной модели, с пояснениями касательно фактора, включающего различные вопросы с отрицательными формулировками или удалением этих пунктов из опросника [271]. В нашей адаптации отрицательно сформулированные вопросы (1, 2, 5, 6, 9, 12, 13, 16, 18) так же дублировались в третьем факторе (Рисунок 5).

Поскольку все вопросы третьего фактора вошли в состав 1-го или 2-го факторов, а значения их факторных нагрузок не превышало 0,4, было принято двухфакторное решение, соотносящееся с оригинальной версией шкалы.

На Рисунках 6 и 7 представлены результаты конфирматорного факторного анализа (для факторов оригинальной шкалы). RMSEA модели составило 0,091, AIC – 922, CFI – 0,88, GFI – 0,83, $\chi^2(169) = 840$, $p < 0,001$. Все компоненты адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» были статистически значимо ассоциированы с факторами оригинальной шкалы SWBS.

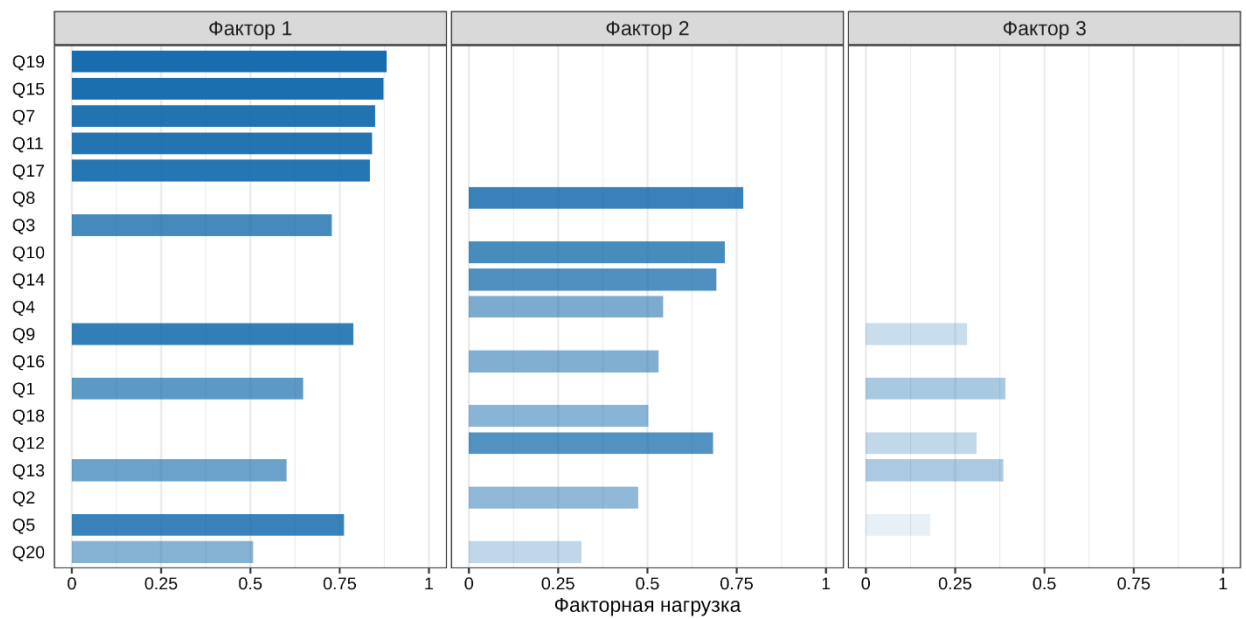

Рисунок 5 – Факторные нагрузки (стандартизованные коэффициенты) компонентов адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS)

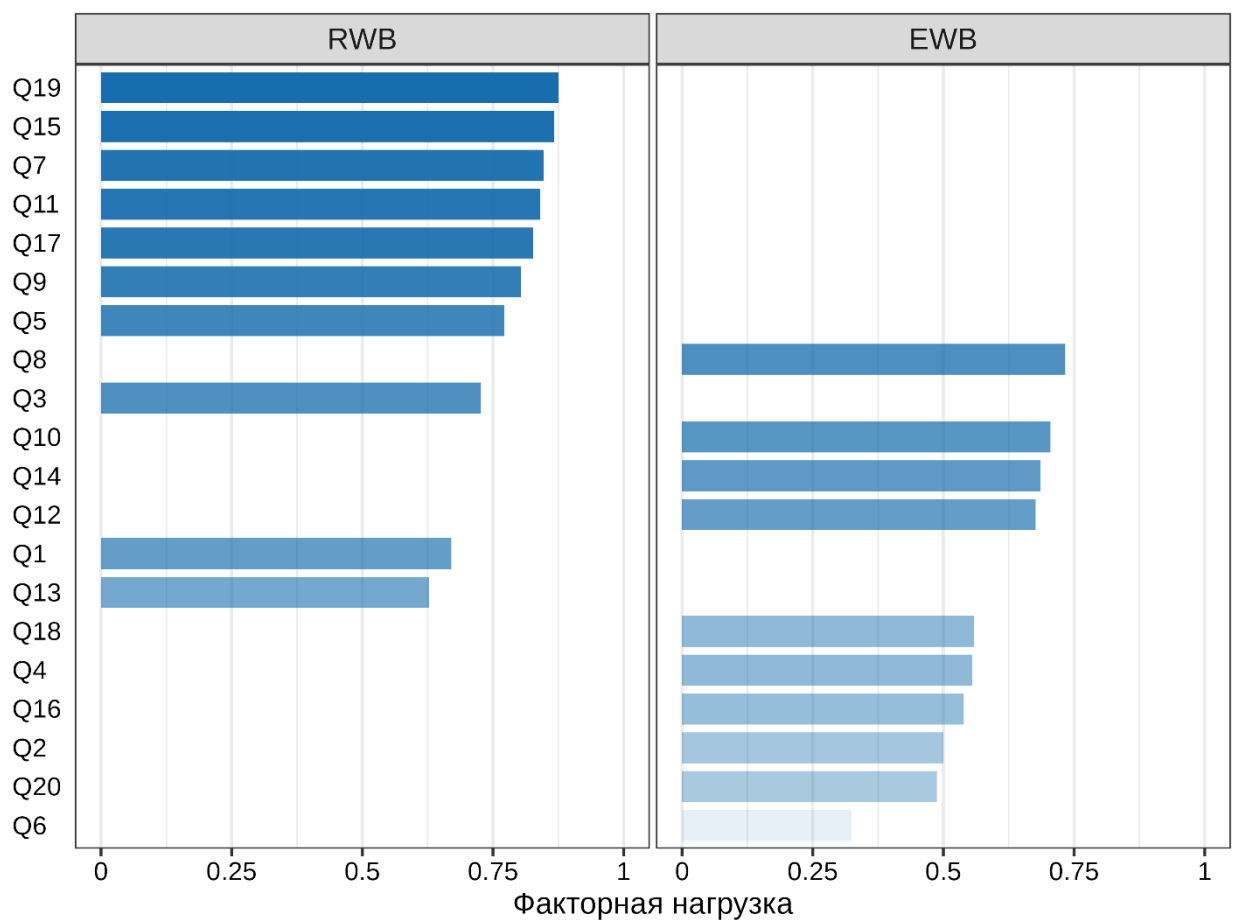

Рисунок 6 – Факторные нагрузки (стандартизованные коэффициенты) компонент адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS)

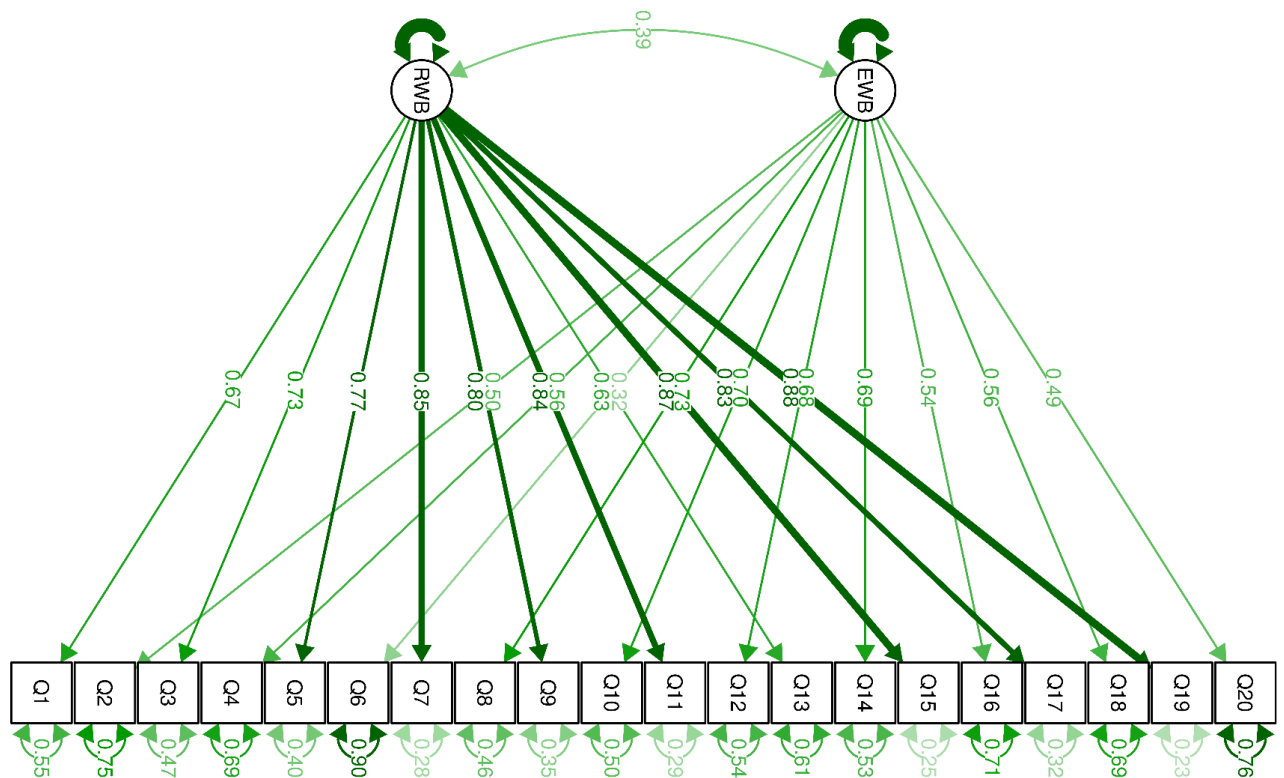

Рисунок 7 – Результаты конфирматорного факторного анализа

α -статистики Кронбаха: для шкалы духовного благополучия (SWBS) α составила 0,906 [0,897; 0,914], для субшкалы религиозного благополучия (RWBS) – $\alpha = 0,937$ [0,931; 0,943], для субшкалы экзистенциального благополучия (EWBS) – $\alpha = 0,822$ [0,804; 0,838], таким образом, адаптированная версия опросника «Шкала духовного благополучия» обладает высокой внутренней согласованностью.

Абсолютные значения коэффициентов корреляции τ_b Кендалла (Рисунок 8 и Таблица 8) варьировали от -0,06 [-0,11; -0,01] между ответами на вопросы 6 («Я беспокоюсь по поводу своего будущего») и 7 («Мои отношения с Богом имеют особенно важное значение для меня») до 0,62 [0,57; 0,66] между ответами на вопросы 15 («Мои отношения с Богом помогают мне не чувствовать себя одиноким») и 19 («Мои отношения с Богом способствуют моему ощущению благополучия»). Медианное значение абсолютных попарных коэффициентов корреляции составило 0,27.

Таблица 7 – Факторные нагрузки (стандартизованные коэффициенты) компонент адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS)

<i>Вопрос</i>	<i>Фактор</i>	<i>Стандартизованный коэффициент</i>	<i>Коэффициент (стандартная ошибка)</i>	<i>z</i>	<i>p</i>
Q1	RWB	0,67	1,088 (0,067)	16,3	< 0,001
Q3	RWB	0,727	0,991 (0,054)	18,2	< 0,001
Q5	RWB	0,772	1,108 (0,056)	19,8	< 0,001
Q7	RWB	0,847	1,275 (0,056)	22,8	< 0,001
Q9	RWB	0,804	1,198 (0,057)	21	< 0,001
Q11	RWB	0,84	1,275 (0,057)	22,5	< 0,001
Q13	RWB	0,627	1,007 (0,067)	15	< 0,001
Q15	RWB	0,867	1,452 (0,061)	23,7	< 0,001
Q17	RWB	0,827	1,303 (0,059)	22	< 0,001
Q19	RWB	0,875	1,372 (0,057)	24,1	< 0,001
Q2	EWB	0,5	0,67 (0,061)	10,9	< 0,001
Q4	EWB	0,556	0,626 (0,051)	12,3	< 0,001
Q6	EWB	0,324	0,504 (0,075)	6,8	< 0,001
Q8	EWB	0,733	0,915 (0,052)	17,5	< 0,001
Q10	EWB	0,704	0,894 (0,054)	16,6	< 0,001
Q12	EWB	0,676	0,912 (0,058)	15,7	< 0,001
Q14	EWB	0,686	0,836 (0,052)	16	< 0,001
Q16	EWB	0,539	0,827 (0,07)	11,9	< 0,001
Q18	EWB	0,559	0,621 (0,05)	12,4	< 0,001
Q20	EWB	0,487	0,612 (0,058)	10,6	< 0,001
<i>Примечание: RWB – религиозное благополучие; EWB – экзистенциальное благополучие</i>					

Таблица 8 – Результаты корреляционного анализа (коэффициенты корреляции τ_B Кендалла [95%-й ДИ]) компонентов адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS)

	Q1	Q2	Q3	Q4	Q5	Q6	Q7	Q8	Q9	Q10	Q11	Q12	Q13	Q14	Q15	Q16	Q17	Q18	Q19	Q20
Q1	–	0,22 [0,16; 0,28] p < 0,001	-0,42 [-0,48; -0,37] p < 0,001	-0,18 [-0,23; -0,12] p < 0,001	0,43 [0,38; 0,49] p < 0,001	0,14 [0,08; 0,19] p < 0,001	-0,45 [-0,5; -0,41] p < 0,001	-0,12 [-0,18; -0,07] p < 0,001	0,52 [0,46; 0,57] p < 0,001	-0,13 [-0,18; -0,08] p < 0,001	-0,42 [-0,47; -0,37] p < 0,001	0,19 [0,14; 0,25] p < 0,001	0,44 [0,39; 0,5] p < 0,001	-0,16 [-0,21; -0,11] p < 0,001	-0,45 [-0,5; -0,41] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,2] p < 0,001	-0,46 [-0,51; -0,41] p < 0,001	0,27 [0,21; 0,32] p < 0,001	-0,44 [-0,49; -0,39] p < 0,001	-0,27 [-0,33; -0,22] p < 0,001
Q2	0,22 [0,16; 0,28] p < 0,001	–	-0,13 [-0,19; -0,07] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001	0,17 [0,11; 0,23] p < 0,001	0,22 [0,17; 0,27] p < 0,001	-0,15 [-0,21; -0,1] p < 0,001	-0,31 [-0,36; -0,26] p < 0,001	0,18 [0,12; 0,24] p < 0,001	-0,28 [-0,34; -0,23] p < 0,001	-0,16 [-0,21; -0,11] p < 0,001	0,31 [0,25; 0,36] p < 0,001	0,25 [0,19; 0,3] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,24] p < 0,001	-0,15 [-0,2; -0,09] p < 0,001	0,26 [0,21; 0,31] p < 0,001	-0,16 [-0,21; -0,11] p < 0,001	0,29 [0,23; 0,35] p < 0,001	-0,14 [-0,2; -0,09] p < 0,001	-0,21 [-0,27; -0,16] p < 0,001
Q3	-0,42 [-0,48; -0,37] p < 0,001	-0,13 [-0,19; -0,07] p < 0,001	–	0,32 [0,26; 0,39] p < 0,001	-0,56 [-0,62; -0,5] p < 0,001	-0,08 [-0,14; -0,03] p = 0,003	0,58 [0,52; 0,64] p < 0,001	0,08 [0,02; 0,14] p = 0,003	-0,52 [-0,58; -0,46] p < 0,001	0,14 [0,08; 0,2] p < 0,001	0,54 [0,49; 0,6] p < 0,001	-0,12 [-0,18; -0,06] p < 0,001	-0,38 [-0,43; -0,32] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,21] p < 0,001	0,5 [0,45; 0,56] p < 0,001	-0,08 [-0,14; -0,03] p = 0,003	0,47 [0,42; 0,52] p < 0,001	-0,31 [-0,37; -0,25] p < 0,001	0,51 [0,45; 0,56] p < 0,001	0,36 [0,3; 0,42] p < 0,001
Q4	-0,18 [-0,23; -0,12] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001	0,32 [0,26; 0,38] p < 0,001	–	-0,24 [-0,3; -0,18] p < 0,001	-0,14 [-0,19; -0,09] p < 0,001	0,22 [0,16; 0,28] p < 0,001	0,33 [0,28; 0,38] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001	0,31 [0,26; 0,36] p < 0,001	0,29 [0,23; 0,34] p < 0,001	-0,31 [-0,36; -0,25] p < 0,001	-0,23 [-0,28; -0,18] p < 0,001	0,33 [0,28; 0,38] p < 0,001	0,28 [0,23; 0,34] p < 0,001	-0,21 [-0,27; -0,16] p < 0,001	0,22 [0,16; 0,27] p < 0,001	-0,32 [-0,38; -0,27] p < 0,001	0,25 [0,2; 0,31] p < 0,001	0,3 [0,25; 0,36] p < 0,001
Q5	0,43 [0,38; 0,49] p < 0,001	0,17 [0,11; 0,23] p < 0,001	-0,56 [-0,62; -0,5] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,18] p < 0,001	–	0,1 [0,04; 0,15] p < 0,001	-0,5 [-0,56; -0,44] p < 0,001	-0,07 [-0,12; -0,01] p = 0,015	0,58 [0,52; 0,63] p < 0,001	-0,12 [-0,17; -0,06] p < 0,001	-0,54 [-0,6; -0,49] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,21] p < 0,001	0,4 [0,35; 0,46] p < 0,001	-0,16 [-0,22; -0,11] p < 0,001	-0,46 [-0,52; -0,41] p < 0,001	0,16 [0,11; 0,22] p < 0,001	-0,43 [-0,49; -0,38] p < 0,001	0,37 [0,31; 0,43] p < 0,001	-0,46 [-0,52; -0,41] p < 0,001	-0,34 [-0,39; -0,28] p < 0,001
Q6	0,14 [0,08; 0,19] p < 0,001	0,22 [0,17; 0,27] p < 0,001	-0,08 [-0,14; -0,03] p = 0,003	-0,14 [-0,19; -0,09] p < 0,001	0,1 [0,04; 0,15] p < 0,001	–	-0,06 [-0,11; -0,01] p = 0,025	-0,21 [-0,26; -0,15] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,22] p < 0,001	-0,21 [-0,27; -0,16] p < 0,001	-0,09 [-0,14; -0,03] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,23] p < 0,001	0,16 [0,11; 0,21] p < 0,001	-0,19 [-0,24; -0,14] p < 0,001	-0,15 [-0,2; -0,09] p < 0,001	0,2 [0,15; 0,25] p < 0,001	-0,14 [-0,19; -0,09] p < 0,001	0,13 [0,08; 0,19] p < 0,001	-0,1 [-0,16; -0,05] p < 0,001	-0,07 [-0,12; -0,02] p = 0,009
Q7	-0,45 [-0,5; -0,39] p < 0,001	-0,15 [-0,21; -0,1] p < 0,001	0,58 [0,53; 0,63] p < 0,001	0,22 [0,16; 0,28] p < 0,001	-0,5 [-0,56; -0,45] p < 0,001	-0,06 [-0,11; -0,01] p = 0,025	–	0,09 [0,03; 0,15] p < 0,001	-0,57 [-0,62; -0,52] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,2] p < 0,001	0,57 [0,52; 0,62] p < 0,001	-0,09 [-0,14; -0,03] p = 0,002	-0,41 [-0,47; -0,36] p < 0,001	0,13 [0,07; 0,19] p < 0,001	0,58 [0,54; 0,63] p < 0,001	-0,07 [-0,12; -0,01] p = 0,012	0,59 [0,55; 0,63] p < 0,001	-0,29 [-0,35; -0,23] p < 0,001	0,58 [0,53; 0,63] p < 0,001	0,37 [0,32; 0,43] p < 0,001
Q8	-0,12 [-0,18; -0,07] p < 0,001	-0,31 [-0,36; -0,26] p < 0,001	0,08 [0,02; 0,14] p = 0,003	0,33 [0,28; 0,38] p < 0,001	-0,07 [-0,12; -0,01] p = 0,015	-0,21 [-0,26; -0,15] p < 0,001	0,09 [0,03; 0,15] p < 0,001	–	-0,14 [-0,2; -0,09] p < 0,001	0,56 [0,51; 0,61] p < 0,001	0,16 [0,11; 0,22] p < 0,001	-0,52 [-0,56; -0,48] p < 0,001	-0,23 [-0,28; -0,18] p < 0,001	0,51 [0,47; 0,55] p < 0,001	0,16 [0,1; 0,21] p < 0,001	-0,34 [-0,39; -0,29] p < 0,001	0,14 [0,08; 0,19] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,24] p < 0,001	0,18 [0,12; 0,23] p < 0,001	0,25 [0,19; 0,3] p < 0,001
Q9	0,52 [0,46; 0,57] p < 0,001	0,18 [0,12; 0,24] p < 0,001	-0,52 [-0,57; -0,46] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001	0,58 [0,52; 0,63] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,22] p < 0,001	-0,57 [-0,62; -0,51] p < 0,001	-0,14 [-0,2; -0,09] p < 0,001	–	-0,18 [-0,23; -0,12] p < 0,001	-0,51 [-0,56; -0,46] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,23] p < 0,001	0,48 [0,43; 0,53] p < 0,001	-0,17 [-0,22; -0,11] p < 0,001	-0,56 [-0,61; -0,52] p < 0,001	0,11 [0,06; 0,17] p < 0,001	-0,49 [-0,54; -0,45] p < 0,001	0,35 [0,29; 0,41] p < 0,001	-0,52 [-0,57; -0,47] p < 0,001	-0,32 [-0,37; -0,26] p < 0,001
Q10	-0,13 [-0,18; -0,08] p < 0,001	-0,28 [-0,34; -0,23] p < 0,001	0,14 [0,08; 0,2] p < 0,001	0,31 [0,26; 0,36] p < 0,001	-0,12 [-0,17; -0,06] p < 0,001	-0,21 [-0,27; -0,16] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,2] p < 0,001	0,56 [0,51; 0,6] p < 0,001	-0,18 [-0,23; -0,12] p < 0,001	–	0,24 [0,19; 0,29] p < 0,001	-0,42 [-0,47; -0,38] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001	0,49 [0,44; 0,54] p < 0,001	0,21 [0,15; 0,26] p < 0,001	-0,31 [-0,36; -0,26] p < 0,001	0,18 [0,13; 0,24] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,24] p < 0,001	0,25 [0,2; 0,3] p < 0,001	0,26 [0,21; 0,31] p < 0,001
Q11	-0,42 [-0,47; -0,37] p < 0,001	-0,16 [-0,21; -0,1] p < 0,001	0,54 [0,45; 0,59] p < 0,001	0,29 [0,23; 0,34] p < 0,001	-0,54 [-0,59; -0,5] p < 0,001	-0,09 [-0,14; -0,03] p < 0,001	0,57 [0,52; 0,61] p < 0,001	0,16 [0,11; 0,22] p < 0,001	-0,51 [-0,56; -0,46] p < 0,001	0,24 [0,19; 0,29] p < 0,001	–	-0,17 [-0,23; -0,12] p < 0,001	-0,41 [-0,46; -0,36] p < 0,001	0,24 [0,18; 0,29] p < 0,001	0,53 [0,49; 0,58] p < 0,001	-0,12 [-0,17; -0,07] p < 0,001	0,53 [0,49; 0,57] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,23] p < 0,001	0,55 [0,5; 0,59] p < 0,001	0,38 [0,32; 0,43] p < 0,001
Q12	0,19 [0,14; 0,25] p < 0,001	0,31 [0,25; 0,36] p < 0,001	-0,12 [-0,18; -0,06] p < 0,001	-0,31 [-0,36; -0,25] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,21] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,23] p < 0,001	-0,09 [-0,14; -0,03] p = 0,002	-0,52 [-0,56; -0,48] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,23] p < 0,001	-0,42 [-0,47; -0,38] p < 0,001	-0,17 [-0,23; -0,12] p < 0,001	–	0,33 [0,28; 0,38] p < 0,001	-0,43 [-0,48; -0,39] p < 0,001	-0,11 [-0,17; -0,06] p < 0,001	0,37 [0,32; 0,42] p < 0,001	-0,11 [-0,16; -0,06] p < 0,001	0,41 [0,36; 0,46] p < 0,001	-0,18 [-0,23; -0,13] p < 0,001	-0,21 [-0,26; -0,15] p < 0,001
Q13	0,44 [0,39; 0,5] p < 0,001	0,25 [0,19; 0,3] p < 0,001	-0,38 [-0,43; -0,32] p < 0,001	-0,23 [-0,28; -0,18] p < 0,001	0,4 [0,35; 0,45] p < 0,001	0,16 [0,11; 0,21] p < 0,001	-0,41 [-0,47; -0,36] p < 0,001	-0,23 [-0,28; -0,18] p < 0,001	0,48 [0,43; 0,53] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001	-0,41 [-0,46; -0,36] p < 0,001	0,33 [0,28; 0,38] p < 0,001	–	-0,26 [-0,31; -0,21] p < 0,001	-0,4 [-0,45; -0,35] p < 0,001	0,21 [0,15; 0,26] p < 0,001	-0,4 [-0,45; -0,35] p < 0,001	0,35 [0,29; 0,4] p < 0,001	-0,42 [-0,47; -0,36] p < 0,001	-0,24 [-0,3; -0,19] p < 0,001
Q14	-0,16 [-0,21; -0,11] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,24] p < 0,001	0,15 [0,09; 0,21] p < 0,001	0,33 [0,28; 0,38] p < 0,001	-0,16 [-0,22; -0,11] p < 0,001	-0,19 [-0,24; -0,14] p < 0,001	0,13 [0,07; 0,19] p < 0,001	0,51 [0,47; 0,55] p < 0,001	-0,17 [-0,22; -0,11] p < 0,001	0,49 [0,44; 0,54] p < 0,001	0,24 [0,18; 0,29] p < 0,001	-0,43 [-0,48; -0,39] p < 0,001	-0,26 [-0,31; -0,21] p < 0,001	–	0,22 [0,16; 0,27] p < 0,001	-0,32 [-0,37; -0,27] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,23] p < 0,001	-0,35 [-0,4; -0,3] p < 0,001	0,27 [0,22; 0,32] p < 0,001	0,28 [0,22; 0,33] p < 0,001
Q15	-0,45 [-0,5; -0,4] p < 0,001	-0,15 [-0,2; -0,09] p < 0,001	0,5 [0,45; 0,55] p < 0,001	0,28 [0,23; 0,34] p < 0,001	-0,46 [-0,51; -0,41] p < 0,001	-0,15 [-0,2; -0,09] p < 0,001	0,58 [0,54; 0,63] p < 0,001	0,16 [0,1; 0,21] p < 0,001	-0,56 [-0,61; -0,52] p < 0,001	0,21 [0,15; 0,26] p < 0,001	0,53 [0,49; 0,58] p < 0,001	-0,11 [-0,17; -0,06] p < 0,001	-0,4 [-0,45; -0,35] p < 0,001	0,22 [0,16; 0,27] p < 0,001	–	-0,11 [-0,16; -0,06] p < 0,001	0,59 [0,55; 0,63] p < 0,001	-0,28 [-0,34; -0,23] p < 0,001	0,62 [0,57; 0,66] p < 0,001	0,37 [0,32; 0,43] p < 0,001
Q16	0,15 [0,09; 0,2] p < 0,001	0,26 [0,21; 0,31] p < 0,001	-0,08 [-0,14; -0,03] p = 0,003	-0,21 [-0,26; -0,16] p < 0,001	0,16 [0,11; 0,21] p < 0,001	0,2 [0,15; 0,25] p < 0,001	-0,07 [-0,12; -0,01] p = 0,012	-0,34 [-0,39; -0,29] p < 0,001	0,11 [0,06; 0,17] p < 0,001	-0,31 [-0,36; -0,26] p < 0,001	-0,12 [-0,17; -0,07] p < 0,001	0,37 [0,32; 0,42] p < 0,001	0,21 [0,15; 0,26] p < 0,001	-0,32 [-0,37; -0,27] p < 0,001	-0,11 [-0,16; -0,06] p < 0,001	–	-0,1 [-0,15; -0,05] p < 0,001	0,31 [0,26; 0,35] p < 0,001	-0,16 [-0,21; -0,1] p < 0,001	-0,17 [-0,22; -0,11] p < 0,001
Q17	-0,46 [-0,5; -0,41] p < 0,001	-0,16 [-0,21; -0,1] p < 0,001	0,47 [0,43; 0,51] p < 0,001	0,22 [0,16; 0,27] p < 0,001	-0,43 [-0,48; -0,39] p < 0,001	-0,14 [-0,19; -0,09] p < 0,001	0,59 [0,55; 0,63] p < 0,001	0,14 [0,08; 0,19] p < 0,001	-0,49 [-0,54; -0,45] p < 0,001	0,18 [0,13; 0,24] p < 0,001	0,53 [0,49; 0,57] p < 0,001	-0,11 [-0,16; -0,06] p < 0,001	-0,4 [-0,45; -0,35] p < 0,001	0,17 [0,12; 0,23] p < 0,001	0,59 [0,55; 0,63] p < 0,001	-0,1 [-0,15; -0,05] p < 0,001	–	-0,25 [-0,31; -0,2] p < 0,001	0,6 [0,56; 0,64] p < 0,001	0,35 [0,3; 0,4] p < 0,001
Q18	0,27 [0,21; 0,32] p < 0,001	0,29 [0,23; 0,35] p < 0,001	-0,31 [-0,37; -0,25] p < 0,001	-0,32 [-0,38; -0,26] p < 0,001	0,37 [0,31; 0,43] p < 0,001	0,13 [0,08; 0,19] p < 0,001	-0,29 [-0,35; -0,23] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,24] p < 0,001	0,35 [0,29; 0,41] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,24] p < 0,001	-0,29 [-0,34; -0,23] p < 0,001	0,41 [0,36; 0,46] p < 0,001	0,35 [0,29; 0,4] p < 0,001	-0,35 [-0,4; -0,3] p < 0,001	-0,28 [-0,34; -0,23] p < 0,001	0,31 [0,26; 0,35] p < 0,001	-0,25 [-0,31; -0,2] p < 0,001	–	-0,32 [-0,38; -0,26] p < 0,001	-0,44 [-0,49; -0,38] p < 0,001
Q19	-0,44 [-0,49; -0,39] p < 0,001	-0,14 [-0,2; -0,09] p < 0,001	0,51 [0,46; 0,56] p < 0,001	0,25 [0,2; 0,31] p < 0,001	-0,46 [-0,52; -0,41] p < 0,001	-0,1 [-0,16; -0,05] p < 0,001	0,58 [0,54; 0,63] p < 0,001	0,18 [0,12; 0,23] p < 0,001	-0,52 [-0,57; -0,47] p < 0,001	0,25 [0,2; 0,3] p < 0,001	0,55 [0,5; 0,59] p < 0,001	-0,18 [-0,23; -0,13] p < 0,001	-0,42 [-0,47; -0,36] p < 0,001	0,27 [0,22; 0,32] p < 0,0						

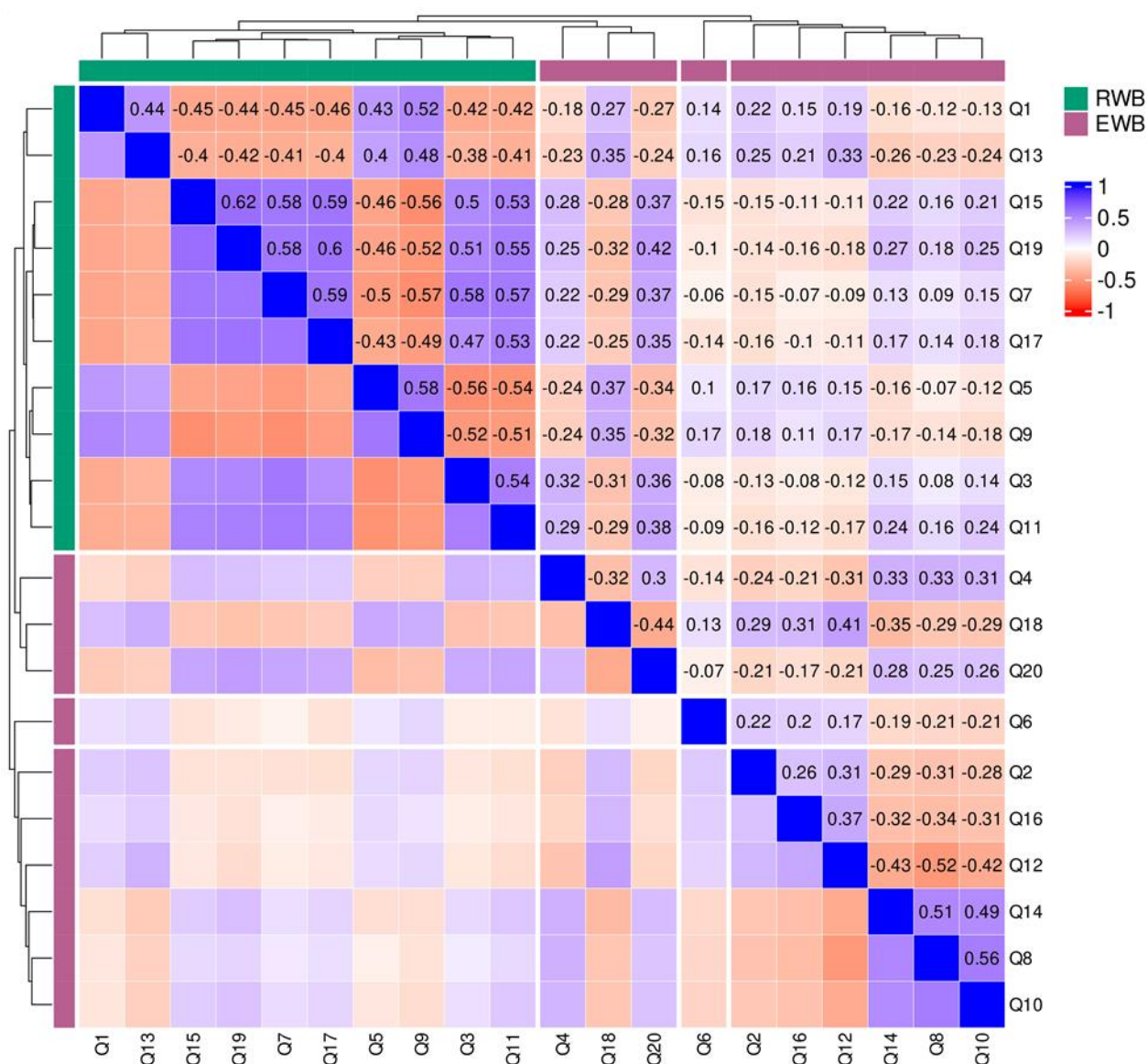

Рисунок 8 – Результаты корреляционного анализа (коэффициенты корреляции τ_B Кендалла) компонентов адаптированного опросника «Шкала духовного благополучия» (SWBS)

Проверка «Шкалы духовного благополучия» на конвергентную валидность проводилась с помощью «PVQ-R2R. Портретного ценностного опросника Ш. Шварца» и «Шкалы психологического благополучия Рифф» с использованием корреляционного анализа.

Субшкала религиозного благополучия (RWBS) статистически значимо положительно коррелировала с оценками по субшкалам «Портретного ценностного опросника Ш. Шварца» самостоятельность: поступки ($p = 0,12$ [0,06; 0,18] $p < 0,001$), безопасность: личная ($p = 0,33$ [0,28; 0,39] $p < 0,001$), безопасность: общественная ($p = 0,14$ [0,08; 0,2] $p < 0,001$), традиция ($p = 0,29$ [0,23; 0,34]

$p < 0,001$), конформизм: правила ($p = 0,28 [0,22; 0,34]$ $p < 0,001$), конформизм: межличностный ($p = 0,5 [0,45; 0,55]$ $p < 0,001$), скромность ($p = 0,27 [0,21; 0,33]$ $p < 0,001$), универсализм: забота о других ($p = 0,28 [0,22; 0,34]$ $p < 0,001$), универсализм: забота о природе ($p = 0,35 [0,29; 0,4]$ $p < 0,001$), универсализм: толерантность ($p = 0,29 [0,23; 0,35]$ $p < 0,001$), благожелательность: забота ($p = 0,3 [0,24; 0,35]$ $p < 0,001$), благожелательность: чувство долга ($p = 0,17 [0,11; 0,23]$ $p < 0,001$), сохранение ($p = 0,36 [0,3; 0,41]$ $p < 0,001$) и самопреодоление ($p = 0,38 [0,32; 0,43]$ $p < 0,001$) и статистически значимо отрицательно коррелировала с оценками по субшкалам стимуляция ($p = -0,08 [-0,14; -0,02]$ $p = 0,011$), гедонизм ($p = -0,31 [-0,36; -0,25]$ $p < 0,001$), достижение ($p = -0,23 [-0,28; -0,16]$ $p < 0,001$), власть: доминирование ($p = -0,35 [-0,4; -0,29]$ $p < 0,001$), власть: ресурсы ($p = -0,23 [-0,29; -0,17]$ $p < 0,001$), открытость изменениям ($p = -0,1 [-0,16; -0,04]$ $p = 0,002$) и самоутверждение ($p = -0,31 [-0,37; -0,25]$ $p < 0,001$). Оценка по субшкале экзистенциального благополучия (EWBS) статистически значимо положительно коррелировала с оценками по субшкалам самостоятельность: мысли ($p = 0,09 [0,03; 0,15]$ $p = 0,006$), самостоятельность: поступки ($p = 0,1 [0,04; 0,16]$ $p = 0,002$), безопасность: личная ($p = 0,2 [0,14; 0,26]$ $p < 0,001$), безопасность: общественная ($p = 0,1 [0,03; 0,16]$ $p = 0,003$), традиция ($p = 0,27 [0,21; 0,32]$ $p < 0,001$), конформизм: правила ($p = 0,16 [0,1; 0,22]$ $p < 0,001$), конформизм: межличностный ($p = 0,3 [0,24; 0,35]$ $p < 0,001$), скромность ($p = 0,15 [0,09; 0,21]$ $p < 0,001$), универсализм: забота о других ($p = 0,2 [0,14; 0,26]$ $p < 0,001$), универсализм: забота о природе ($p = 0,28 [0,22; 0,34]$ $p < 0,001$), универсализм: толерантность ($p = 0,18 [0,12; 0,24]$ $p < 0,001$), благожелательность: забота ($p = 0,2 [0,14; 0,26]$ $p < 0,001$), благожелательность: чувство долга ($p = 0,2 [0,14; 0,26]$ $p < 0,001$), сохранение ($p = 0,21 [0,15; 0,27]$ $p < 0,001$) и самопреодоление ($p = 0,28 [0,22; 0,34]$ $p < 0,001$) и статистически значимо отрицательно коррелировала с оценками по субшкалам гедонизм ($p = -0,08 [-0,15; -0,02]$ $p = 0,011$), власть: доминирование ($p = -0,22 [-0,28; -0,16]$ $p < 0,001$), власть: ресурсы ($p = -0,16 [-0,22; -0,1]$ $p < 0,001$), репутация ($p = -0,1 [-0,16; -0,04]$ $p = 0,002$) и самоутверждение ($p = -0,17 [-0,23; -0,1]$ $p < 0,001$).

Оценки по субшкале религиозное благополучие (RWBS) и экзистенциальное благополучие (EWBS), а также суммарная оценка по шкале духовного благополучия (SWBS) статистически значимо положительно коррелировали со всеми компонентами «Шкалы психологического благополучия Рифф», наиболее сильные корреляции были отмечены между значениями к по субшкале экзистенциального благополучия (EWBS) и субшкалам «Цель в жизни» ($\rho = 0,48$ [0,43; 0,53]) и «самопринятие» ($\rho = 0,51$ [0,46; 0,55]), а также общим баллом по опроснику «Шкалы психологического благополучия Рифф» ($\rho = 0,52$ [0,47; 0,57]).

2.3. Обсуждение результатов исследования

Нормативные показатели зависят от различных характеристик [59] в соответствии с нормами, предлагаемыми авторами опросника, шкалы религиозного и экзистенциального благополучия оцениваются по следующим показателям: низкий (10–20), средний (21–49) и высокий (50–60); шкала духовного благополучия: низкий (20–40), средний (41–99) и высокий (100–120) [95] (Приложение Б).

На Рисунках 9–11 представлены результаты оценки ответов респондентов с использованием адаптированной «Шкалы духовного благополучия».

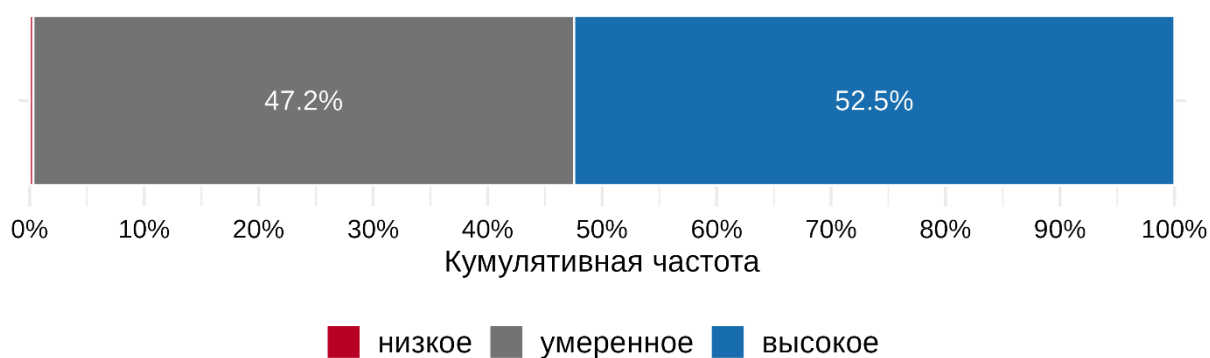

Рисунок 9 – Показатели духовного благополучия респондентов

Высокие показатели духовного благополучия характеризовали 52,5% респондентов, умеренные – 47,2%, низкие – 0,3%.

Высокие показатели экзистенциального благополучия характеризовали 43,1% респондентов, умеренные – 56,4%, низкие – 0,5%.

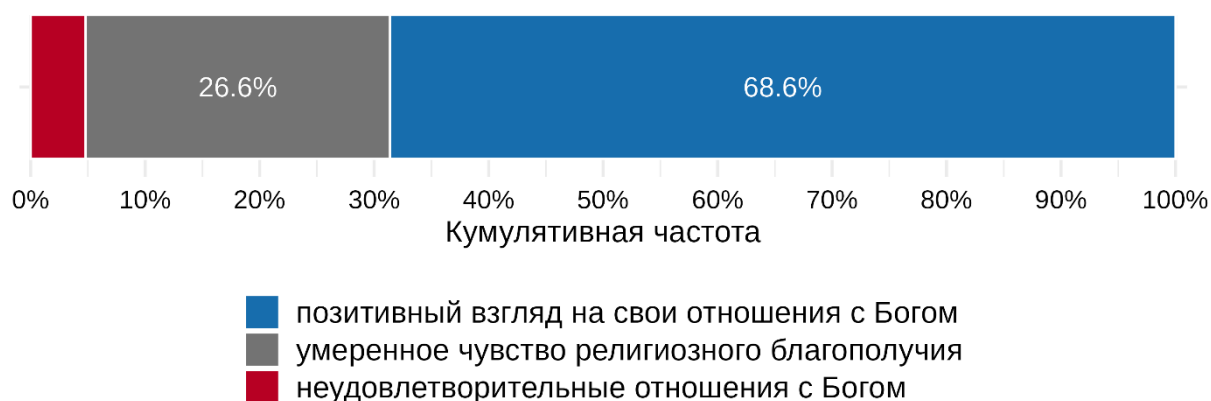

Рисунок 10 – Показатели религиозного благополучия респондентов

Высокие показатели религиозного благополучия характеризовали 68,6% респондентов, умеренные – 26,6%, низкие – 4,8%.

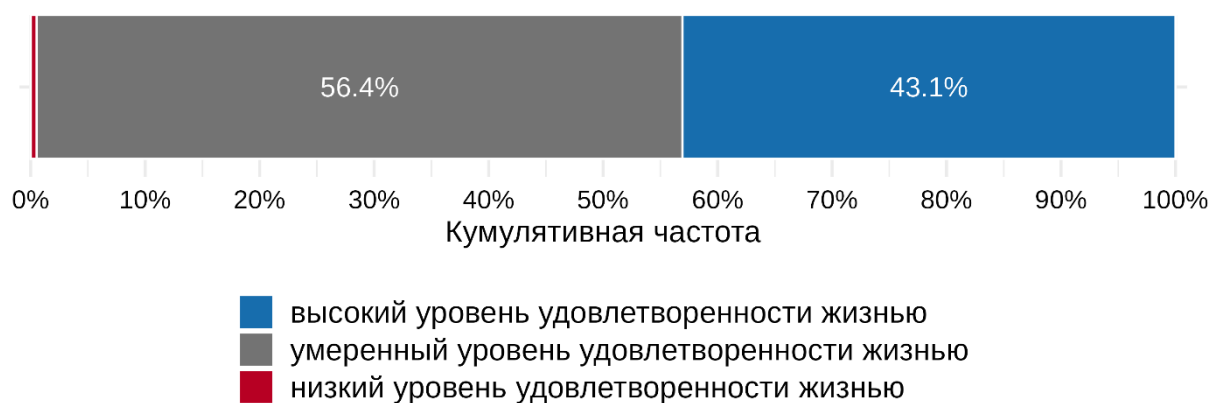

Рисунок 11 – Показатели экзистенциального благополучия респондентов

Результаты исследования свидетельствуют о том, что русскоязычная версия опросника «Шкала духовного благополучия» характеризуется высокой надежностью. Подтверждена двухфакторная структура конструкта духовного благополучия, состоящего из субшкал религиозного и экзистенциального благополучия. Обнаруженный в процессе эксплораторного и конфирматорного анализов третий фактор, появляющийся в исследованиях других авторов [58; 271], носит вспомогательный характер, поскольку вошедшие в него вопросы включены в первый и второй факторы и показывали более значительную факторную нагрузку (см. Таблицы 4 и 5), по содержанию вошедших в него вопросов он может рассматриваться как фактор духовного неблагополучия.

Результаты проверки конвергентной валидности опросника «Шкала духовного благополучия», в частности значимые положительные корреляционные связи

со всеми компонентами и общим баллом «Шкалы психологического благополучия Рифф», а особенно сильные между экзистенциальным благополучием (EWBS) и шкалами «Цель в жизни» и самопринятие, говорят в пользу валидности исследуемой методики.

Тесные корреляционные связи показателей шкалы духовного благополучия с параметрами ценностного опросника Ш. Шварца и шкалы психологического благополучия К. Рифф подтвердили ее конструктивную и внутреннюю валидность, возможность ее применения в качестве психометрического инструмента.

В качестве ограничений исследования нужно рассматривать несбалансированность эмпирической выборки, в составе которой преобладали женщины и люди, исповедующие христианство. Тем не менее апробированная шкала может использоваться в целях диагностики духовного благополучия, а ее результаты могли бы найти применение в теории и практике общей, возрастной, педагогической психологии, психологии личности и психологии здоровья.

Диагностика духовного благополучия позволяет получить дифференцированную и содержательную характеристику духовной сферы в религиозном и экзистенциальном плане. С помощью адаптированной русскоязычной версии опросника «Шкала духовного благополучия» [3], можно полнее исследовать проявления мотивационно-смысловых регуляторов жизнедеятельности человека с учетом разнообразных духовных переживаний и высших человеческих ценностей.

Выводы по второй главе

1. Проведена адаптация русскоязычной версии опросника «Шкала духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale, SWBS; R. F. Paloutzian & C. W. Ellison), включающая процедуры прямого и обратного перевода и апробацию методики в формате анонимного онлайн-исследования при добровольном информированном согласии участников.

2. Эмпирическая база адаптации составила 959 респондентов; статистическая обработка выполнена в среде R 4.4.0 с применением методов описательной статистики, корреляционного анализа и факторного моделирования.

3. По результатам эксплораторного факторного анализа выявлено трехфакторное решение, при этом дополнительный третий фактор формировался преимущественно пунктами с отрицательными формулировками, что указывает на наличие методического эффекта формулировки.

4. Конфирматорный факторный анализ подтвердил статистическую значимость факторных связей пунктов с выделенными факторами, вместе с тем с учетом перекрестных нагрузок и вспомогательного характера третьего фактора принято двухфакторное решение, соответствующее оригинальной структуре SWBS.

5. Подтверждена двухкомпонентная структура конструкта духовного благополучия, включающая субшкалы религиозного благополучия (RWBS) и экзистенциального благополучия (EWBS), все пункты опросника статистически значимо связаны с соответствующими факторами.

6. Адаптированная русскоязычная версия SWBS характеризуется высокой внутренней согласованностью: для общей шкалы $\alpha = 0,906$; для RWBS $\alpha = 0,937$; для EWBS $\alpha = 0,822$, что свидетельствует о надежности методики.

7. Конвергентная и конструктивная валидность опросника подтверждена статистически значимыми корреляционными связями показателей SWBS (RWBS, EWBS и общей шкалы SWBS) с компонентами «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф и показателями «Портретного ценностного опросника» Ш. Шварца.

8. Установлено, что адаптированная версия SWBS может быть использована в качестве валидного психометрического инструмента диагностики духовного благополучия.

Глава 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДИКТОРОВ ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

3.1. Методы исследования

Для более глубокой качественной интерпретации полученных результатов все респонденты были разделены на две группы: подростки и юноши (14–21 год $N = 197$) и взрослые (22 года и старше $N = 762$) (Приложение В). Указанное разделение носило вспомогательный характер и использовалось для интерпретации возрастных различий, наряду с этим предиктивная модель строилась на всей выборке целиком, без разделений по возрасту.

Данное разделение было основано на комплексном, научно и нормативно обоснованном подходе. С точки зрения психологии развития, к возрасту 22 лет завершается этап предвзрелости и происходит вход в структуру ранней взрослости [166]. Возраст 21–22 года находится в середине периода «возникающей взрослости» [39] и, согласно Е. Н. Erikson [92], знаменует выход из кризиса идентичности и обретение способности к психосоциальной близости. К этому же возрасту, как показывают исследования, относится активное формирование диалектического мышления, необходимого для решения сложных жизненных задач [43].

Культурно-правовые особенности российского общества могут рассматриваться как дополнительный контекст, подтверждают эту границу: 22 года – это период завершения первой ступени высшего образования, для значительной части выборки выступающий социальным маркером перехода к профессиональной деятельности. При этом правовые критерии не рассматривались как самостоятельное основание, а использовались лишь как косвенный нормативный фон (возрастной ценз 21 год для ряда публично-правовых действий: избрание в Государственную Думу, приобретение оружия и др., фактически признает достаточный уровень социальной ответственности и компетентности). К началу третьего десятилетия жизни создаются предпосылки для перехода к постконвенциональной морали [157]

и индивидуально-рефлексивной системе убеждений [105], а удовлетворение базовых потребностей позволяет смещать фокус на экзистенциальные и духовные вопросы [177].

Таким образом, возрастная граница 21–22 года не является произвольной, а отражает совпадение ключевых биологических, психологических и социально-правовых траекторий развития, что делает ее обоснованной для интерпретационного разделения.

Сбор данных осуществлялся в формате онлайн исследования, участникам предоставлялась информация о целях исследования, условиях анонимности и добровольности участия, согласие подтверждалось перед началом прохождения опроса.

Духовное благополучие изучалось с использованием «Шкалы духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale, SWBS [203]), в адаптации И. А. Бакушкина и Р. В. Ершовой, 2025 (α Кронбаха – 0,906) [3]. Шкала состоит из 20 пунктов, которые оцениваются по 6-балльной шкале Ликерта (от 1 – «полностью согласен» до 6 – «полностью не согласен»). Шкала включает две субшкалы: 1) *религиозного благополучия* (максимальная оценка 60 баллов, оценки в диапазоне: 10–20 отражают ощущение неудовлетворенности в отношениях с Богом; 21–49 отражают умеренное чувство религиозного благополучия; 50–60 отражают позитивный взгляд на свои отношения с Богом), измеряющего уровень благополучия, связанного с отношениями с Богом (трансцендентное измерение религиозного благополучия) и 2) *экзистенциального благополучия* (максимальная оценка 60 баллов, оценки в диапазоне: 10–20 говорят о низкой удовлетворенности жизнью и возможном отсутствии ясности в отношении своей цели в жизни; 21–49 предполагают умеренный уровень удовлетворенности жизнью и наличии цели в жизни; 50–60 говорит о высоком уровне удовлетворенности своей жизнью и наличии четкой цели в жизни), измеряющего имманентное благополучие – уровень удовлетворенности жизнью и целью без опоры на высшую силу. Духовное благополучие как конструкт, состоящий из двух показателей, оценивается в диапазоне: 20–40 отражает ощущение низкого ду-

ховного благополучия; 41–99 отражает ощущение умеренного духовного благополучия; 100–120 отражает ощущение высокого духовного благополучия. «Шкалы духовного благополучия» является внеконфессиональным инструментом и может использоваться для исследования духовности в религиозном, всеконфессиональном и нерелигиозном значении у людей самых разных убеждений и взглядов.

Психологическое благополучие изучалось с использованием «Шкалы психологического благополучия» С. D. Ryff, в адаптации Н. Н. Лепешинского (α Кронбаха – 0,932) [18]. Опросник состоит из 84 пунктов и включает общий показатель и шесть основных компонентов: положительное отношение к другим, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие. Каждая из шести шкал состоит из 14 утверждений, которые оцениваются по 6-балльной шкале Ликерта (от 1 – «полностью не согласен» до 6 – «полностью согласен»).

Альтруизм изучался с использованием методики измерения альтруистических установок (α Кронбаха – 0,79) [33]. Ответы на 23 утверждения опросника оцениваются по 7-балльной шкале Ликерта, где минус 3 означает «совсем, категорически не верно», а плюс 3 – «абсолютно верно»). Опросник включает основную и служебную (шкалу лжи) шкалы, допустимое количество баллов служебной шкалы не должно превышать 18, что будет говорить о достоверности результатов. Основная шкала позволяет оценить установку на альтруизм, под которой понимается стремление приносить пользу другим, активно включаться в ситуацию, когда другой человек страдает или испытывает трудности, тенденцию включаться в полезную для других деятельность. Установка как готовность к действию задает вектор, по которому с наибольшей вероятностью будет развиваться поведение в ситуациях, где человеку предоставляется возможность выбора способа реагирования. Стандартизация баллов основной шкалы выглядит следующим образом: низкий уровень альтруизма: 19–57 – мужчины, 27–64 – женщины; средненизкий: 58–68 мужчины, 64–74 – женщины; средневысокий: 69–80 – мужчины, 75–83 – женщины; высокий – 82–100 мужчины, 80–106 – женщины.

Базовые индивидуальные ценности на основании усовершенствованной теории S. H. Schwartz [249], изучались с использованием пересмотренного 2-го варианта «Портретного ценностного опросника» (Portrait Values Questionnaire-Revised 2 revisions – PVQ-R2R), в адаптации Ш. Шварца, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова [31] (CFI – 0,903). PVQ-R2R направлен на изучение 19 базовых ценностей, каждая из которых измеряется тремя пунктами опросника (всего 57 пунктов): самостоятельность: мысли (SDT); самостоятельность: поступки (SDA); стимуляция (ST); гедонизм (HE); достижение (AC); власть: доминирование (POD); власть: ресурсы (POR); репутация (FAC); безопасность: личная (SEP); безопасность: общественная (SES); традиция (TR); конформизм: правила (COR); конформизм: межличностный (COI); скромность (HUM); универсализм: забота о других (UNC); универсализм: забота о природе (UNN); универсализм: толерантность (UNT); благожелательность: забота (BEC); благожелательность: чувство долга (BED). Респонденту предлагается оценить по 6-балльной шкале Ликерта, насколько человек, описанный в пункте, похож на него? (1 – «совсем не похож», 6 – «очень похож»).

Базисные убеждения личности изучались с использованием «Шкалы базисных убеждений» R. Janoff-Bulman в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельникова (α Кронбаха для субшкал – 0,62–0,79) [23]. Шкала состоит из 37 пунктов, которые оцениваются по 6-балльной шкале Ликерта (от 1 – «совершенно не согласен» до 6 – «полностью согласен»). Опросник исследует базовые предположения, лежащие в основе мировоззрений людей и концептуализированные в трех основных категориях: восприятию внешнего мира, восприятие самих себя и восприятие отношений между ними, и состоит из пяти субшкал. Базисное убеждение о доброжелательности-враждебности окружающего мира отражает убеждения индивида относительно безопасной возможности доверять окружающему миру и представлено субшкалой «Доброжелательность окружающего мира», *низкие: 9–28; средние: 29–35 и высокие значения: 36–54*. Базисное убеждение о справедливости окружающего мира характеризует убеждения индивида о принципах распределения удач и несчастий и содержит две категории: «Справедливость», *низкие: 6–20; средние: 21–25 и высокие значения: 26–32*.

кие значения: 26–36 (убеждение в том, что в мире действуют законы справедливости: каждый человек получает то, что заслуживает) и «Убеждения о контроле», низкие: 7–23; средние: 24–28 и высокие значения: 29–42 (убеждение о возможности контролировать происходящие в жизни события). Базисное убеждение о ценности и значимости собственного Я характеризуется показателями двух субшкал: «Образ Я», низкие: 7–22; средние: 23–27 и высокие значения: 28–42 (убеждение индивида в том, что он хороший и достойный человек) и «Удача», низкие: 8–24; средние: 25–29 и высокие значения: 30–48 (убеждение в собственной удачливости и везении).

Диагностика черт личности: макиавеллизм, субклинические нарциссизм, психопатия и садизм проводилась с помощью Короткого опросника Темной тетрады (Short Dark Tetrad questionnaire, SD4 [212]) в адаптации Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкина, И. С. Горностаева [15]. Опросник состоит из 28 пунктов, которые оцениваются по 5-балльной шкале (от 1 - «полностью не согласен» до 5 - «полностью согласен») и содержит четыре шкалы: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм, каждая из которых включает 7 пунктов (от 7 до 35 баллов). Макиавеллизм характеризует склонность манипулировать другими, эмоциональную холодность, цинизм и низкую эмпатию [141]. Неклинический нарциссизм описывается как чувство превосходства, грандиозности и стремление к использованию других в собственных целях [213]. По результатам исследований нарциссизм в сравнении с двумя другими чертами может рассматриваться как положительный аспект Темной тетрады, так как обнаруживает позитивные связи с экстраверсией, открытостью новому опыту, вербальным интеллектом и толерантностью к неопределенности [16]. Неклиническая психопатия включает такие характеристики, как импульсивность, агрессивность, жестокость, низкую тревожность, склонность к обману. Феномен обыденного, повседневного садизма рассматривается как нормативная черта личности, характеризующая склонность к унижению других людей, причинению физического, сексуализированного или психологического страдания ради собственного удовлетворения [2], бессердечности, нарушению эмпатии [202], удовольствия от причинения боли другим и доминирования [196].

Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с использованием среды для статистических вычислений R 4.4.0 (R Foundation for Statistical Computing, Вена, Австрия).

Описательные статистики представлены в виде абсолютной и относительной частот для качественных переменных, среднего ($\pm$ стандартное отклонение) и медианы (1-й и 3-й квартили) – для количественных переменных.

Для сравнения двух групп в отношении количественных и порядковых показателей использовался тест Манна – Уитни. Для сравнения групп в отношении категориальных показателей использовались тест χ^2 Пирсона и точный тест Фишера (при минимальном ожидаемом количестве наблюдений в ячейках таблицы сопряженности < 5). В качестве меры силы монотонной ассоциации количественных показателей использовались коэффициенты корреляции ρ Спирмена с соответствующими 95%-ми ДИ, кроме того, для оценки линейной ассоциативной производилась оценка угловых коэффициентов с соответствующими 95%-ми ДИ в однофакторных линейных моделях. Для оценки потенциальной нелинейности взаимосвязей между количественными показателями использовались обобщенные аддитивные модели (GAM), с использованием которых производилась оценка edf (estimated degrees of freedom) в качестве меры нелинейности, а также тест отношения правдоподобий. Для отбора предикторов в многофакторные модели использовалась L1-регуляризация (LASSO-регрессия), для контроля мультиколлинеарности производилась оценка фактора инфляции дисперсии (VIF). В качестве меры качества линейных моделей оценивались коэффициенты детерминации R^2 . Различия между группами и ассоциацию считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Следует отметить, что проведенное исследование обладает некоторыми ограничениями, связанными с количественными различиями выделенных возрастных групп и неравной представленностью мужчин и женщин в совокупной выборке и сравниваемых группах.

3.2. Общие и возрастные характеристики духовного благополучия

В исследовании приняли участие 959 респондентов. Для интерпретации возрастных различий выборка была разделена на две группы: 14–21 год ($N = 197$) и ≥ 22 года ($N = 762$). В дальнейшем по тексту используется единая граница групп: 14–21 и ≥ 22 года. В младшей группе было 72 женщины ($17,8 \pm 1,7$ лет) и 125 мужчин ($17,9 \pm 1,3$ лет), в старшей группе – 689 женщин ($44,4 \pm 10,1$ лет) и 73 мужчины ($40,6 \pm 10,4$ лет). Демографические характеристики (семейный статус, наличие детей, образование, религиозная самоидентификация) представлены в Приложении 3. Среди опрошенных 341 (35,6%) не состоит в браке, 500 (52,1%) состоят в браке, 118 (12,3%) разведены; у 577 (60,2%) человек есть дети; среди опрошенных 129 (13,5%) человек имеют среднее образование, 203 (21,2%) среднее специальное, 45 неоконченное высшее (4,7%) и 582 высшее (60,7%); большая часть эмпирической выборки христиане 839 человек (87,5%); мусульман 4 человека (0,4%); родноверцев 2 человека (0,2%); 41 атеист (4,3%); 58 человек заявили, что верят в Бога, но не относят себя к какой-либо религии (6%); ответ другое выбрали 15 человек (1,6%) (Приложение 3).

Как следует из Таблицы 9 участники из обеих групп характеризовались умеренным уровнем удовлетворенности жизнью и наличием цели в жизни – показатель субшкалы экзистенциального благополучия. При этом общее духовное благополучие и религиозное благополучие статистически значимо различались между группами: у респондентов 14–21 года показатели соответствовали умеренному уровню, тогда как у респондентов ≥ 22 лет – высокому уровню.

Нижняя и верхняя границы 95% референтных интервалов в отношении шкалы религиозного благополучия (RWB) в возрастных группах 14–21 лет и 22 года и старше составили соответственно 6–66 баллов и 39–68 баллов, в отношении шкалы экзистенциального благополучия (EWB) 27–64 балла и 32–62 балла, в отношении шкалы духовного благополучия (SWB) 41–122 балла и 75–126 баллов, соответственно (Рисунок 12).

Таблица 9 – Возрастные различия в тестовых баллах по основным показателям «Шкалы духовного благополучия»

Характеристика	Все респонденты	Возрастная группа		p
		14-21 лет	≥ 22 лет	
Общее духовное благополучие	96,8 (±16,7) 100 (89–109)	81,6 (±20,5) 79 (66–99)	100,8 (±13) 103 (95–110)	< 0,00 1
Религиозное благополучие	49,8 (±11,9) 54 (47–58)	35,9 (±15,2) 36 (23–48)	53,4 (±7,5) 55 (51–59)	< 0,00 1
Экзистенциальное благополучие	47 (±8,1) 48 (42–53)	45,7 (±9,3) 46 (38–54)	47,3 (±7,7) 48 (43–53)	< 0,00 1

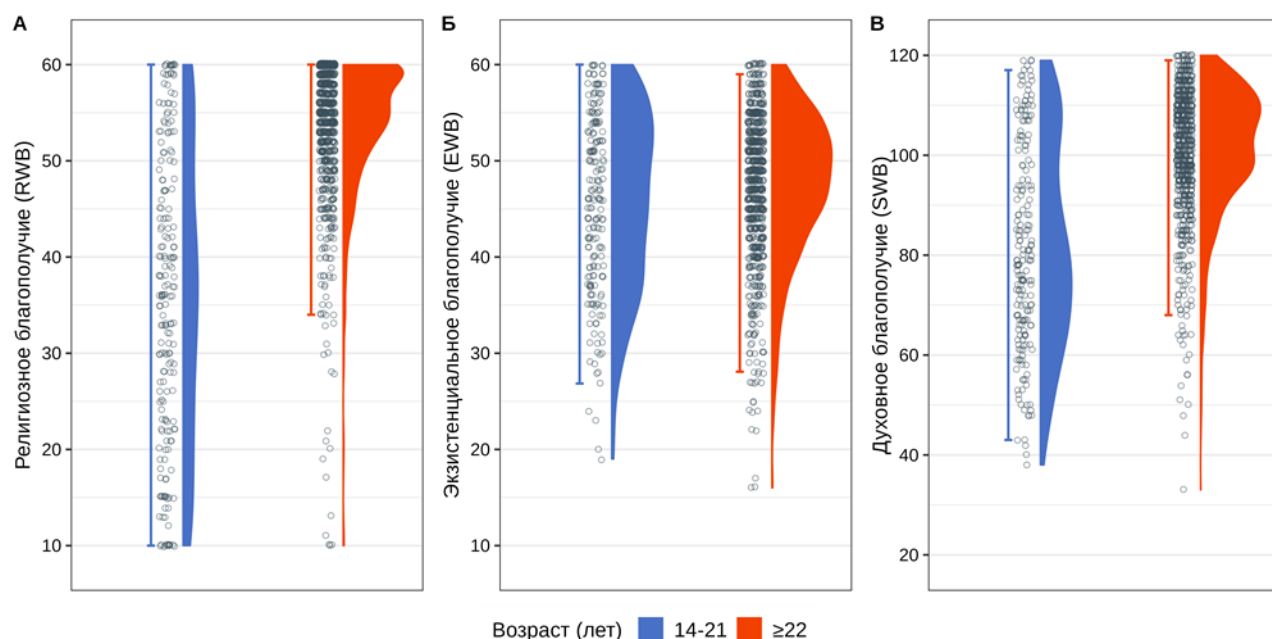

Рисунок 12 – Оценки 95% референтных интервалов по шкалам религиозного благополучия (А), экзистенциального благополучия (Б) и духовного благополучия (В)

В группе участников исследования в возрасте 14–21 год большинство имели умеренный показатель духовного благополучия (146 [74,1%]), умеренное чувство религиозного благополучия (111 [56,3%]) и умеренный уровень экзистенциального благополучия (114 [57,9%]).

В группе участников исследования в возрасте 22 лет и старше, и по сравнению с респондентами юношеского и подросткового возраста, большинство респондентов характеризовались статистически значимо более высоким уровнем духовного благополучия (454 [59,6%]) и позитивным взглядом на свои отношения с Бо-

гом (610 [80,1%]), а также экзистенциального благополучия (332 [43,6%]), но большинство, как и респонденты в возрасте 14–21 года, имели умеренный уровень удовлетворенности жизнью (427 [56%]), см. Таблицу 10.

Таблица 10 – Возрастные различия по отдельным показателям «Шкалы духовного благополучия»

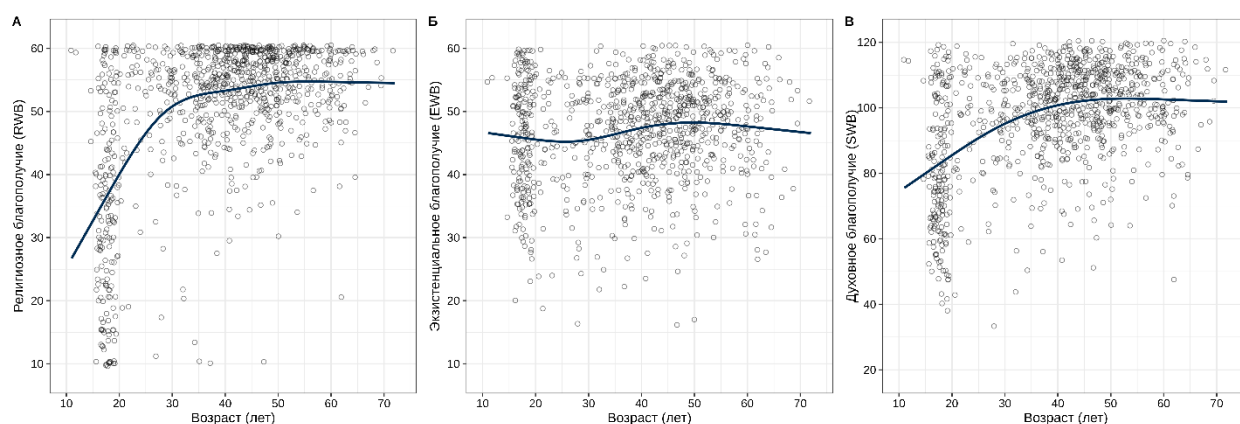
<i>Характеристика</i>	<i>Количество респондентов в общей выборке</i>	<i>Количество респондентов в возрастных группах</i>		<i>p</i>
		14–21 лет	≥ 22 лет	
Общее духовное благополучие	959 (100%)	197 (100%)	762 (100%)	< 0,001
Низкое	3 (0,3%)	2 (1%)	1 (0,1%)	
Умеренное	453 (47,2%)	146 (74,1%)	307 (40,3%)	
Высокое	503 (52,5%)	49 (24,9%)	454 (59,6%)	
Религиозное благополучие	959 (100%)	197 (100%)	762 (100%)	< 0,001
Неудовлетворительные отношения с Богом	46 (4,8%)	38 (19,3%)	8 (1%)	
Умеренное чувство религиозного благополучия	255 (26,6%)	111 (56,3%)	144 (18,9%)	
Позитивный взгляд на свои отношения с Богом	658 (68,6%)	48 (24,4%)	610 (80,1%)	
Экзистенциальное благополучие	959 (100%)	197 (100%)	762 (100%)	< 0,001
Низкий уровень удовлетворенности жизнью	5 (0,5%)	2 (1%)	3 (0,4%)	
Умеренный уровень удовлетворенности жизнью	541 (56,4%)	114 (57,9%)	427 (56%)	
Высокий уровень удовлетворенности жизнью	413 (43,1%)	81 (41,1%)	332 (43,6%)	

При проведении регрессионного анализа была выявлена статистически значимая ассоциация возраста с оценками по субшкале «Религиозное благополучие» ($p < 0,001$), при этом отмечалась существенная нелинейность ассоциации ($\text{edf} = 3,72$, $p < 0,001$). Средний предельный эффект возраста на значение оценки по субшкале «Религиозное благополучие» в исследуемой когорте респондентов составил 0,46 [95%-й ДИ: 0,39; 0,52] ($p < 0,001$), среди респондентов в возрасте до 40 лет средний предельный эффект составил 0,89 [95%-й ДИ: 0,79; 0,99] ($p < 0,001$), среди респондентов 40 лет и старше – 0,08 [95%-й ДИ: -0,02; 0,18] ($p = 0,109$). В группе респондентов в возрасте 14-21 средний эффект возраста составил 1,47 [95%-й ДИ:

1,17; 1,78] ($p < 0,001$), в группе респондентов в возрасте 22 года и старше – 0,2 [95%-й ДИ: 0,14; 0,26] ($p < 0,001$).

Была выявлена статистически значимая ассоциация возраста с оценками по субшкале «Экзистенциальное благополучие» ($p < 0,001$), при этом отмечалась нелинейность ассоциации ($edf = 3,21$, $p = 0,035$). Средний предельный эффект возраста на значение оценки по данной шкале в исследуемой когорте респондентов в целом составил 0,03 [95%-й ДИ: -0,02; 0,08] и не был статистически значимым ($p = 0,23$). В группе респондентов в возрасте 14-21 статистически значимой ассоциации возраста и оценок по субшкале «Экзистенциальное благополучие» выявлено не было ($p = 0,297$) средний предельный эффект составил -0,11 [95%-й ДИ: -0,33; 0,1], в группе респондентов в возрасте 22 года и старше – 0,07 [95%-й ДИ: 0,02; 0,12] ($p = 0,009$).

Между оценками по шкале «Духовное благополучие» и возрастом респондентов также была выявлена статистически значимая ассоциация ($p < 0,001$), которая носила нелинейный характер ($edf = 2,69$, $p < 0,001$). Средний предельный эффект возраста на значение оценки по данной шкале в исследуемой когорте респондентов в целом составил 0,46 [95%-й ДИ: 0,38; 0,54] ($p < 0,001$). В группе респондентов в возрасте 14-21 средний эффект возраста составил 1,1 [95%-й ДИ: 0,79; 1,42] ($p < 0,001$), в группе респондентов в возрасте 22 года и старше – 0,29 [95%-й ДИ: 0,2; 0,38] ($p < 0,001$). см. Рисунки 13 и 14.

Примечание – Синяя линия – предсказанные значения, полученные с помощью модели
Рисунок 13 – Значения оценок по шкалам религиозного, экзистенциального и духовного благополучия в зависимости от возраста респондентов

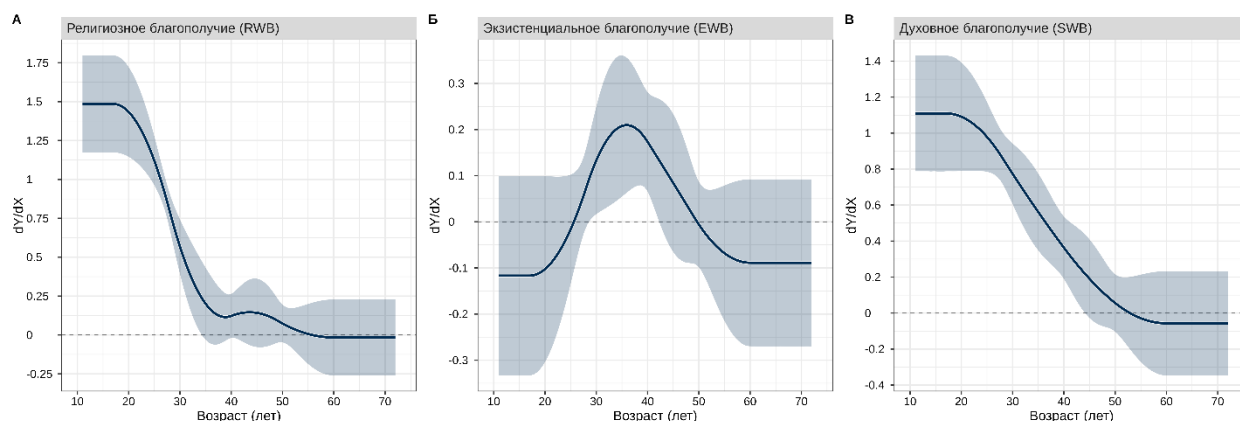

Рисунок 14 – Оценки средних предельных эффектов возраста на значения оценок по исследуемым шкалам

В Таблице 11 представлены коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», полученной при отборе регрессоров с использованием L1-регуляризации (LASSO-регрессии). Полученная модель характеризовалась коэффициентом детерминации R^2 равным 0,55. Независимыми статистически значимыми предикторами более высоких оценок по «Шкале духовного благополучия» были показатели возраста респондентов и наличие детей. Среди включенных в модель предикторов не было выявлено коллинеарных ковариат.

Таблица 11 – Коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия»

<i>Предиктор</i>	β	<i>SE</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>VIF</i>
Свободный член	34,2	4,2	—	—	—
Возраст (лет)	0,084	0,04	0,006; 0,163	0,034	2,37
Наличие детей	2,35	1,03	0,33; 4,37	0,023	1,95

3.3 Психологические предикторы духовного благополучия

3.3.1 Духовное благополучие и психологическое благополучие

В этом разделе представлены результаты изучения специфики связи показателей духовного и психологического благополучия.

В связи с большой выборкой респондентов и анализом порядковых данных (ответы ранжировались по шкале Лайкерта) были проанализированы медианные

значения как более устойчивая метрика, дающая более точную и корректную картину.

В Таблице 12 представлены результаты оценки возрастных различий в уровне психологического благополучия.

Таблица 12 – Возрастные различия в показателях психологического благополучия

<i>Характеристика</i>	<i>Все респонденты</i>	<i>Возрастная группа</i>		<i>p</i>
		14-21 лет	≥ 22 лет	
Положительное отношение к другим	58,7 (±11,1) 59 (51–66)	56,6 (±11,2) 54 (49–63)	59,3 (±11) 59 (52–67)	< 0,001
Автономия	53,5 (±9,3) 53 (48–59,5)	53,6 (±8,6) 51 (49–59)	53,4 (±9,5) 53 (47–60)	0,741
Управление окружением	53,9 (±11,1) 53 (47–60)	55 (±11,7) 51 (48–62)	53,6 (±10,9) 54 (46–60)	0,773
Личностный рост	60,8 (±10,2) 61 (54–68)	58,7 (±11,3) 56 (49–68)	61,4 (±9,9) 61 (55–68)	< 0,001
Цель в жизни	57,5 (±10,7) 56 (50–65)	56,8 (±11,1) 53 (49–64)	57,6 (±10,6) 57 (50–65)	0,047
Самопринятие	54 (±12,4) 54 (47–62)	55,4 (±12) 52 (48–63)	53,6 (±12,5) 54 (46–62)	0,548
Общий балл по опроснику	338,4 (±50,6) 336 (300–370)	336,1 (±58,1) 311 (293–379)	338,9 (±48,6) 340 (305,3–369)	0,027

Респонденты старшего возраста имели статистически значимо более высокие оценки по субшкалам «Положительное отношение к другим» ($p < 0,001$) характеризующее наличие доверительных отношений с окружающими, «Личностный рост» ($p < 0,001$) как открытость новому, самореализация и чувство непрекращающегося развития, «Цель в жизни» ($p = 0,047$) как наличие цели, намерения в жизни, перспектив и убеждений, определяющих смысл жизни, а также статистически значимо более высокий общий балл по опроснику ($p = 0,027$), статистически значимой ассоциации оценок по субшкалам «Автономия», «Управление окружением» и «Самопринятие» с возрастом установлено не было.

Участники старшей группы (≥ 22 лет) в сравнении с младшей группой (14–21 год) демонстрировали более высокие значения общего показателя психологического благополучия и шкалы «Цель в жизни». Медианные значения у участников 14–21 года соответствовали низкому уровню: $Me = 311$ (3 стэн) и $Me = 53$ (3 стэн), а у участников ≥ 22 лет – среднему: $Me = 340$ (5 стэн) и $Me = 57$ (4

стэн). Результаты по остальным шкалам показывают среднее значение как в группе 14-21 год: «Положительное отношение к другим» $M_e = 54$ (4 стэн), «Автономия» $M_e = 51$ (4 стэн), «Управление окружением» $M_e = 51$ (4 стэн), «Личностный рост» $M_e = 56$ (5 стэн) и «Самопринятие» $M_e = 52$ (4 стэн), так и в группе 22 лет и старше: «Положительное отношение к другим» $M_e = 59$ (5 стэн), «Автономия» $M_e = 53$ (5 стэн), «Управление окружением» $M_e = 54$ (4 стэн), «Личностный рост» $M_e = 61$ (6 стэн) и «Самопринятие» $M_e = 54$ (5 стэн) (Таблица 12). По шкалам «Положительное отношение к другим», «Автономия», «Личностный рост», «Самопринятие» у участников ≥ 22 лет медианные значения и уровень стэна были выше, по шкале «Управление окружением» были выше только медианные значения.

На основе проведенного сравнения двух групп респондентов можно сделать следующие выводы:

1) выраженность психологического благополучия в обеих группах имеет средние показатели что, позволяет утверждать, что респонденты и первой, и второй групп находятся на нормальном, адаптивном уровне психического функционирования, они в целом справляются с жизнью, имеют опору в себе и в отношениях, но при этом не застрахованы от стрессов и временных трудностей;

2) участники в возрасте 14–21 года демонстрируют более низкие показатели по шкале «Положительное отношение к другим», что может быть связано с возрастной спецификой развития отношений, недостаточным опытом устойчивых коммуникаций и особенностями социального взаимодействия и коммуникационных практик в юношеско-подростковом возрасте;

3) в младшей возрастной группе в меньшей степени, чем у взрослых удовлетворена важнейшая психологическая потребность в развитии и реализации потенциала (личностном росте) а сочетание этого показателя с низким значением по шкале «Цели в жизни» может указывать на тенденцию к снижению осмысленности, что также может объясняться возрастной спецификой (ориентацией в гедонистическом настоящем, слабой связью с будущим) [12].

В Таблице 13 и Приложении Г представлены результаты корреляционного анализа компонентов опросника «Шкала духовного благополучия» с компонентами

опросников «Шкала психологического благополучия» С. D. Ryff в группах респондентов 14–21 года и ≥ 22 лет.

Таблица 13 – Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкала психологического благополучия», PWB в возрастных группах респондентов

Шкала психологического благополучия Рифф	Респонденты в возрасте 14-21 год			Респонденты в возрасте 22 года и старше		
	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)
Положительное отношение к другим	0,23 [0,09; 0,36] $p = 0,001$	0,39 [0,26; 0,5] $p < 0,001$	0,33 [0,2; 0,45] $p < 0,001$	0,16 [0,09; 0,22] $p < 0,001$	0,39 [0,32; 0,44] $p < 0,001$	0,31 [0,24; 0,37] $p < 0,001$
Автономия	0,06 [-0,08; 0,2] $p = 0,413$	0,32 [0,19; 0,44] $p < 0,001$	0,18 [0,04; 0,31] $p = 0,014$	0,13 [0,05; 0,19] $p < 0,001$	0,2 [0,13; 0,27] $p < 0,001$	0,17 [0,1; 0,24] $p < 0,001$
Управление окружением	0,1 [-0,04; 0,24] $p = 0,146$	0,44 [0,32; 0,54] $p < 0,001$	0,26 [0,13; 0,39] $p < 0,001$	0,16 [0,09; 0,22] $p < 0,001$	0,46 [0,4; 0,51] $p < 0,001$	0,35 [0,28; 0,41] $p < 0,001$
Личностный рост	0,23 [0,09; 0,35] $p = 0,001$	0,33 [0,19; 0,44] $p < 0,001$	0,3 [0,17; 0,42] $p < 0,001$	0,19 [0,12; 0,25] $p < 0,001$	0,33 [0,26; 0,39] $p < 0,001$	0,29 [0,22; 0,35] $p < 0,001$
Цель в жизни	0,25 [0,11; 0,38] $p < 0,001$	0,46 [0,34; 0,56] $p < 0,001$	0,38 [0,26; 0,5] $p < 0,001$	0,22 [0,15; 0,29] $p < 0,001$	0,48 [0,42; 0,53] $p < 0,001$	0,4 [0,34; 0,46] $p < 0,001$
Самопринятие	0,14 [0; 0,28] $p = 0,045$	0,51 [0,4; 0,61] $p < 0,001$	0,32 [0,19; 0,44] $p < 0,001$	0,14 [0,07; 0,21] $p < 0,001$	0,51 [0,45; 0,56] $p < 0,001$	0,38 [0,32; 0,44] $p < 0,001$
Общий балл по опроснику	0,21 [0,08; 0,34] $p = 0,003$	0,48 [0,36; 0,58] $p < 0,001$	0,36 [0,23; 0,47] $p < 0,001$	0,22 [0,15; 0,29] $p < 0,001$	0,53 [0,48; 0,58] $p < 0,001$	0,43 [0,37; 0,48] $p < 0,001$

Шкала религиозного благополучия, RWBS демонстрировала преимущественно слабые положительные корреляции со всеми компонентами психологического благополучия, PWB в обеих возрастных группах (Таблица 13). При этом связи, RWBS с «Автономией» в младшей группе не выявлено ($\rho = 0,06 [-0,08; 0,2]$ $p = 0,413$), а в старшей группе она оставалась слабой ($\rho = 0,13 [0,05; 0,19]$ $p < 0,001$), что указывает на относительную независимость религиозного измерения духовного благополучия от автономии как компонента экзистенциального функционирования.

Шкала экзистенциального благополучия, EWBS демонстрировал устойчивые умеренные корреляции со всеми компонентами психологического благополучия в обеих возрастных группах, за исключением шкалы «Автономия», где связь была умеренной в младшей группе ($\rho = 0,32 [0,19; 0,44]$ $p < 0,001$) и слабой в старшей группе ($0,2 [0,13; 0,27]$ $p < 0,001$). Таким образом, в юношеско-подростковом возрасте автономия оказывается более тесно связанной с экзистенциальным компонентом духовного благополучия, чем во взрослом возрасте.

Шкала духовного благополучия умеренно положительно прокоррелировала с шкалами «Положительное отношение к другим» ($\rho = 0,33$ [0,2; 0,45] $p < 0,001$), «Личностный рост» ($\rho = 0,3$ [0,17; 0,42] $p < 0,001$), «Цель в жизни» ($\rho = 0,38$ [0,26; 0,5] $p < 0,001$), «Самопринятие» ($\rho = 0,32$ [0,19; 0,44] $p < 0,001$) и общим баллом по опроснику «Шкалы психологического благополучия» С. Ryff ($\rho = 0,36$ [0,23; 0,47] $p < 0,001$), в группе 14-21 год; со шкалами «Положительное отношение к другим» ($\rho = 0,31$ [0,24; 0,37] $p < 0,001$), «Управление окружением» ($\rho = 0,35$ [0,28; 0,41] $p < 0,001$), «Цель в жизни» ($\rho = 0,4$ [0,34; 0,46] $p < 0,001$), «Самопринятие» ($\rho = 0,38$ [0,32; 0,44] $p < 0,001$) и общим баллом по опроснику «Шкалы психологического благополучия» С. Ryff ($\rho = 0,43$ [0,37; 0,48] $p < 0,001$), в группе 22 лет и старше.

Наибольшая корреляция была отмечена между значениями оценок по субшкале экзистенциального благополучия и оценок по субшкалам «Цель в жизни» ($\rho = 0,46$ [0,34; 0,56] и $\rho = 0,48$ [0,42; 0,53] $p < 0,001$), «Самопринятие» ($\rho = 0,51$ [0,4; 0,61] и $\rho = 0,51$ [0,45; 0,56] $p < 0,001$) и общим баллом по опроснику «Шкала психологического благополучия», PWB ($\rho = 0,48$ [0,36; 0,58] и $\rho = 0,53$ [0,48; 0,58] $p < 0,001$) в обеих группах респондентов.

В младшей группе (14–21 год) выявлялась умеренная связь EWB с «Автономией», что может указывать на возрастную специфику: способность к самостоятельному мышлению и действию в данный период теснее сопряжена с субъективным переживанием осмысленности и целенаправленности жизни. В старшей группе (≥ 22 лет) аналогичная связь была слабой, что может отражать более выраженную автономию как относительно самостоятельного компонента психологического благополучия во взрослом возрасте.

В старшей группе (≥ 22 лет) связь общего духовного благополучия с «Управлением окружением» была умеренной, тогда как в младшей группе она оставалась слабой. Это может свидетельствовать о том, что у взрослых субъективно воспринимаемое духовное качество жизни в большей степени сопряжено с возможностью организовывать жизненные обстоятельства и контролировать деятельность для достижения целей.

Заметная прямая связь шкалы экзистенциального благополучия со всеми компонентами «Шкалы психологического благополучия», PWB (кроме шкалы «Автономия» в группе ≥ 22 лет), выявлена в обеих группах респондентов, а шкала духовного благополучия значимо коррелировала со всеми компонентами «Шкалы психологического благополучия», PWB, (за исключением шкал «Автономия» и «Управление окружением» в группе 14–21 год и шкал «Автономия» и «Личностный рост» в группе ≥ 22 лет).

На заключительном этапе был проведен регрессионный анализ полученных в исследовании данных. В Таблице 14 представлены коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», полученной при отборе регрессоров с использованием L1-регуляризации (LASSO-регрессии). Полученная модель характеризовалась коэффициентом детерминации R^2 равным 0,55. Независимыми статистически значимым предиктором более высоких оценок по «Шкале духовного благополучия» были более высокие показатели субшкалы «Цель в жизни» опросника «Шкала психологического благополучия», PWB. Среди включенных в модель предикторов не было выявлено коллинеарных ковариат.

Таблица 14 – Коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия»

<i>Предиктор</i>	β	<i>SE</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>VIF</i>
Свободный член	34,2	4,2	—	—	—
Цель в жизни	0,231	0,041	0,151; 0,312	< 0,001	1,46

Регрессионный анализ показал, что наличие цели в жизни выступает как значимый предиктор духовного благополучия.

У взрослых (≥ 22 лет) наблюдается более высокий уровень духовного и психологического благополучия, что согласуется с психосоциальной логикой развития Е. Н. Erikson [92], в более старших возрастах усиливается стабилизация идентичности, расширяются социальные роли и повышается значимость генеративных це-

лей, что может сопровождаться ростом субъективной осмысленности и показателей благополучия. Причем, основной вклад в различия показателей двух групп вносят субшкала религиозного благополучия и общий балл духовного благополучия: взрослые в отличие от подростков имеют более позитивный взгляд на свои отношения с Богом или трансцендентным, выше оценивают качество своей духовной жизни. А высокие оценки респондентов этой группы по субшкалам «Положительное отношение к другим», «Личностный рост», «Цель в жизни» и более высокий показатель общего психологического благополучия поддерживают данные исследования Р. Wink и М. Dillon [292], которое утверждает, что во взрослом возрасте связь религиозности с психологическим благополучием усиливается благодаря позитивным отношениям с другими, участием в социальных и общественных задачах и генеративности. Данные результаты согласуются с выводами К. М. Sheldon и Т. Kasser [258], о том, что зрелость и возраст положительно связаны с психологическим благополучием.

Исследование подтверждает, что духовное благополучие (включая религиозное и экзистенциальное измерения) тесно связано с психологическим благополучием, особенно через такие компоненты, как «цель в жизни», «положительное отношение к другим» и «личностный рост». Это согласуется с теорией психологического благополучия С. D. Ryff [234], теорией психосоциального развития Е. Н. Erikson [92] и исследованиями смысла М. F. Steger [268] подчеркивающими роль осмысленности и идентичности в позитивном функционировании.

Важно отметить, что экзистенциальное благополучие (удовлетворенность жизнью и наличие цели без опоры на высшую силу) демонстрирует более сильные корреляции с психологическим благополучием, чем религиозное, что уточняет роль духовности как многомерного конструкта.

Экзистенциальное благополучие тесно связано с самопринятием, целью в жизни и управлением окружением, что подчеркивает его центральную роль в структуре психологического благополучия и согласуется с концепцией эвдемонического благополучия С. D. Ryff [235]. Данный результат согласуется с тем, что наличие

смысла и направления, достижение позитивных отношений с другими и самореализация являются ключевыми компонентами благополучия и экзистенциальной удовлетворенности [236], как следует из исследований, наличие цели в жизни ассоциировано со снижением рисков неблагоприятных исходов заболеваний [235].

Религиозное благополучие, хотя и демонстрирует менее выраженные связи, чем экзистенциальное, играет важную роль в старшей возрастной группе, особенно в формировании позитивных отношений с другими, что согласуется с исследованиями P. Wink и M. Dillon [292] и E. A. Greenfield, G. E. Vaillant, N. F. Marks [117], подчеркивающими социальную функцию религиозности.

Специфической особенностью юношеско-подростковой группы является отсутствие связи между шкалами «Автономия» и «Управление окружением» с религиозным благополучием. Отсутствие корреляции у подростков и слабая связь у взрослых согласуются с результатами E. A. Greenfield, G. E. Vaillant, N. F. Marks [117], показавшими связь религиозности с меньшей автономией, что может указывать на то, что религиозное благополучие не является ключевым фактором независимости и самоопределения. Van Dierendonck D. [284] также отмечает, что автономия как самоопределение не гарантирует личностного самовыражения и самоактуализации, тогда как наличие внутренних психологических ресурсов способствует гармонии с собой.

Проведенное исследование позволяет сделать и практические выводы:

а) учет уровня духовного благополучия в психологической практике (включение вопросов о смысле жизни, целях и духовных убеждениях в консультирование) может повысить эффективность работы с клиентами, особенно в старшей возрастной группе, где религиозное благополучие занимает заметное место в структуре общего благополучия;

б) при работе с подростками целесообразно усиливать акцент на развитии экзистенциального благополучия (поиск смысла и цели), поскольку религиозное благополучие в меньшей степени сопряжено с автономией и управлением окружением в данной группе.

Полученные *результаты* позволяют обобщенно охарактеризовать общие и возрастнo-специфические характеристики связи показателей духовного и психологического благополучия:

1. Вне зависимости от возраста существует глубокая и многогранная связь между духовным и психологическим благополучием, однако эта связь носит специфический характер, затрагивая в первую очередь психологические сферы, которые связаны с осмысленностью, самовосприятием и субъективной целостностью.

2. Наиболее сильная и устойчивая связь наблюдается между экзистенциальным благополучием и компонентами «Цель в жизни» и «Самопринятие», что указывает на роль смысло-целевой регуляции и позитивного отношения к себе как ключевых оснований интегрального благополучия личности. Это указывает на то, что стержнем общего благополучия личности является единство двух факторов: способности находить смысл в своем существовании и позитивного, принимающего отношения к себе, т.е. человек, который понимает, зачем он живет, и принимает себя в совокупности своих сильных и слабых сторон, демонстрирует высокий уровень как психологического, так и духовного здоровья.

3. Независимость субшкалы автономии от показателей духовного благополучия в обеих возрастных группах свидетельствует о том, что духовность и поиск смысла не являются ни следствием, ни причиной личностной автономии. Высокоавтономный и зависимый от мнения других человек могут быть в равной степени духовно благополучны или неблагополучны. Эти сферы, развивается по своим собственным законам.

4. Специфической особенностью связи духовного благополучия с показателями психологического благополучия в группе 14–21 год является отсутствие связи между субшкалами «Автономия» ($p = 0,06 [-0,08; 0,2]$ $p = 0,413$) и «Управление окружением» ($p = 0,1 [-0,04; 0,24]$ $p = 0,146$) с субшкалой религиозного благополучия, что может говорить о независимости данных переменных друг от друга, и о том, что самостоятельность, независимость и умение эффективно управлять своей жизнью в этой возрастной группе – не влияет на уровень

религиозности (чувство связанности с Богом или высшей духовной силой) или духовной удовлетворенности.

5. Специфической характеристикой связи духовного и психологического благополучия в группе ≥ 22 лет является слабая связь не только религиозного и духовного, но и экзистенциального благополучия с субшкалой «Автономия» ($r = 0,2 [0,13; 0,27]$ $p < 0,001$), что может говорить о том, что самостоятельность, независимость и умение эффективно управлять своей жизнью в этой возрастной группе не влияет на духовное благополучие и его компоненты, а больше связано с позитивным отношением к себе («Самопринятие»), наличием цели и смысла в жизни («Цель в жизни») и возможностью их реализации («Управление окружением»).

6. Наличие цели и смысла в жизни «Цель в жизни» выступает как значимый предиктор духовного благополучия.

Полученные результаты согласуются с исследованиями A. Ramirez, C. A. Lumadue, H. R. Wooten [223], S. Dawood и H. Yousaf [77], A. Basileyo [42], в которых также показана положительная связь между духовностью и психологическим благополучием, а также с работой M. T. Tsuang, J. C. Simpson, K. C. Koenen, W. S. Kremen, M. J. Lyons [279], в которой подтверждается значимость экзистенциального измерения как одного из факторов для прогноза уровня психологического благополучия в предсказание психологического благополучия.

Анализ механизмов, лежащих в основе корреляций между духовным и психологическим благополучием, может способствовать разработке более точных моделей психологической помощи. Развития программ, направленных на формирование целей в жизни и положительных отношений с другими как ключевых компонентов благополучия может быть особенно актуально в образовательных учреждениях для подростков, а использования духовных практик (религиозных или нерелигиозных) в профилактических программах, для развития духовного благополучия может играть важную роль в процессе восстановления и может быть ассоциировано со снижением рисков аддиктивного и суицидального поведения H. F. Unterrainer, A. J. Lewis, A. Fink [282].

3.3.2 Духовное благополучие и альтруистические установки

В этом разделе представлены результаты изучения специфики связи показателей духовного благополучия и альтруистических установок личности.

Значения по шкале лжи *Методики измерения альтруистических установок* М. И. Ясина [33] не превышало порогового значения в 18 баллов и составило 10,2 ($\pm 4,2$), что позволяет рассматривать ответы как достоверные.

Показатели тестовых баллов по шкале альтруизма в возрастной группе 14–21 год соответствовало средненизкому показателю, а в группе ≥ 22 лет – высокому уровню выраженности альтруистических установок (Таблица 15).

Таблица 15 – Возрастные различия в тестовых баллах по «Шкале альтруистических установок»

Характеристика	Все респонденты	Возрастная группа		p
		14–21 год	≥ 22 лет	
Шкала лжи (общий)	10,2 ($\pm 4,2$) 10 (7–14)	11,6 ($\pm 4,2$) 12 (9–15)	9,9 ($\pm 4,1$) 10 (7–13)	0,001
Шкала альтруизма (общий)	81,5 ($\pm 15,1$) 84 (73–92)	68 ($\pm 17,7$) 67 (54–83)	85 ($\pm 12,1$) 86 (77–94)	< 0,001

Как показал анализ, значение по шкале альтруизма в возрастной группе 14–21 год статистически ниже, чем у взрослых респондентов (Таблица 16), причем почти 40% подростков и юношей имеют низкие показатели по этой шкале, тогда как в группе ≥ 22 лет почти у 58% высокий уровень выраженности альтруистических установок.

Таблица 16 – Возрастные различия в показателях «Шкалы альтруистических установок»

Характеристика	Количество респондентов в общей выборке	Количество респондентов в возрастных группах		p
		14–21 год	≥ 22 лет	
Уровень альтруизма (общий)	959 (100%)	197 (100%)	762 (100%)	
Низкий (общий)	108 (11,3%)	74 (37,6%)	34 (4,5%)	< 0,001
Средненизкий (общий)	134 (14%)	39 (19,8%)	95 (12,5%)	< 0,001
Средневысокий (общий)	230 (24%)	35 (17,8%)	195 (25,6%)	< 0,001
Высокий (общий)	487 (50,8%)	49 (24,9%)	438 (57,5%)	< 0,001

Проведенный далее корреляционный анализ показателей духовного благополучия и альтруистических установок представлен в Таблице 17 и Приложении Д.

Выявлены значимые корреляции всех показателей духовного благополучия с альтруизмом: в группе респондентов от 14 лет до 21 года коэффициент корреляции шкалы альтруизма и интегрального показателя духовного благополучия ($\rho = 0,53$ [0,43; 0,63], $p < 0,001$), религиозного благополучия ($\rho = 0,47$ [0,35; 0,57], $p < 0,001$) и экзистенциального благополучия ($\rho = 0,45$ [0,33; 0,55], $p < 0,001$) был выше, чем в группе респондентов от 22 лет, где коэффициент корреляции шкалы альтруизма и интегрального показателя духовного благополучия ($\rho = 0,41$ [0,34; 0,46], $p < 0,001$), религиозного благополучия ($\rho = 0,39$ [0,32; 0,45], $p < 0,001$) и экзистенциального благополучия ($\rho = 0,34$ [0,27; 0,4], $p < 0,001$) был ниже.

Таблица 17 – Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия» и «Шкала альтруистических установок» в возрастных группах респондентов

Шкала альтруистических установок	Респонденты 14–21 год			Респонденты ≥ 22 лет		
	Религиозное благополучие	Экзистенциальное благополучие	Духовное благополучие	Религиозное благополучие	Экзистенциальное благополучие	Духовное благополучие
Шкала лжи	-0,03 [-0,18; 0,11] $p > 0,999$	0,13 [-0,02; 0,27] $p = 0,252$	0,04 [-0,11; 0,19] $p > 0,999$	0,1 [0,03; 0,17] $p = 0,023$	0,13 [0,06; 0,2] $p = 0,002$	0,15 [0,08; 0,22] $p < 0,001$
Шкала альтруизма	0,47 [0,35; 0,57] $p < 0,001$	0,45 [0,33; 0,55] $p < 0,001$	0,53 [0,43; 0,63] $p < 0,001$	0,39 [0,32; 0,45] $p < 0,001$	0,34 [0,27; 0,4] $p < 0,001$	0,41 [0,34; 0,46] $p < 0,001$

Согласно проведенному анализу, показатели духовного благополучия вне зависимости от возраста респондента связаны с альтруистическими установками человека (от $\rho = 0,34$ [0,27; 0,4], $p < 0,001$ до $\rho = 0,53$ [0,43; 0,63], $p < 0,001$). Духовное благополучие, как интегративный и систематический показатель меры здоровья и благополучия, отражает позитивное психологическое функционирование, в частности, качество отношений с людьми. Личностной характеристикой, определяющей характер межличностного функционирования, являются альтруистические установки – выбор действовать исходя из заботы о благополучии других.

На заключительном этапе был проведен регрессионный анализ полученных в исследовании данных. В Таблице 18 представлены коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», полученной при отборе регрессоров с использованием L1-регуляризации (LASSO-

регрессии). Полученная модель характеризовалась коэффициентом детерминации R^2 равным 0,55. Независимыми статистически значимым предиктором более высоких оценок по «Шкале духовного благополучия» были более высокие оценки по шкале альтруизма. Среди включенных в модель предикторов не было выявлено коллинеарных ковариат.

Таблица 18 – Коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия»

<i>Предиктор</i>	β	<i>SE</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>VIF</i>
Свободный член	34,2	4,2	—	—	—
Шкала альтруизма	0,24	0,032	0,177; 0,304	< 0,001	1,8

Интересно, что характер обнаруженной связи отражает возрастные особенности: несмотря на то что уровень духовного благополучия, так же, как и выраженность альтруистических установок, у подростков и юношей ниже, чем в старшей возрастной когорте, связь между этими показателями сильнее. С возрастом наблюдается тенденция, с одной стороны, к развитию альтруистической направленности человека, повышению его духовного благополучия за счет роста религиозного благополучия, с другой, к снижению степени связанности этих показателей. Данный эффект можно интерпретировать как «дифференциацию источников духовного благополучия» во взрослом возрасте: духовное благополучие начинает в большей степени поддерживаться множеством факторов, поэтому вклад альтруистической направленности в общей дисперсии духовного благополучия относительно снижается. Это может объясняться тем, что развитие благополучия в духовной сфере происходит не только за счет стремления помогать другим, но и в силу иных факторов, например, религиозности [46; 239], духовно-нравственных качеств личности [21], духовного опыта [133], развития эмпатии [80], половых характеристик [79; 152], старения [266] и др.

Результаты

1. Уровень духовного благополучия, так же, как и выраженность альтруистических установок у подростков и юношей, ниже, чем в старшей возрастной когорте, а связь между этими показателями – сильнее. С возрастом наблюдается тенденция, с одной стороны, к развитию альтруистической направленности человека, повышению его духовного благополучия, с другой – к снижению степени связанности этих показателей. Это может объясняться тем, что развитие благополучия в духовной сфере происходит не только за счет стремления помогать другим, но и в силу иных факторов.

3.3.3 Духовное благополучие и базовые индивидуальные ценности

В Таблице 19 представлены различия в показателях базовых индивидуальных ценностей на основании «Портретного ценностного опросника, PVQ-R2R, S. H. Schwartz» в возрастных группах респондентов 14–21 год и ≥ 22 лет.

Респонденты старшей возрастной группы имели статистически значимо более высокие оценки по 11 из 19 субшкалам базовых ценностей: репутация (FAC), безопасность: личная (SEP) и общественная (SES), традиция (TR), конформизм: правила (COR) и межличностный (COI), скромность (HUM), универсализм: забота о других (UNC), забота о природе (UNN) и толерантность (UNT), благожелательность: забота (BEC), и 2 из 4 ценностей высшего порядка: сохранение (C), самопреодоление (ST). Кроме того, респонденты ≥ 22 лет показали статистически значимо меньшие баллы по 5 субшкалам: стимуляция (ST), гедонизм (HE), достижение (AC), власть: доминирование (POD) и власть: ресурсы (POR), а также по двум ценностям высшего порядка: открытость изменениям (OC) и самоутверждение (A).

Таблица 19 – Возрастные различия в показателях базовых индивидуальных ценностей «Портретного ценностного опросника, PVQ-R2R»

Характеристика	Все респонденты	Возрастная группа		p
		14–21 год	≥ 22 лет	
Самостоятельность: мысли / Independence: thoughts (SDT)	4,5 (±1) 4,7 (4–5,3)	4,4 (±1,1) 4,3 (3,7–5,3)	4,5 (±1) 4,7 (4–5,3)	0,198
Самостоятельность: поступки / Independence: actions (SDA)	4,6 (±0,9) 4,7 (4–5,3)	4,4 (±1) 4,7 (3,7–5,3)	4,6 (±0,8) 4,7 (4–5,3)	0,08
Стимуляция / Stimulation (ST)	3,5 (±0,9) 3,7 (3–4,3)	3,9 (±0,8) 4 (3,3–4,3)	3,4 (±0,9) 3,3 (2,7–4)	< 0,001
Гедонизм / Hedonism (HE)	3,5 (±1,2) 3,7 (2,7–4,3)	4,3 (±1) 4,3 (3,7–5)	3,2 (±1,1) 3,3 (2,3–4)	< 0,001
Достижение / Achievement (AC)	3,4 (±1,2) 3,3 (2,7–4,3)	4,1 (±1,2) 4 (3,3–5)	3,3 (±1,2) 3,3 (2,3–4)	< 0,001
Власть: доминирование / Power: dominance (POD)	2,6 (±1,2) 2,3 (1,7–3,3)	3,2 (±1,2) 3 (2,7–4)	2,4 (±1,1) 2,3 (1,3–3,3)	< 0,001
Власть: ресурсы / Power: resources (POR)	2,5 (±1,1) 2,3 (1,7–3,3)	3,1 (±1,2) 3 (2,3–3,7)	2,4 (±1) 2,3 (1,7–3)	< 0,001
Репутация / Face (FAC)	4,4 (±1,1) 4,7 (3,7–5,3)	4,3 (±1,2) 4,3 (3,3–5,3)	4,5 (±1,1) 4,7 (3,7–5,3)	0,008
Безопасность: личная / Security: personal (SEP)	5,1 (±1) 5,3 (4,7–6)	4,4 (±1,2) 4,7 (3,7–5,3)	5,2 (±0,8) 5,5 (5–6)	< 0,001
Безопасность: общественная / Safety: Societal (SES)	4,8 (±0,9) 5 (4,3–5,7)	4,5 (±1,1) 4,7 (3,7–5,3)	4,9 (±0,9) 5 (4,3–5,7)	< 0,001
Традиция / Tradition (TR)	4,5 (±1,1) 4,7 (3,7–5,3)	4,3 (±1,2) 4,3 (3,3–5)	4,6 (±1,1) 4,7 (4–5,3)	< 0,001
Конформизм: правила / Conformism: rules (COR)	4,4 (±1,1) 4,3 (3,7–5,3)	4 (±1,1) 4 (3–5)	4,5 (±1) 4,7 (3,7–5,3)	< 0,001
Конформизм: межличностный / Conformism: Interpersonal (COI)	5 (±1) 5,3 (4,3–6)	4,1 (±1,2) 4 (3–5)	5,3 (±0,8) 5,5 (5–6)	< 0,001
Скромность / Humility (HUM)	4,3 (±1) 4,3 (3,7–5)	3,9 (±1) 4 (3,3–4,7)	4,4 (±1) 4,3 (3,7–5)	< 0,001
Универсализм: забота о других / Universalism: caring for others (UNC)	5,2 (±0,9) 5,3 (4,7–6)	4,7 (±1,1) 5 (3,7–6)	5,3 (±0,7) 5,3 (5–6)	< 0,001
Универсализм: забота о природе / Universalism: Caring for Nature (UNN)	5,2 (±0,9) 5,3 (4,7–6)	4,7 (±1,2) 5 (3,7–5,7)	5,3 (±0,7) 5,3 (4,8–6)	< 0,001
Универсализм: толерантность / Universalism: tolerance (UNT)	4,7 (±0,9) 5 (4–5,3)	4,3 (±1,1) 4,3 (3,3–5)	4,8 (±0,9) 5 (4,3–5,7)	< 0,001
Благожелательность: забота / Benevolence: caring (BEC)	4,3 (±1,1) 4,3 (3,7–5)	3,9 (±1,1) 4 (3,3–4,7)	4,4 (±1,1) 4,7 (3,7–5,3)	< 0,001
Благожелательность: чувство долга / Benevolence: a sense of duty (BED)	4,2 (±1) 4,3 (3,3–5)	4,1 (±1,1) 4 (3,3–5)	4,2 (±1) 4,3 (3,7–4,7)	0,403
Открытость изменениям / Openness to change (OC)	4 (±0,7) 4 (3,5–4,5)	4,3 (±0,8) 4,3 (3,7–4,9)	4 (±0,7) 4 (3,5–4,4)	< 0,001

Продолжение таблицы 19

Характеристика	Все респонденты	Возрастная группа		p
		14–21 год	≥ 22 лет	
Самостоятельность: мысли / Independence: thoughts (SDT)	4,5 (±1) 4,7 (4–5,3)	4,4 (±1,1) 4,3 (3,7–5,3)	4,5 (±1) 4,7 (4–5,3)	0,198
Самоутверждение / Self-affirmation (A)	3,3 (±0,9) 3,2 (2,7–3,8)	3,8 (±0,8) 3,7 (3,2–4,3)	3,2 (±0,8) 3,1 (2,6–3,7)	< 0,001
Сохранение / Conservation (C)	4,7 (±0,7) 4,7 (4,2–5,1)	4,2 (±0,9) 4,1 (3,5–4,9)	4,8 (±0,6) 4,8 (4,4–5,2)	< 0,001
Самопреодоление / Self-Transcendence (ST)	4,6 (±0,7) 4,7 (4,2–5,2)	4,3 (±0,9) 4,3 (3,6–4,9)	4,7 (±0,6) 4,8 (4,3–5,2)	< 0,001
Примечание – Значения отражают среднее (± стандартное отклонение) M (±SD) и медиану (1-й и 3-й квартили) Me (Q1 – Q3)				

В Таблице 20 и приложении 6 представлены результаты корреляционного анализа компонентов опросника «Шкала духовного благополучия» с компонентами «Портретного ценностного опросника, PVQ-R2R, S.H. Schwartz» в возрастных группах респондентов 14–21 год и ≥ 22 лет.

Как показал корреляционный анализ, вне зависимости от возраста субшкалы религиозного, экзистенциального благополучия и общий индекс духовного благополучия тесно сопряжены со следующими ценностными показателями: отрицательно: религиозное благополучие, RWB с власть: доминирование, POD ($\rho = -0,16$, $p = 0,021$ и $\rho = -0,27$, $p < 0,001$), положительно: религиозное благополучие, RWB с безопасность: личная, SEP ($\rho = 0,25$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,21$, $p < 0,001$), традиция, TR ($\rho = 0,25$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,26$, $p < 0,001$), конформизм: правила, COR ($\rho = 0,32$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,19$, $p < 0,001$), конформизм: межличностный, COI ($\rho = 0,51$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,35$, $p < 0,001$), скромность, HUM ($\rho = 0,16$, $p = 0,029$ и $\rho = 0,23$, $p < 0,001$), универсализм: забота о других, UNC ($\rho = 0,22$, $p = 0,002$ и $\rho = 0,22$, $p < 0,001$), универсализм: забота о природе, UNN ($\rho = 0,26$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,31$, $p < 0,001$), универсализм: толерантность, UNT ($\rho = 0,28$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,19$, $p < 0,001$), благожелательность: забота, BEC ($\rho = 0,29$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,23$, $p < 0,001$), благожелательность: чувство долга, BED ($\rho = 0,29$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,13$, $p < 0,001$), сохранение, S ($\rho = 0,34$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,23$, $p < 0,001$), самопреодоление, ST ($\rho = 0,32$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,3$, $p < 0,001$); отрицательно: экзистенциальное благополучие, EWB с власть: доминирование, POD ($\rho = -0,15$, $p = 0,035$ и $\rho = -0,23$,

$p < 0,001$), ресурсы, POR ($\rho = -0,14$, $p = 0,053$ и $\rho = -0,16$, $p < 0,001$), положительно: экзистенциональное благополучие, EWB с безопасность: личная, SEP ($\rho = 0,29$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,15$, $p < 0,001$), традиция, TR ($\rho = 0,33$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,23$, $p < 0,001$), конформизм: правила, COR ($\rho = 0,27$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,12$, $p < 0,001$), конформизм: межличностный, COI ($\rho = 0,37$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,26$, $p < 0,001$), универсализм: забота о других, UNC ($\rho = 0,25$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,17$, $p < 0,001$), универсализм: забота о природе, UNN ($\rho = 0,36$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,24$, $p < 0,001$), универсализм: толерантность, UNT ($\rho = 0,25$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,13$, $p < 0,001$), благожелательность: забота, BEC ($\rho = 0,19$, $p = 0,008$ и $\rho = 0,18$, $p < 0,001$), благожелательность: чувство долга, BED ($\rho = 0,27$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,17$, $p < 0,001$), сохранение, S ($\rho = 0,33$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,15$, $p < 0,001$), самопреодоление, ST ($\rho = 0,32$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,24$, $p < 0,001$); отрицательно: *общее духовное благополучие*, SWB с власть: доминирование, POD ($\rho = -0,17$, $p = 0,014$ и $\rho = -0,28$, $p < 0,001$), положительно: общее духовное благополучие, SWB с безопасность: личная, SEP ($\rho = 0,29$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,21$, $p < 0,001$), традиция, TR ($\rho = 0,31$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,27$, $p < 0,001$), конформизм: правила, COR ($\rho = 0,35$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,18$, $p < 0,001$), конформизм: межличностный, COI ($\rho = 0,53$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,36$, $p < 0,001$), скромность, HUM ($\rho = 0,17$, $p = 0,019$ и $\rho = 0,2$, $p < 0,001$), универсализм: забота о других, UNC ($\rho = 0,26$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,21$, $p < 0,001$), универсализм: забота о природе, UNN ($\rho = 0,34$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,3$, $p < 0,001$), универсализм: толерантность, UNT ($\rho = 0,31$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,17$, $p < 0,001$), благожелательность: забота, BEC ($\rho = 0,29$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,22$, $p < 0,001$), благожелательность: чувство долга, BED ($\rho = 0,31$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,16$, $p < 0,001$), сохранение, C ($\rho = 0,38$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,22$, $p < 0,001$), самопреодоление, ST ($\rho = 0,36$, $p < 0,001$ и $\rho = 0,3$, $p < 0,001$).

В группе респондентов 14–21 год были выявлены следующие специфические положительные связи: *религиозное благополучие*, RWB с безопасность: общественная, SES ($\rho = 0,16$, $p = 0,027$); *экзистенциональное благополучие*, EWB с самостоятельность: мысли, SDT ($\rho = 0,19$, $p = 0,006$), самостоятельность: поступки, SDT ($\rho = 0,21$, $p = 0,004$), репутация, FAC ($\rho = 0,15$, $p = 0,042$), открытость изменениям, OC ($\rho = 0,19$, $p = 0,006$), безопасность: общественная, SES ($\rho = 0,18$,

Характеристика	Респонденты 14-21 год			Респонденты ≥ 22 лет		
	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)
Самостоятельность: мысли (SDT)	0,04 [-0,1; 0,18] p = 0,558	0,19 [0,06; 0,33] p = 0,006	0,1 [-0,04; 0,24] p = 0,154	0,01 [-0,06; 0,09] p = 0,697	0,05 [-0,02; 0,12] p = 0,142	0,02 [-0,05; 0,09] p = 0,517
Самостоятельность: поступки (SDA)	0,09 [-0,05; 0,23] p = 0,208	0,21 [0,07; 0,34] p = 0,004	0,15 [0,01; 0,29] p = 0,033	0,09 [0,02; 0,16] p = 0,009	0,06 [-0,01; 0,13] p = 0,099	0,06 [-0,01; 0,13] p = 0,102
Стимуляция (ST)	0,09 [-0,05; 0,22] p = 0,227	0,11 [-0,03; 0,25] p = 0,125	0,1 [-0,04; 0,24] p = 0,146	0 [-0,07; 0,07] p = 0,993	0 [-0,07; 0,07] p = 0,983	-0,01 [-0,08; 0,06] p = 0,735
Гедонизм (HE)	0,07 [-0,07; 0,21] p = 0,333	0,1 [-0,04; 0,24] p = 0,167	0,09 [-0,05; 0,23] p = 0,189	-0,22 [-0,29; -0,16] p < 0,001	-0,11 [-0,18; -0,04] p = 0,002	-0,2 [-0,26; -0,13] p < 0,001
Достижение (AC)	0,06 [-0,08; 0,2] p = 0,403	0,14 [0; 0,27] p = 0,055	0,11 [-0,03; 0,24] p = 0,140	-0,15 [-0,22; -0,08] p < 0,001	-0,1 [-0,17; -0,03] p = 0,008	-0,15 [-0,22; -0,08] p < 0,001
Власть: доминирование (POD)	-0,16 [-0,3; -0,03] p = 0,021	-0,15 [-0,28; -0,01] p = 0,035	-0,17 [-0,31; -0,04] p = 0,014	-0,27 [-0,33; -0,2] p < 0,001	-0,23 [-0,3; -0,16] p < 0,001	-0,28 [-0,35; -0,22] p < 0,001
Власть: ресурсы (POR)	-0,09 [-0,23; 0,05] p = 0,187	-0,14 [-0,27; 0] p = 0,053	-0,13 [-0,26; 0,01] p = 0,080	-0,15 [-0,22; -0,08] p < 0,001	-0,16 [-0,23; -0,09] p < 0,001	-0,17 [-0,24; -0,1] p < 0,001
Репутация (FAC)	0,16 [0,03; 0,3] p = 0,021	0,15 [0,01; 0,28] p = 0,042	0,18 [0,04; 0,31] p = 0,013	-0,1 [-0,17; -0,03] p = 0,005	-0,18 [-0,25; -0,11] p < 0,001	-0,16 [-0,23; -0,09] p < 0,001
Безопасность: личная (SEP)	0,25 [0,11; 0,37] p < 0,001	0,29 [0,15; 0,41] p < 0,001	0,29 [0,16; 0,42] p < 0,001	0,21 [0,14; 0,28] p < 0,001	0,15 [0,08; 0,22] p < 0,001	0,21 [0,14; 0,28] p < 0,001
Безопасность: общественная (SES)	0,16 [0,02; 0,29] p = 0,027	0,18 [0,04; 0,31] p = 0,011	0,2 [0,06; 0,33] p = 0,006	0,04 [-0,03; 0,12] p = 0,219	0,05 [-0,02; 0,12] p = 0,194	0,05 [-0,02; 0,12] p = 0,203
Традиция (TR)	0,25 [0,12; 0,38] p < 0,001	0,33 [0,2; 0,45] p < 0,001	0,31 [0,18; 0,44] p < 0,001	0,26 [0,19; 0,32] p < 0,001	0,23 [0,16; 0,29] p < 0,001	0,27 [0,2; 0,33] p < 0,001
Конформизм: правила (COR)	0,32 [0,19; 0,44] p < 0,001	0,27 [0,14; 0,4] p < 0,001	0,35 [0,22; 0,46] p < 0,001	0,19 [0,12; 0,26] p < 0,001	0,12 [0,05; 0,19] p < 0,001	0,18 [0,11; 0,25] p < 0,001
Конформизм: межличностный (COI)	0,51 [0,4; 0,61] p < 0,001	0,37 [0,24; 0,48] p < 0,001	0,53 [0,42; 0,63] p < 0,001	0,35 [0,29; 0,41] p < 0,001	0,26 [0,2; 0,33] p < 0,001	0,36 [0,29; 0,42] p < 0,001
Скромность (HUM)	0,16 [0,02; 0,29] p = 0,029	0,12 [-0,02; 0,26] p = 0,081	0,17 [0,03; 0,3] p = 0,019	0,23 [0,16; 0,29] p < 0,001	0,15 [0,07; 0,21] p < 0,001	0,2 [0,14; 0,27] p < 0,001
Универсализм: забота о других (UNC)	0,22 [0,09; 0,35] p = 0,002	0,25 [0,12; 0,38] p < 0,001	0,26 [0,13; 0,39] p < 0,001	0,22 [0,15; 0,28] p < 0,001	0,17 [0,1; 0,24] p < 0,001	0,21 [0,14; 0,28] p < 0,001
Универсализм: забота о природе (UNN)	0,26 [0,12; 0,38] p < 0,001	0,36 [0,23; 0,48] p < 0,001	0,34 [0,21; 0,46] p < 0,001	0,31 [0,24; 0,37] p < 0,001	0,24 [0,17; 0,31] p < 0,001	0,3 [0,23; 0,36] p < 0,001
Универсализм: толерантность (UNT)	0,28 [0,15; 0,41] p < 0,001	0,25 [0,12; 0,38] p < 0,001	0,31 [0,17; 0,43] p < 0,001	0,19 [0,12; 0,26] p < 0,001	0,13 [0,06; 0,2] p < 0,001	0,17 [0,1; 0,24] p < 0,001
Благожелательность: забота (BEC)	0,29 [0,15; 0,41] p < 0,001	0,19 [0,05; 0,32] p = 0,008	0,29 [0,15; 0,41] p < 0,001	0,23 [0,16; 0,3] p < 0,001	0,18 [0,11; 0,25] p < 0,001	0,22 [0,15; 0,29] p < 0,001
Благожелательность: чувство долга (BED)	0,29 [0,15; 0,41] p < 0,001	0,27 [0,13				

В группе респондентов ≥ 22 лет были выявлены следующие специфические связи: отрицательно: *религиозное благополучие, RWB* с гедонизм, HE ($\rho = -0,22$, $p < 0,001$), достижение, AC ($\rho = -0,15$, $p < 0,001$), репутация, FAC ($\rho = -0,1$, $p = 0,005$), самоутверждение, A ($\rho = -0,25$, $p < 0,001$), власть: ресурсы, POR ($\rho = -0,15$, $p < 0,001$), положительно: *религиозное благополучие, RWB* с самостоятельность: поступки, SDA ($\rho = 0,09$, $p = 0,009$); отрицательно: *экзистенциональное благополучие, EWB* с гедонизм, HE ($\rho = -0,11$, $p = 0,002$), достижение, AC ($\rho = -0,1$, $p = 0,008$), репутация, FAC ($\rho = -0,18$, $p < 0,001$), самоутверждение, A ($\rho = -0,2$, $p < 0,001$), положительно: *экзистенциональное благополучие, EWB* с скромность, HUM ($\rho = 0,15$, $p < 0,001$); отрицательно: *общее духовное благополучие, SWB* с гедонизм, HE ($\rho = -0,2$, $p < 0,001$), достижение, AC ($\rho = -0,15$, $p < 0,001$), репутация, FAC ($\rho = -0,16$, $p < 0,001$), самоутверждение, A ($\rho = -0,26$, $p < 0,001$), власть: ресурсы, POR ($\rho = -0,17$, $p < 0,001$).

На заключительном этапе был проведен регрессионный анализ полученных в исследовании данных. В Таблице 21 представлены коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», полученной при отборе регрессоров с использованием L1-регуляризации (LASSO-регрессии). Полученная модель характеризовалась коэффициентом детерминации R^2 равным 0,55. Независимыми статистически значимым предиктором более высоких оценок по «Шкале духовного благополучия» выступили более низкие значения по субшкалам «Репутация, FAC» и «Открытость изменениям, ОС» и более высокие значения по шкале «Конформизм: межличностный, COI» «Портретного ценностного опросника, PVQ-R2R». Среди включенных в модель предикторов не было выявлено коллинеарных ковариат.

Проведенное исследование позволило обнаружить как общие механизмы, так и возрастную специфику связи показателей духовного благополучия и базовых ценностей.

Нами была выявлена исключительно сильная связь межличностного конформизма (COI) с духовным (SWB) и религиозным (RWB) благополучием у молодежи.

Положительная связь просоциальных ценностей с духовным благополучием ожидаема, причем, сила связи межличностного конформизма с религиозным благополучием у молодежи высока. Это показывает обосную роль гармоничных отношений и стремления избегать конфликтов как основания религиозного и духовного благополучия у юношей и подростков. Регрессионный анализ подтверждает значимость этой связи, так как даже при учете других значимых ценностей (FAC, OC) межличностный конформизм все равно остается самым сильным предиктором духовного благополучия.

Таблица 21 – Коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия»

<i>Предиктор</i>	β	<i>SE</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>VIF</i>
Свободный член	34,2	4,2	–	–	–
Репутация, FAC	-1,45	0,347	-2,13; -0,769	< 0,001	1,21
Конформизм: межличностный, COR	4,9	0,47	4; 5,8	< 0,001	1,75
Открытость изменениям, OC	-2,24	0,586	-3,4; -1,1	< 0,001	1,38

Выявленная возрастная корреляция гедонизма (HE) со всеми компонентами SWB у молодежи незначимая и положительная, а у взрослых значимая отрицательная. Это показывает, что ориентация на удовольствие становится фактором, снижающим духовное благополучие именно в зрелом возрасте. Такой результат согласуется с теорией возрастного развития Е. Н. Erikson [93], так как успешное прохождение стадии генеративности связано со смещением внимания с личного удовольствия на заботу о других и поиску смысла жизни. В этом контексте гедонистическая ориентация вступает в противоречие с ориентациями в зрелом возрасте, что согласуется с исследованиями L. L. Carstensen, D. M. Isaacowitz, S. T. Charles [62], C. D. Ryff [234], K. M. Sheldon и T. Kasser [258].

Аналогичное изменение направленности связи ценности репутации (FAC) со всеми компонентами SWBS свидетельствует о том, что забота о публичном имидже играет разную роль на разных этапах жизни, в молодости она может способствовать адаптации и благополучию (поиск идентичности, групповое принятие), тогда

как в зрелости становится препятствием к духовному благополучию. Такая инверсия для FAC не документируется в исследованиях. Регрессионный анализ, построенный на объединенной выборке, выявил его общий негативный вклад в SWB, что говорит о том, что в целом по выборке негативный эффект FAC у взрослых перевешивает его потенциально позитивную роль у молодежи.

В некоторых исследованиях показано, что ценности открытости изменениям (OC), самостоятельность (SDT, SDA) положительно сопряжены с общим благополучием в индивидуалистических культурах S. H. Schwartz и F. M. Sorthaix [250], а в коллективистских связи слабые или отсутствуют M. Bobowik, N. Basabe, D. Páez [50]. В наших данных связи открытости изменениям (OC) и самостоятельности (SDT, SDA) с SWB незначимы или слабы, что указывает на специфику духовного благополучия, для которого ценности связанные со свободой развивать собственные идеи и способности, определять собственные действия и готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям не являются определяющими. Этот вывод подтвержден регрессионным анализом: ценность открытости изменениям OC выступила как независимый негативный предиктор духовного благополучия.

Была выявлена позитивная роль ценностей самопреодоления (ST), благожелательности (BEC, BED) и универсализма (UNC, UNN, UNT) с духовным благополучием и его аспектами, что согласуется с исследованиями M. Bobowik, N. Basabe, D. Páez, A. Jiménez, M. A. Bilbao [49], L. Sagiv и S. H. Schwartz [237] показывающими, что ценности, ориентированные на заботу о других и мире, положительно связаны с различными аспектами благополучия.

Вне зависимости от возраста ценности Власти: доминирование (POD), ресурсы (POR), стабильно показывают негативные связи с духовным благополучием, включая его религиозный и экзистенциальный компоненты. В разных культурах и выборках S. H. Schwartz и F. M. Sorthaix [250], F. M. Sorthaix и J. E. Lonnqvist [264] были получены схожие результаты связи ценностей с таким аспектом, как субъективное благополучие.

Связь ценности Традиции (TR) с религиозным благополучием (RWB) совпадает с исследованием V. Saroglou, V. Delpierre, R. Dernelle [240], а положительные корреляции TR со всеми аспектами SWB, являются ожидаемыми и подтверждают предыдущие исследования.

Чувство личной безопасности (SEP) рассматривается как фундаментальная потребность А. Н. Maslow [176] и предпосылка для более высоких форм благополучия, включая духовное, позитивные связи SEP с SWB согласуются с данными L. Tay и E. Diener [272].

Связь достижений (AC) с благополучием является неоднозначной, ряд исследований Т. Kasser и R. М. Ryan [148], R. М. Ryan и E. L. Deci [233] указывает, что чрезмерная ориентация на внешние достижения связана с пониженным экзистенциальным благополучием, отрицательные связи AC со всеми аспектами SWBS у взрослой группы хорошо соответствуют исследованиям, подчеркивающим конфликт внешних и внутренних целей для благополучия в зрелости.

Выявлена позитивная роль общественной безопасности (SES) и сохранения (C) для молодежи со всеми компонентами SWB. У взрослых корреляция SES не значима, а связи C ослабевают, особенно для экзистенциального благополучия (EWB). Это указывает на важность стабильности, избегания изменений, самоограничении и порядке для духовного благополучия в период молодости и ранней взрослости, когда формируется идентичность, во взрослом возрасте эти факторы становятся менее определяющим.

Данные регрессионного анализа существенно дополняют картину, выявленную корреляционным анализом, и позволяют выделить ключевые независимые предикторы духовного благополучия в общей модели. Межличностный конформизм (COI) является наиболее мощным положительным предиктором ($\beta = 4.9$ [95%-й ДИ 4.0; 5.8] $p < 0,001$) духовного благополучия. Это полностью согласуется с корреляционным анализом, где эта ценность, особенно у молодежи, показала самые сильные положительные связи ($r = 0,53$). Регрессия подтверждает, что даже при учете других факторов, стремление избегать причинения вреда или огорчения

другим людям, является ключевым протективным фактором для духовного благополучия в данной выборке. Величина коэффициента (почти 5 баллов SWB на единицу COI) указывает на центральную роль межличностного конформизма в нашем исследовании.

Ценности репутации (FAC) ($\beta = -1.45$ [95%-й ДИ -2,13; -0,769] $p < 0,001$) и открытости изменениям (OC) ($\beta = -2.24$ [95%-й ДИ -3,4; -1,1] $p < 0,001$) могут снижать уровень духовного благополучия. Результат регрессионного анализа частично согласуется с корреляционным: только у взрослых ценность репутации FAC имела слабые отрицательные корреляции с духовным благополучием ($\rho = -0,1 - -0,18$), а у молодежи – выявлена положительная связь ($\rho = 0,15 - 0,18$). Таким образом, основной вклад в объединенную возрастную модель внесла именно взрослая выборка. Значимая отрицательная роль ценности открытости изменениям (OC) в регрессии – важный факт, так как корреляционный анализ показывал в основном незначимые или слабые связи OC с SWB (взрослые: $\rho = -0,06$ [-0,13; 0,01] $p = 0,096$; молодежь: $\rho = 0,15$ [0,01; 0,28] $p = 0,040$). Стремление к открытости изменениям может вступать в противоречие с межличностным конформизмом (COI), который связан с сохранением культурных, семейных или религиозных традиций, а также с ценностью своей репутации (FAC). Обе эти ценности имеют важное значение для духовного благополучия.

Результаты:

1. В обеих возрастных группах духовное благополучие, а также его религиозный и экзистенциальный компоненты, устойчиво и положительно связаны с ценностями «Сохранения» (C) и «Самопреодоления» (ST). В первую очередь это касается традиции (TR), конформизма (COR, COI), безопасности (SEP, SES), универсализма (UNC, UNN, UNT) и благожелательности (BEC, BED).

2. Самоутверждение (A) и власть (POD, POR) связаны с более низкими показателями духовного благополучия. Причем у взрослых (≥ 22 лет) они выражены сильнее. Это позволяет предположить, что с возрастом ориентация на доминирование и обладание ресурсами все больше расходится с переживаниями о смысле жизни.

3. Наиболее выраженным коррелятом духовного благополучия оказался Межличностный конформизм (COI). В многомерной модели он сохранил статус независимого положительного предиктора. Это позволяет рассматривать стремление к поддержанию гармоничных отношений как ключевой фактор, связанный с духовным благополучием

4. Были выявлены возрастные различия, в которых для гедонизма (HE), репутации (FAC), достижений (AC), самоутверждения (A) и открытости изменениям (OC) меняются направления или значимость связей с духовным благополучием. Это указывает на качественную перестройку роли этих ценностей в структуре благополучия в зрелом возрасте.

5. Результаты регрессивного анализа показали, что при одновременном учете разных ценностей более высокий уровень благополучия связан прежде всего с межличностным конформизмом (COI), а также с менее выраженной ориентацией на свою репутацию (FAC) и открытость к изменениям (OC). Иначе говоря, духовному благополучию больше способствует стремление к гармоничным отношениям с другими, чем желание поддерживать социально одобряемый образ или постоянно быть готовым к переменам. Вероятно, так проявляется внутреннее ценностное напряжение, где с одной стороны человек стремится соответствовать ожиданиям и быть открыт новому, а с другой стороны он ориентируется на межличностную согласованность, которая, как показывают данные, теснее связана с духовным благополучием.

Эти результаты требуют дальнейшего изучения, но они указывают на важность учета возрастного контекста при анализе связи духовного благополучия и его компонентов и ценностей.

Исследование, в контексте русскоязычной выборки, подтвердило, что духовное благополучие и его компоненты связаны с одними ценностями больше, чем с другими и связь в возрастных группах отличается.

Наиболее устойчивым положительным предиктором духовного благополучия оказалась ценность межличностного конформизма, а ценности репутации и открытости изменениям выступили его независимыми негативными предикторами.

Ценность межличностного конформизма показала самые сильные корреляции с духовным и религиозным благополучием.

Полученные результаты частично согласуются с результатами других авторов, что позволяет говорить об их надежности.

3.3.4 Духовное благополучие и базисные убеждения личности

В этом разделе представлены результаты изучения специфики связи показателей духовного благополучия и базисных убеждений личности по методике «Шкала базисных убеждений», WAS R. Janoff-Bulman.

В Таблицах 22 и 23 представлены возрастные результаты по шкале WAS в двух группах. Субшкала «Доброжелательность окружающего мира» отражала средний уровень убеждений относительно безопасной возможности доверять окружающему миру: $M = 33,5$ ($SD \pm 8,4$), $Me = 33$ ($Q1 = 29 - Q3 = 37$) и $M = 34,2$ ($SD \pm 8,5$), $Me = 34$ ($Q1 = 28 - Q3 = 40$) соответственно в группах 14–21 год и ≥ 22 лет. Высокие показатели по субшкале «Доброжелательность окружающего мира» характеризовали 32% респондентов, средние 45,7%, низкие 22,3% в группе 14–21 год, и высокие 43,8%, средние 29,7%, низкие 26,5% в группе ≥ 22 лет, таким образом, в младшей группе преобладал средний уровень, тогда как в старшей – высокий.

Субшкала «Справедливость» отражала средний уровень убеждений о принципах распределения удач и несчастий: $M = 22,8$ ($SD \pm 5,4$), $Me = 22$ ($Q1 = 20 - Q3 = 26$) и $M = 22,8$ ($SD \pm 4,7$), $Me = 23$ ($Q1 = 20 - Q3 = 26$) в группах 14–21 год и ≥ 22 лет соответственно. Высокие показатели по субшкале «Справедливость» характеризовали 28,9% респондентов, средние 35%, низкие 36% в группе 14–21 год, и высокие 26,2%, средние 45,5%, низкие 28,2% в группе ≥ 22 лет, таким образом, в младшей группе чаще встречался низкий уровень, а в старшей – средний.

Субшкала «Образ Я» отражала средние значения убеждений о ценности и значимости собственного Я, о том, что он хороший и достойный человек: $M = 27,4$ ($SD \pm 6,9$), $Me = 26$ ($Q1 = 24 - Q3 = 32$) и $M = 24,7$ ($SD \pm 7,5$), $Me = 25$ ($Q1 = 20 - Q3 = 30$) в группах 14–21 год и ≥ 22 лет соответственно. Высокие показатели по субшкале «Образ Я» характеризовали 42,1% респондентов, средние 37,6%, низкие

20,3% в группе 14-21 год, и высокие 36%, средние 26,5%, низкие 37,5% в группе ≥ 22 лет, таким образом большая часть подростков характеризовалась высоким уровнем, а взрослых низким.

Субшкала «Удача» отражала высокий уровень убеждений в собственной удачливости и везении: $M = 32,2$ ($SD \pm 7,5$), $Me = 31$ ($Q1 = 28 - Q3 = 37$) и $M = 35,3$ ($SD \pm 7,4$), $Me = 36$ ($Q1 = 31 - Q3 = 41$) в группах 14–21 год и ≥ 22 лет соответственно. Высокие показатели по субшкале «Удача» характеризовали 58,9% респондентов, средние 29,4%, низкие 11,7% в группе 14-21 год, и высокие 80,1%, средние 11,7%, низкие 8,3% в группе ≥ 22 лет, таким образом, в обеих группах преобладал высокий уровень, особенно выраженный у взрослых.

Субшкала «Убеждения о контроле» отражала средний уровень убеждений о возможности контролировать происходящие в жизни события: $M = 27,9$ ($SD \pm 6,1$), $Me = 27$ ($Q1 = 23 - Q3 = 32$) и $M = 23,8$ ($SD \pm 5,3$), $Me = 24$ ($Q1 = 20 - Q3 = 27$) в группах 14–21 год и ≥ 22 лет соответственно. Высокие показатели по субшкале «Убеждения о контроле» характеризовали 40,6% респондентов, средние 33,5%, низкие 25,9% в группе 14-21 год, и высокие 17,1%, средние 37%, низкие 45,9% в группе ≥ 22 лет, таким образом, в младшей группе чаще встречался высокий уровень, тогда как в старшей – низкий.

Таблица 22 – Возрастные различия результатов опросника «Шкалы базисных убеждений», WAS

<i>Характеристика</i>	<i>Все респонденты</i>	<i>Возрастная группа</i>		<i>p</i>
		14–21 лет	≥ 22 лет	
Доброжелательность окружающего мира	34,1 ($\pm 8,5$) 34 (28–40)	33,5 ($\pm 8,4$) 33 (29–37)	34,2 ($\pm 8,5$) 34 (28–40)	0,147
Справедливость	22,8 ($\pm 4,9$) 23 (20–26)	22,8 ($\pm 5,4$) 22 (20–26)	22,8 ($\pm 4,7$) 23 (20–26)	0,428
Образ Я	25,3 ($\pm 7,4$) 25 (21–30,5)	27,4 ($\pm 6,9$) 26 (24–32)	24,7 ($\pm 7,5$) 25 (20–30)	< 0,001
Удача	34,7 ($\pm 7,5$) 35 (30–40)	32,2 ($\pm 7,5$) 31 (28–37)	35,3 ($\pm 7,4$) 36 (31–41)	< 0,001
Убеждения о контроле	24,7 ($\pm 5,7$) 25 (21–28)	27,9 ($\pm 6,1$) 27 (23–32)	23,8 ($\pm 5,3$) 24 (20–27)	< 0,001

Таблица 23 – Распределение респондентов по нормативным уровням «Шкалы базисных убеждений», WAS

Характеристика / уровень	Все респонденты n = 959	14–21 n = 197	≥ 22 n = 762	p
Доброжелательность окружающего мира				< 0,001
– низкие	246 (25,7%)	44 (22,3%)	202 (26,5%)	
– средние	316 (33%)	90 (45,7%)	226 (29,7%)	
– высокие	397 (41,4%)	63 (32%)	334 (43,8%)	
Справедливость				0,022
– низкие	286 (29,8%)	71 (36%)	215 (28,2%)	
– средние	416 (43,4%)	69 (35%)	347 (45,5%)	
– высокие	257 (26,8%)	57 (28,9%)	200 (26,2%)	
Образ Я				< 0,001
– низкие	326 (34%)	40 (20,3%)	286 (37,5%)	
– средние	276 (28,8%)	74 (37,6%)	202 (26,5%)	
– высокие	357 (37,2%)	83 (42,1%)	274 (36%)	
Удача				< 0,001
– низкие	86 (9%)	23 (11,7%)	63 (8,3%)	
– средние	147 (15,3%)	58 (29,4%)	89 (11,7%)	
– высокие	726 (75,7%)	116 (58,9%)	610 (80,1%)	
Убеждения о контроле				< 0,001
– низкие	401 (41,8%)	51 (25,9%)	350 (45,9%)	
– средние	348 (36,3%)	66 (33,5%)	282 (37%)	
– высокие	210 (21,9%)	80 (40,6%)	130 (17,1%)	

Результаты корреляционного анализа показателей духовного благополучия и базисных убеждений представлены в Таблице 24 и Приложении Ж.

Таблица 24 – Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкала базисных убеждений», WAS в возрастных группах респондентов

Характеристика	Респонденты 14-21 год			Респонденты ≥ 22 лет		
	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)
Доброжелательность окружающего мира	0,29 [0,16; 0,41] p < 0,001	0,46 [0,34; 0,56] p < 0,001	0,4 [0,27; 0,51] p < 0,001	0,17 [0,1; 0,24] p < 0,001	0,39 [0,33; 0,45] p < 0,001	0,32 [0,26; 0,39] p < 0,001
Справедливость	0,44 [0,32; 0,55] p < 0,001	0,43 [0,3; 0,53] p < 0,001	0,52 [0,41; 0,61] p < 0,001	0,19 [0,12; 0,25] p < 0,001	0,33 [0,27; 0,39] p < 0,001	0,3 [0,23; 0,36] p < 0,001
Образ Я	0,16 [0,02; 0,29] p = 0,028	0,43 [0,31; 0,53] p < 0,001	0,3 [0,17; 0,43] p < 0,001	-0,06 [-0,13; 0,01] p = 0,096	0,21 [0,14; 0,28] p < 0,001	0,09 [0,02; 0,16] p = 0,017
Удача	0,38 [0,25; 0,49] p < 0,001	0,45 [0,33; 0,56] p < 0,001	0,47 [0,35; 0,57] p < 0,001	0,22 [0,16; 0,29] p < 0,001	0,38 [0,32; 0,44] p < 0,001	0,34 [0,28; 0,4] p < 0,001
Убеждения о контроле	0,19 [0,05; 0,32] p = 0,008	0,38 [0,25; 0,49] p < 0,001	0,31 [0,17; 0,43] p < 0,001	0,02 [-0,05; 0,09] p = 0,632	0,18 [0,11; 0,25] p < 0,001	0,1 [0,03; 0,17] p = 0,004

В обеих возрастных группах убеждения «Доброжелательность окружающего мира» и «Справедливость» демонстрируют наиболее устойчивые и статистически значимые связи со всеми тремя компонентами благополучия, причем

наиболее сильная связь в обеих группах наблюдается с экзистенциальным благополучием, от $\rho = 0,43 [0,3; 0,53]$ до $\rho = 0,46 [0,34; 0,56]$, у подростков и от $\rho = 0,33 [0,27; 0,39]$ до $\rho = 0,39 [0,33; 0,45]$, $p < 0,001$ у взрослых. Базисные убеждения о доверии миру и о его справедливости выступают фундаментальной предпосылкой для переживания осмысленности и удовлетворенности жизнью и целью жизни, составляющих суть экзистенциального благополучия.

Отмечается возрастное ослабление связей, особенно выраженное для религиозного благополучия: в группе 14-21 год связи с доброжелательностью и справедливостью мира умеренные ($\rho = 0,29 [0,16; 0,41]$ и $\rho = 0,44 [0,32; 0,55]$, $p < 0,001$), тогда как в старшей – слабые ($\rho = 0,17 [0,1; 0,24]$ и $\rho = 0,19 [0,12; 0,25]$, $p < 0,001$). Это может свидетельствовать о том, что для молодежи вера в божественный порядок и религиозные переживания теснее связаны с общим восприятием мира как безопасного и справедливого места. У взрослых же религиозное благополучие может в большей степени опираться на иные источники (традиции, индивидуальный духовный опыт, принадлежность к сообществу), что приводит к снижению роли общих мировоззренческих убеждений о мире в вариативности религиозного благополучия.

В обеих группах убеждение «Образ Я» умеренно и слабо коррелирует с экзистенциальным благополучием. В группе 14-21 год существуют слабые и умеренные положительные связи «Образа Я» как с религиозным ($\rho = 0,16 [0,02; 0,29]$, $p = 0,028$), так и с духовным благополучием ($\rho = 0,30 [0,17; 0,43]$, $p < 0,001$). Это отражает процесс активного формирования идентичности, в котором религиозные и духовные представления могут выступать важным ресурсом для позитивной самооценки. В группе ≥ 22 лет связь между убеждениями «Образа Я» и религиозным благополучием статистически не достигает значимости ($\rho = -0,06 [-0,13; 0,01]$, $p = 0,096$), а связь с духовным благополучием остаётся статистически значимой, но крайне слабой ($\rho = 0,09 [0,02; 0,16]$, $p = 0,017$). Это может интерпретироваться как результат возрастной дифференциации личностных структур: самооценка взрослого человека строится на более широком основании

(профессиональные достижения, семейные роли, личные компетенции), становясь менее зависимой от религиозной самоидентификации.

Убеждение «Удача» демонстрирует наиболее стабильные и умеренные по силе связи со всеми тремя видами благополучия в обеих возрастных группах, в старшей группе наблюдается снижение величины корреляций, однако общий паттерн сохраняется. Убеждение о собственной удачливости выступает устойчивым положительным коррелятом религиозного, экзистенциального и общего духовного благополучия.

В обеих группах выявлена умеренная и слабая связь «Убеждения о контроле» с экзистенциальным благополучием. В группе 14–21 год убеждения о контроле имеют слабые и умеренные значимые положительные корреляции с религиозным ($r = 0,19$ [0,05; 0,32], $p = 0,008$) и духовным благополучием ($r = 0,31$ [0,17; 0,43], $p < 0,001$). В группе ≥ 22 лет связь с религиозным благополучием становится незначимой ($r = 0,02$ [-0,05; 0,09], $p = 0,632$), а с духовным благополучием – статистически значимой, но слабой ($r = 0,10$ [0,03; 0,17], $p = 0,004$). Это может указывать на возможный мировоззренческий сдвиг: у молодёжи личный контроль и религиозная вера могут переживаться как дополняющие стратегии, тогда как у взрослых контроль и религиозная установка на принятие внешнего порядка могут чаще переживаться как альтернативы, что снижает согласованность этих конструкторов на уровне корреляций.

На заключительном этапе был проведен регрессионный анализ полученных в исследовании данных. В Таблице 25 представлены коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», полученной при отборе регрессоров с использованием L1-регуляризации (LASSO-регрессии). Полученная модель характеризовалась коэффициентом детерминации R^2 равным 0,55. Независимыми статистически значимым предиктором более высоких оценок по «Шкале духовного благополучия» были более высокие оценки по субшкалам «Справедливость» и «Удача» «Шкалы базисных убеждений», WAS. Среди включенных в модель предикторов не было выявлено коллинеарных ковариат.

Таблица 25 – Коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия»

<i>Предиктор</i>	β	<i>SE</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>VIF</i>
Свободный член	34,2	4,2	–	–	–
Справедливость	0,398	0,086	0,229; 0,567	< 0,001	1,36
Удача	0,306	0,057	0,194; 0,418	< 0,001	1,4

Респонденты юношеского и подросткового возраста имели статистически значимо более высокие оценки по субшкалам «Образ Я» и «Убеждения о контроле» статистически значимо меньшие оценки по шкале «Удача» ($p < 0,001$) «Шкалы базисных убеждений», WAS. Несмотря на более низкие средние значения по шкале «Удаче» у группы 14–21 лет, именно «Удача» остаётся независимым предиктором духовного благополучия в общей модели.

Ключевое возрастное различие заключается в том, что в группе 14–21 год практически все корреляции между всеми компонентами «Шкалы духовного благополучия», SWBS и «Шкалы базисных убеждений», WAS умеренные, а в группе ≥ 22 лет многие связи ослабевают, переходя в категорию слабых и не значимых. Это может указывать на более тесную и менее дифференцированную интеграцию системы базисных убеждений с духовно-смысловыми компонентами благополучия в молодом возрасте. Особенно наглядно это проявляется в группе ≥ 22 лет, где отсутствует статистически значимая связь религиозного благополучия и шкалы общего духовного благополучия с субшкалами «Образ Я» ($\rho = -0,06 [-0,13; 0,01]$, $p = 0,096$ и $\rho = 0,09 [0,02; 0,16]$, $p = 0,017$) и «Убеждения о контроле» ($\rho = 0,02 [-0,05; 0,09]$, $p = 0,632$ и $\rho = 0,1 [0,03; 0,17]$, $p = 0,004$). Отметим, что субшкала «Справедливость», как убеждение о принципах распределения удач и несчастий продемонстрировала самую сильную положительную корреляцию с общим показателем духовного благополучия в группе подростков ($\rho = 0,52 [0,41; 0,61]$, $p < 0,001$), что согласуется и дополняет исследования К. I. Pargament [209], N. Mascaro, D. H. Rosen, L. C. Morey [174], C. L. Park [210], J. J. Exline и E. D. Rose [94] и A. C. Kay, J. A. Whitson, D. Gaucher, A. D. Galinsky [151].

В подростковой группе религиозное благополучие положительно коррелирует с убеждениями о собственной удачливости («Удача»), справедливом устройстве мира («Справедливость») и восприятии мира как доброжелательного («Доброжелательность окружающего мира»), что отражает ассоциацию этих базисных убеждений с более выраженным переживанием связи с Богом или трансцендентным.

Убеждение в возможности контроля над событиями («Убеждения о контроле») и позитивный образ Я («Образ Я») не коррелирует с религиозным благополучием у взрослых, это свидетельствует о том, что стремление к личному контролю и высокая самооценка могут в определенной степени противоречить или замещаться ориентацией на высшие силы в религиозном контексте, что согласуется с исследованиями К. I. Pargament [209], С. L. Park [210] и А. С. Kay, J. A. Whitson, D. Gaucher, A. D. Galinsky [151]. Субшкала «Образ Я» ($\rho = -0,06 [-0,13; 0,01]$, $p = 0,096$) показала тенденцию к негативной корреляции, это может говорить о том, что позитивный образ Я негативно влияет на религиозный компонент благополучия в зрелом возрасте.

Экзистенциальное благополучие было значимо связано со всеми пятью компонентами базисных убеждений в группе 14–21 года, а в группе ≥ 22 лет все связи ослабевают, а «Образ Я» и «Убеждения о контроле» переходят в категорию слабых, что согласуется с данными N. Mascaro, D. H. Rosen, L. C. Morey [174]. Это может свидетельствовать о том, что экзистенциальное благополучие в наибольшей степени основано на восприятии мира как места, где человек может доверять, где ему везёт и он получает, то, что заслуживает.

Духовное благополучие как интегральный показатель переживания смысла, внутреннего мира и (или) религиозной опоры значимо связано со всеми пятью компонентами базисных убеждений в группе 14–21 года. «В группе ≥ 22 лет «Убеждения о контроле» и «Образ Я» демонстрируют очень слабые связи с духовным благополучием, что согласуется с исследованиями К. I. Pargament [209], С. L. Park [210] и А. С. Kay, J. A. Whitson, D. Gaucher, A. D. Galinsky [151].

Таким образом, базисные убеждения «Доброжелательность окружающего мира», «Справедливость» и «Удача» являются устойчивыми положительными коррелятами религиозного, экзистенциального и духовного благополучия. «Убеждения о контроле» и «Образ Я» положительно связаны с религиозным, экзистенциальным и духовным благополучием в группе 14–21 год; в группе ≥ 22 лет они сохраняют положительную связь прежде всего с экзистенциальным благополучием, тогда как с религиозным благополучием связи не выявлено, а с духовным благополучием связи носят крайне слабый характер, что может указывать на потенциальное расхождение между установкой на личный контроль и ориентацией на высшие цели, смыслы или силы. Позитивный «Образ Я» при этом не выступает необходимым условием религиозного благополучия в зрелом возрасте.

Полученные **результаты** позволяют обобщенно охарактеризовать общие и возрастно-специфические характеристики связи показателей духовного благополучия и базисных убеждений личности:

1. Были выявлены позитивные связи между базисными убеждениями «Справедливость», «Удача» и «Доброжелательность окружающего мира» с религиозным, экзистенциальным и духовным благополучием.

2. Наиболее значимым результатом стало выявление отсутствия статистически значимых связей базисных убеждений «Убеждения о контроле» и «Образ Я» с религиозным благополучием у респондентов ≥ 22 лет, при сохранении слабых, но статистически значимых связей с экзистенциальным благополучием.

3. В юношеский и подростковый период (14–21 год) наблюдаются более тесные и генерализованные связи: базисные убеждения о мире и о себе интегрированы с религиозным, экзистенциальным и духовным благополучием в более целостную, хотя, возможно, менее дифференцированную систему, что соответствует задачам возрастного развития (поиск идентичности, формирование целостного мировоззрения).

4. В возрасте ≥ 22 лет происходит дифференциация и относительная автономизация компонентов: связи в целом сохраняются, но их сила снижается, особенно для религиозного благополучия. Базисные убеждения о

доброжелательности мира, справедливости и удаче остаются устойчиво связаны с духовным благополучием. При этом самооценку и стремление все контролировать уже не показывают такой выраженной связи с религиозным измерением. Скорее всего, это связано с тем, что личность становится более сложной.

5. Результаты многофакторного регрессионного анализа также подтверждают важную роль базисных когнитивных установок. Оказалось, что более высокий уровень общего духовного благополучия наиболее устойчиво связан с верой в справедливость мира и ощущением собственной удачи.

Полученные данные эмпирически подтверждают взаимосвязи между базисными убеждениями личности и её духовным благополучием в процессе перехода от юности к зрелой взрослости и указывают на возрастную трансформацию структуры этих связей.

3.3.5 Духовное благополучие и черты личности: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм

В этом разделе представлены результаты изучения специфики связи показателей духовного благополучия и тёмных черт личности (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм) на основании «Короткого опросника Тёмной тетрады», SD4.

В Таблице 26 представлены результаты «Короткого опросника Тёмной тетрады», SD4 в суммарных тестовых баллах ($M \pm SD$; $Me [Q1 - Q3]$). Более высокие значения соответствуют большей выраженности соответствующей черты.

Шкала «Макиавеллизм» отражала более высокую выраженность манипулятивных стратегий, циничных установок и эмоциональной холодности в группе 14–21 года $M = 21,3 (SD \pm 5,2)$, $Me = 21 (Q1 = 18 - Q3 = 24)$ по сравнению с группой ≥ 22 лет $M = 18,7 (SD \pm 4,4)$, $Me = 19 (Q1 = 15 - Q3 = 22)$.

Шкала «Нарциссизм» характеризовала более высокую выраженность грандиозности, потребности в признании и инструментального отношения к

другим в группе 14–21 года $M = 20,2$ ($SD \pm 5,5$), $Me = 20$ ($Q1 = 17 - Q3 = 23$) по сравнению с группой ≥ 22 лет $M = 16,1$ ($SD \pm 5,1$), $Me = 16$ ($Q1 = 12 - Q3 = 19$).

Шкала «Психопатия» фиксировала большую выраженность импульсивности, сниженной тревожности и поведенческой жесткости в группе 14–21 года $M = 16,1$ ($SD \pm 5,5$), $Me = 16$ ($Q1 = 12 - Q3 = 21$) по сравнению с группой ≥ 22 лет $M = 14,1$ ($SD \pm 4,2$), $Me = 14$ ($Q1 = 11 - Q3 = 17$).

Шкала «Садизм» указывала на более высокую выраженность тенденций к доминированию и причинению страдания другим как потенциально подкрепляющего поведения в группе 14–21 года $M = 16,7$ ($SD \pm 6,3$), $Me = 17$ ($Q1 = 12 - Q3 = 21$) по сравнению с группой ≥ 22 лет $M = 11,3$ ($SD \pm 3,5$), $Me = 11$ ($Q1 = 9 - Q3 = 13$).

Все возрастные различия по четырём шкалам SD4 были статистически значимы ($p < 0,001$) (Таблица 26), что указывает на более низкую выраженность тёмных черт в группе ≥ 22 лет.

Таблица 26 – Возрастные различия в тестовых баллах по шкалам «Короткого опросника Тёмной тетрады», SD4

Характеристика	Все респонденты $M (\pm SD)$ $Me (Q1 - Q3)$	Возрастная группа		p
		14–21 год, $M (\pm SD)$ $Me (Q1 - Q3)$	≥ 22 лет, $M (\pm SD)$ $Me (Q1 - Q3)$	
Макиавеллизм	19,2 ($\pm 4,7$) 19 (16–22)	21,3 ($\pm 5,2$) 21 (18–24)	18,7 ($\pm 4,4$) 19 (15–22)	$< 0,001$
Нарциссизм	16,9 ($\pm 5,4$) 17 (13–20)	20,2 ($\pm 5,5$) 20 (17–23)	16,1 ($\pm 5,1$) 16 (12–19)	$< 0,001$
Психопатия	14,5 ($\pm 4,5$) 14 (11–17)	16,1 ($\pm 5,5$) 16 (12–21)	14,1 ($\pm 4,2$) 14 (11–17)	$< 0,001$
Садизм	12,4 ($\pm 4,8$) 11 (9–15)	16,7 ($\pm 6,3$) 17 (12–21)	11,3 ($\pm 3,5$) 11 (9–13)	$< 0,001$

В Таблице 27 и Приложении И представлены результаты корреляционного анализа показателей духовного благополучия и черт Тёмной тетрады в возрастных группах респондентов 14–21 год и ≥ 22 лет.

Макиавеллизм имел отрицательные связи с показателями благополучия, однако их выраженность различалась по возрасту: в группе ≥ 22 лет макиавеллизм статистически значимо и слабо отрицательно коррелировал со всеми компонентами

($p < 0,001$), тогда как в группе 14–21 года связь с экзистенциальным благополучием не достигала уровня значимости ($\rho = -0,12 [-0,26; 0,02]$, $p = 0,084$).

Таблица 27 – Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 в возрастных группах респондентов

Характеристика	Респонденты 14–21 год			Респонденты ≥ 22 лет		
	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)
Макиавеллизм	-0,19 [-0,32; -0,05] $p = 0,007$	-0,12 [-0,26; 0,02] $p = 0,084$	-0,19 [-0,33; -0,06] $p = 0,006$	-0,17 [-0,24; -0,1] $p < 0,001$	-0,24 [-0,31; -0,17] $p < 0,001$	-0,24 [-0,3; -0,17] $p < 0,001$
Нарциссизм	0,03 [-0,11; 0,17] $p = 0,717$	0,13 [-0,01; 0,26] $p = 0,074$	0,07 [-0,07; 0,21] $p = 0,328$	-0,1 [-0,17; -0,03] $p = 0,007$	0,03 [-0,04; 0,1] $p = 0,349$	-0,04 [-0,11; 0,03] $p = 0,300$
Психопатия	-0,14 [-0,27; 0] $p = 0,054$	-0,24 [-0,37; -0,11] $p < 0,001$	-0,2 [-0,34; -0,07] $p = 0,004$	-0,06 [-0,13; 0,01] $p = 0,082$	-0,22 [-0,29; -0,15] $p < 0,001$	-0,17 [-0,24; -0,1] $p < 0,001$
Садизм	-0,39 [-0,51; -0,27] $p < 0,001$	-0,31 [-0,43; -0,17] $p < 0,001$	-0,42 [-0,52; -0,29] $p < 0,001$	-0,19 [-0,25; -0,12] $p < 0,001$	-0,18 [-0,25; -0,11] $p < 0,001$	-0,22 [-0,28; -0,15] $p < 0,001$

Нарциссизм не демонстрировал устойчивых связей с экзистенциальным и общим духовным благополучием в обеих группах, при этом в младшей группе отмечалась тенденция к слабой положительной связи с экзистенциальным благополучием ($\rho = 0,13 [-0,01; 0,26]$, $p = 0,074$), тогда как в старшей группе выявлена слабая отрицательная связь с религиозным благополучием ($\rho = -0,10 [-0,17; -0,03]$, $p = 0,007$).

Психопатия статистически значимо отрицательно коррелировала с экзистенциальным и общим духовным благополучием в обеих возрастных группах, при отсутствии значимой связи с религиозным благополучием как у респондентов 14–21 года ($\rho = -0,14 [-0,27; 0]$, $p = 0,054$), так и у респондентов ≥ 22 лет ($\rho = -0,06 [-0,13; 0,01]$, $p = 0,082$).

Садизм демонстрировал наиболее устойчивые отрицательные связи со всеми компонентами благополучия в обеих возрастных группах, при этом в младшей группе связи были умеренной силы, а в старшей – слабой. Наиболее выраженная отрицательная связь выявлена у респондентов 14–21 года между садизмом и общим духовным благополучием ($\rho = -0,42 [-0,52; -0,29]$, $p < 0,001$).

На заключительном этапе был проведен регрессионный анализ полученных в исследовании данных. В Таблице 28 представлены коэффициенты в

многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», полученной при отборе регрессоров с использованием L1-регуляризации (LASSO-регрессии). Полученная модель характеризовалась коэффициентом детерминации R^2 равным 0,55. Единственным независимым статистически значимым предиктором более низких значений общего духовного благополучия оказался садизм. Это означает, что при одновременном учёте остальных тёмных черт именно садизм вносит уникальный вклад в вариативность SWB, тогда как Макиавеллизм, психопатия и нарциссизм, вероятно, преимущественно разделяют общую (перекрывающуюся) дисперсию негативной направленности. Среди включенных в модель предикторов не было выявлено коллинеарных ковариат.

Содержательно этот результат согласуется с теоретическим представлением о тёмном факторе личности («D-core»): садизм может выступать наиболее поведенчески выраженной формой «тёмного ядра», включающей компонент положительного подкрепления от причинения вреда, что структурно несовместимо с просоциально-смысловым контуром духовного благополучия.

Таблица 28 – Коэффициенты в многофакторной модели суммарной оценки по «Шкале духовного благополучия», SWBS

<i>Предиктор</i>	β	<i>SE</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>VIF</i>
Свободный член	34,2	4,2	–	–	–
Садизм	-0,314	0,094	-0,497; -0,13	< 0,001	1,54

Результаты всех респондентов по «Короткому опроснику Темной тетрады», SD4 (от наибольшего к наименьшему) – Макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм – указывают на более высокую выраженность «инструментальных» тёмных проявлений (манипулятивность, грандиозность) по сравнению с открыто агрессивно-вредоносными тенденциями в данной неклинической выборке. Общая возрастная динамика характеризуется снижением выраженности всех четырёх черт в группе ≥ 22 лет ($p < 0,001$).

Корреляционный анализ показал, что черты, связанные с холодностью, дефицитом эмпатии и готовностью причинять вред (Макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм), систематически сопряжены с более низкими показателями экзистенциального и общего духовного благополучия, причём садизм выступает наиболее «жёстким» и устойчивым отрицательным коррелятом. Этот результат согласуется с современными работами, трактующими Тёмную тетраду через общий мотивационный компонент («D-core», Dark Factor), отражающий бессердечный эгоистический интерес и оправдание причинения вреда, в такой логике садизм можно рассматривать как наиболее поведенчески выраженную форму данного ядра, что делает его особенно несовместимым с просоциальной и смысловой составляющей духовного здоровья.

Макиавеллизм и психопатия имеют избирательные негативные корреляции, психопатия в обеих возрастных группах не связана с религиозным благополучием что дополняет исследования F. Fekih-Romdhane, A. Ben Hamouda, R. Khemakhem, S. Halayem, A. BelHadj, M. Cheour [96], M. B. Schofield, B. L. H. Roberts, C. A. Harvey, I. S. Baker, G. Crouch [244].

В отношении нарциссизма получен неоднозначный паттерн: не выявлено значимых линейных связей с общим духовным благополучием, однако в группе 14–21 года наблюдается тенденция к положительной связи с экзистенциальным благополучием ($\rho = 0,13$ [-0,01; 0,26], $p = 0,074$), тогда как в группе ≥ 22 лет фиксируется слабая отрицательная связь с религиозным благополучием ($\rho = -0,10$ [-0,17; -0,03], $p = 0,007$). Данный профиль согласуется с представлением о «двухкомпонентности» нарциссизма: антагонистические (эксплуатативные) компоненты могут быть сопряжены с тёмным ядром и конфликтовать с внутренней религиозностью, тогда как агентные компоненты (уверенность, субъективная значимость, лидерство) потенциально поддерживают субъективное переживание цели и удовлетворённости жизнью, что может проявляться прежде всего на уровне экзистенциального благополучия, что дополняет исследования P. Wink и M. Dillon [292], A. Z. Czarna, R. R. Zdunek, C. Sedikides [73], M. Kämmerle, H. F. Unterrainer,

P. Dahmen-Wassenberg, A. Fink, H. P. Kapfhammer [146], Ю. В. Красавцева и Т. В. Корнилова [15], P. Skobrtal и R. Pospíšil [260].

Садизм оказался чертой, которая устойчиво и отрицательно связана с духовным благополучием во всех возрастных группах. Особенно выраженной эта связь оказалась у молодежи ($\rho = -0,42 [-0,52; -0,29]$, $p < 0,001$), где чем выше уровень жестокости, тем ниже духовное благополучие.

По результатам анализа связи духовного благополучия и его компонентов с чертами личности Темной тетрады в разных возрастных группах можно сделать следующие выводы:

1. Выявлены устойчивые возрастные различия в выраженности черт Темной тетрады. У респондентов в возрасте 14–21 года все четыре черты (Макиавеллизм, Нарциссизм, Психопатия, Садизм) выражены сильнее, чем у участников старше 22 лет.

2. Связь между чертами Темной тетрады и духовным благополучием неодинакова. Самые сильные отрицательные связи с религиозным, экзистенциальным и общим духовным благополучием в обеих возрастных группах показал Садизм. Это подтверждается результатами регрессионного анализа, где только садизм вошел в итоговую модель как значимый негативный предиктор общего уровня духовного благополучия ($\beta = -0,314 [-0,497; -0,13]$, $p < 0,001$).

3. Макиавеллизм и Психопатия демонстрируют избирательные негативные связи. Макиавеллизм значимо отрицательно связан с религиозным и общим духовным благополучием в обеих группах, а с экзистенциальным благополучием – только в старшей. Психопатия значимо отрицательно коррелирует с экзистенциальным и общим духовным благополучием в обеих группах, в то время как ее связь с религиозным благополучием статистически незначима.

4. Связь нарциссизма с духовным благополучием является незначимой и неустойчивой. В целом, по выборке значимых линейных связей нарциссизма с компонентами духовного благополучия не выявлено. Наблюдаемая в младшей группе слабая положительная тенденция связи нарциссизма с экзистенциальным благополучием ($\rho = 0,13 [-0,01; 0,26]$, $p = 0,074$) требует дальнейшего изучения и может указывать на потенциальную роль отдельных адаптивных аспектов данной черты.

5. Интенсивность связей между чертами Темной тетрады и духовным благополучием в большинстве случаев выше в младшей возрастной группе (14–21 год). Это особенно заметно на примере корреляций садизма с духовным благополучием, которые в младшей группе имеют умеренную силу, а в старшей – слабую.

6. Регрессионная модель показала, что при совместном учёте всех черт Темной тетрады уникальный вклад в вариативность общего духовного благополучия сохраняет только садизм, что позволяет рассматривать его как самый сильный индикатор «тёмного ядра» (D) личности и, следовательно, наиболее выраженный личностный фактор риска для духовного благополучия в данной выборке.

7. Возрастное ослабление связей (особенно для садизма) может отражать дифференциацию личностной структуры и изменение способов регуляции благополучия по мере взросления, это задаёт перспективу для дальнейших исследований (лонгитюдные исследования, проверка моделей общего D-фактора, учёт формы религиозности (внутренняя или внешняя) как потенциального модератора, а также раздельный анализ компонентов нарциссизма).

3.4. Предиктивная модель духовного благополучия

3.4.1 Операционализация предикторов модели детерминации

В соответствии с концептуализацией духовного благополучия, представленной в разделе 1.2.6, духовное благополучие рассматривается как интегральный результат согласования ценностно-смыслового, регуляторно-ресурсного и социально-поведенческого уровней саморегуляции при наличии диспозиционных ограничителей. Соответственно, в качестве операционализированных предикторов были использованы: ценности (PVQ-R2R) как показатели нормативно-идентификационного контура; показатели шкал PWB как индикаторы регуляторно-ресурсного уровня (смысловая саморегуляция и интеграция Я); альтруистические установки как индикатор просоциально-этического контура; черты Тёмной тетрады (SD4) как маркеры диспозиционного риск-контура; базисные убеждения (WAS) как показатели мировоззренческого контура (ценностно-смысловой уровень).

Для определения вклада каждого компонента «Портретного ценностного опросника», PVQ-R2R, «Шкалы психологического благополучия», PWB, «Шкалы альтруистических установок», «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 и «Шкалы базисных убеждений», WAS в прогнозирование уровня религиозного, экзистенциального и духовного благополучия по «Шкале духовного благополучия», SWBS были проведены однофакторный и многофакторный линейные регрессионные анализы.

Цель настоящего раздела – эмпирически проверить предиктивную модель духовного благополучия и выявить:

- 1) общий набор предикторов для религиозного, экзистенциального и интегрального духовного благополучия;
- 2) специфические предикторы отдельных компонентов;
- 3) системные эффекты подавления, отражающие скрытую многомерную структуру детерминации.

3.4.2. Предикторы религиозного благополучия

Проведённый однофакторный линейный регрессионный анализ позволил оценить вклад отдельных психологических конструкторов в прогнозирование показателей по субшкале «Религиозное благополучие», RWB. Результаты представлены в Таблице 29.

Анализ выявил дифференцированную прогностическую силу ценностных блоков, наиболее мощными позитивными предикторами религиозного благополучия выступили ценности высшего порядка Сохранения, C ($\beta = 7,01$ [6,02; 8], $p < 0,001$, $R^2 = 16,7\%$) и Самопреодоления, ST ($\beta = 6,14$ [5,13; 7,14], $p < 0,001$, $R^2 = 13\%$). Внутри этих блоков максимальный индивидуальный вклад продемонстрировали: Конформизм: межличностный, COI ($\beta = 7,12$ [6,52; 7,71], $p < 0,001$), объясняющий 36,7% дисперсии RWB, Безопасность: личная, SEP ($\beta = 4,61$ [3,89; 5,32], $p < 0,001$, $R^2 = 14,3\%$), Универсализм: забота о природе, UNN ($\beta = 4,77$ [3,98; 5,57], $p < 0,001$, $R^2 = 12,7\%$), Универсализм: толерантность, UNT ($\beta = 3,63$ [2,87; 4,4], $p < 0,001$, $R^2 = 8,4\%$), Универсализм: забота о других, UNC ($\beta = 4$

[3,16; 4,84], $p < 0,001$, $R^2 = 8,4\%$), Благожелательность: забота, ВЕС ($\beta = 2,92$ [2,25; 3,59], $p < 0,001$, $R^2 = 7,1\%$), Конформизм: правила, COR ($\beta = 3,09$ [2,41; 3,77], $p < 0,001$, $R^2 = 7,7\%$) и Традиция, TR ($\beta = 2,74$ [2,07; 3,42], $p < 0,001$, $R^2 = 6,2\%$).

Напротив, блок ценностей высшего порядка Самоутверждения, А ($\beta = -3,75$ [-4,59; -2,91], $p < 0,001$, $R^2 = 7,5\%$) и входящие в него ценности Власти: доминирование, POD ($\beta = -3,16$ [-3,78; -2,54], $p < 0,001$, $R^2 = 9,5\%$), Гедонизма, HE ($\beta = -3,09$ [-3,69; -2,49], $p < 0,001$, $R^2 = 9,6\%$), Достижения, AC ($\beta = -2,10$ [-2,7; -1,51], $p < 0,001$, $R^2 = 4,8\%$) и Власть: ресурсы, POR ($\beta = -2,43$ [-3,12; -1,75], $p < 0,001$, $R^2 = 4,8\%$) оказались статистически значимыми негативными предикторами. Данный профиль согласуется с данными о связи религиозности и духовности с нормативно-интегративными и просоциальными ценностями и её отрицательной связью с самоутверждающими ориентациями [47; 144].

Среди компонентов психологического благополучия значимыми позитивными предикторами с умеренной объяснительной силой (объясняли от 2,5% до 4,0% дисперсии RWB), выступили «Личностный рост», «Положительное отношение к другим» и «Цель в жизни». Показатели «Автономия», «Управление окружением», «Самопринятие» не являлись предикторами религиозного благополучия, а «Общий балл по опроснику» несмотря на статистическую значимость имел низкую объяснительную способность.

Исключительно высокую прогностическую силу продемонстрировала шкала альтруизма ($\beta = 0,46$ [0,42; 0,5], $p < 0,001$), объясняя 33,8% дисперсии зависимой переменной. Результат согласуется с представлением о духовном благополучии как феномене, связанном с эмпатией и просоциальными установками, а также с данными о положительной связи духовности с готовностью помогать и социальным доверием [80; 215; 241].

Все компоненты «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 выступили статистически значимыми негативными предикторами религиозного благополучия. Наибольший отрицательный вклад вносит садизм ($\beta = -1,23$ [-1,37; -1,09], $p < 0,001$, $R^2 = 24,5\%$), в меньшей степени – Макиавеллизм ($\beta = -0,68$ [-0,83; -0,52], $p < 0,001$, $R^2 = 7,2\%$) и нарциссизм ($\beta = -0,49$ [-0,63; -0,36], $p < 0,001$, $R^2 = 5\%$). Минимальный

вклад отмечен со стороны психопатии ($\beta = -0,44$ [-0,61; -0,28], $p < 0,001$, $R^2 = 2,9\%$). Негативная направленность «тёмных» черт в отношении духовно-религиозных показателей описывается в литературе и интерпретируется через общий мотивационный компонент тёмного фактора личности – «D-core», включающий оправдание причинения вреда и приоритет собственной выгоды [184; 190; 300], а также через концептуализацию садизма как наиболее поведенчески выраженной формы «тёмного ядра» [57; 198].

Среди базисных убеждений наибольший вклад в предсказание религиозного благополучия вносят убеждения в собственной удаче ($\beta = 0,46$ [0,36; 0,55], $p < 0,001$, $R^2 = 8,3\%$), справедливости ($\beta = 0,63$ [0,48; 0,78], $p < 0,001$, $R^2 = 6,7\%$) и доброжелательности окружающего мира ($\beta = 0,27$ [0,18; 0,35], $p < 0,001$, $R^2 = 3,6\%$). Негативную связь показали убеждения о контроле ($\beta = -0,28$ [-0,41; -0,15], $p < 0,001$, $R^2 = 1,8\%$) и образ Я ($\beta = -0,16$ [-0,26; -0,061], $p = 0,002$, $R^2 = 1,0\%$). В рамках теории базисных убеждений [137] такая конфигурация может отражать различие доверия к миропорядку и установки на личный контроль как разных оснований субъективного благополучия, при этом для религиозного благополучия более значимы убеждения о справедливости, «промысле» по сравнению с установкой «я контролирую события».

Таким образом, наиболее мощными предикторами высокого уровня *религиозного благополучия* в однофакторной модели являются *ценность межличностного конформизма* (36,7%), *альтруистические установки* (33,8%) и *ценности сохранения* (16,7%) и *самопреодоления* (13%). Напротив, факторами, ассоциированными со сниженным религиозным благополучием, выступают *садизм* (24,5%), а также *ценность гедонизма* (9,6%), *ценность власти* (доминирования) (9,5%) и *ценности самоутверждения* (7,5%). Выявленные связи носят ассоциативный характер на основе однофакторного анализа, и для установления уникального вклада каждого предиктора необходимы дальнейшие исследования с использованием многофакторных моделей.

Таблица 29 – Результаты однофакторного анализа компонентов шкал в качестве предикторов оценок по субшкале «Религиозного благополучия», RWBS

<i>Компонент</i>	β	95%-й ДИ	p	R^2
«Портретный ценностный опросник», PVQ-R2R				
Самостоятельность: мысли (SDT)	0,15	-0,61; 0,92	0,696	0%
Самостоятельность: поступки (SDA)	1,14	0,28; 1,99	0,009	0,7%
Стимуляция (ST)	-1,35	-2,15; -0,55	< 0,001	1,1%
Гедонизм (HE)	-3,09	-3,69; -2,49	< 0,001	9,6%
Достижение (AC)	-2,1	-2,7; -1,51	< 0,001	4,8%
Власть: доминирование (POD)	-3,16	-3,78; -2,54	< 0,001	9,5%
Власть: ресурсы (POR)	-2,43	-3,12; -1,75	< 0,001	4,8%
Репутация (FAC)	0,49	-0,17; 1,15	0,144	0,2%
Безопасность: личная (SEP)	4,61	3,89; 5,32	< 0,001	14,3%
Безопасность: общественная (SES)	2,06	1,25; 2,86	< 0,001	2,6%
Традиция (TR)	2,74	2,07; 3,42	< 0,001	6,2%
Конформизм: правила (COR)	3,09	2,41; 3,77	< 0,001	7,7%
Конформизм: межличностный (COI)	7,12	6,52; 7,71	< 0,001	36,7%
Скромность (HUM)	2,7	1,98; 3,41	< 0,001	5,4%
Универсализм: забота о других (UNC)	4	3,16; 4,84	< 0,001	8,4%
Универсализм: забота о природе (UNN)	4,77	3,98; 5,57	< 0,001	12,7%
Универсализм: толерантность (UNT)	3,63	2,87; 4,4	< 0,001	8,4%
Благожелательность: забота (BEC)	2,92	2,25; 3,59	< 0,001	7,1%
Благожелательность: чувство долга (BED)	1,65	0,93; 2,38	< 0,001	2,1%
Открытость изменениям (OC)	-2,18	-3,21; -1,14	< 0,001	1,8%
Самоутверждение (A)	-3,75	-4,59; -2,91	< 0,001	7,5%
Сохранение (C)	7,01	6,02; 8	< 0,001	16,7%
Самопреодоление (ST)	6,14	5,13; 7,14	< 0,001	13%

Продолжение таблицы 29

<i>Компонент</i>	<i>β</i>	<i>95%-й ДИ</i>	<i>p</i>	<i>R²</i>
«Шкала психологического благополучия», PWB				
Положительное отношение к другим	0,19	0,12; 0,26	< 0,001	3,2%
Автономия	0,015	-0,066; 0,097	0,709	0%
Управление окружением	0,04	-0,028; 0,11	0,245	0,1%
Личностный рост	0,23	0,16; 0,31	< 0,001	4%
Цель в жизни	0,18	0,11; 0,25	< 0,001	2,5%
Самопринятие	0,036	-0,024; 0,097	0,239	0,1%
Общий балл по опроснику	0,031	0,016; 0,046	< 0,001	1,8%
«Методика измерения альтруистических установок»				
Шкала альтруизма	0,46	0,42; 0,5	< 0,001	33,8%
«Короткий опросник Темной тетрады», SD4				
Макиавеллизм	-0,68	-0,83; -0,52	< 0,001	7,2%
Нарциссизм	-0,49	-0,63; -0,36	< 0,001	5%
Психопатия	-0,44	-0,61; -0,28	< 0,001	2,9%
Садизм	-1,23	-1,37; -1,09	< 0,001	24,5%
«Шкала базисных убеждений», WAS				
Доброжелательность окружающего мира	0,27	0,18; 0,35	< 0,001	3,6%
Справедливость	0,63	0,48; 0,78	< 0,001	6,7%
Образ Я	-0,16	-0,26; -0,061	0,002	1%
Удача	0,46	0,36; 0,55	< 0,001	8,3%
Убеждения о контроле	-0,28	-0,41; -0,15	< 0,001	1,8%

В Таблице 30 представлены результаты многофакторного регрессионного анализа с отбором предикторов по субшкале «Религиозное благополучие, RWBS» на основе значений скорректированного коэффициента детерминации, в качестве нулевой модели рассматривалась модель с включением в качестве предиктора оценок компонента «Портретного ценностного опросника», PVQ-R2R –

«Конформизм: межличностный, COI», в итоговую модель были включены компоненты ценностного опросника «Безопасность: личная, SEP», «Универсализм: забота о других, UNC», «Традиция, TR» и «Открытость изменениям, ОС», компоненты «Шкала психологического благополучия», PWB – «Цель в жизни» и «Управление окружением», компонент «Методики измерения альтруистических установок» – «Шкала альтруизма», компоненты «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 – «Садизм», «Макиавеллизм» и «Психопатия», а также компоненты «Шкала базисных убеждений», WAS – «Удача», «Справедливость», «Доброжелательность окружающего мира» и «Убеждения о контроле». Модель с включением в качестве предикторов указанных компонентов объясняла 55,8% дисперсии зависимой переменной. Значения VIF для всех предикторов находятся в диапазоне от 1,46 до 2,43, что свидетельствует об отсутствии мультиколлинеарности.

Статистически значимый положительный вклад в религиозное благополучие продемонстрировали следующие предикторы: «Конформизм: межличностный», COI ($\beta = 4,49$ [3,75; 5,23], $p < 0,001$), «Безопасность: личная», SEP ($\beta = 0,82$ [0,12; 1,52], $p = 0,022$), «Цель в жизни», PWB ($\beta = 0,11$ [0,032; 0,18], $p = 0,005$), шкала альтруизма ($\beta = 0,21$ [0,16; 0,25], $p < 0,001$), «Психопатия», SD4 ($\beta = 0,35$ [0,21; 0,5], $p < 0,001$), «Удача», WAS ($\beta = 0,19$ [0,11; 0,27], $p < 0,001$) и «Справедливость», WAS ($\beta = 0,2$ [0,074; 0,33], $p = 0,002$).

Отрицательными предикторами выступили: «Универсализм: забота о других», UNC ($\beta = -1,1$ [-1,91; -0,29], $p = 0,008$), «Открытость изменениям», ОС ($\beta = -1,59$ [-2,5; -0,68], $p < 0,001$), «Управление окружением», PWB ($\beta = -0,091$ [-0,16; -0,023], $p = 0,009$), «Садизм», SD4 ($\beta = -0,68$ [-0,84; -0,53], $p < 0,001$), «Доброжелательность окружающего мира», WAS ($\beta = -0,081$ [-0,16; -0,005], $p = 0,038$) и «Убеждения о контроле», WAS ($\beta = -0,22$ [-0,34; -0,1], $p < 0,001$).

В данной модели не был подтвержден статистически значимый вклад предикторов «Традиция», TR ($\beta = -0,56$ [-1,14; 0,02], $p = 0,059$) и «Макиавеллизм», SD4 ($\beta = 0,12$ [-0,019; 0,26], $p = 0,092$).

Самый методологически важный результат – выявление переменных, чья связь с зависимой переменной изменила направление при переходе к многофакторной модели (эффекты подавления). Психопатия в однофакторном анализе – значимый негативный предиктор, а в многофакторной модели – статистически значимый позитивный предиктор. «Универсализм: забота о других», UNC: позитивный предиктор в однофакторной модели – и значимый негативный в многофакторной. Позитивный вклад психопатии при контроле садизма следует интерпретировать как статистически уникальный компонент (например, низкая тревожность и стрессоустойчивость), а не как «адаптивность психопатии» в целом, сходные неоднозначные паттерны обсуждаются в исследованиях связи религиозности и духовности с психопатией и садизмом [73; 84; 244]. Смена знака у ценности заботы о других согласуется с идеей различения внутренней и внешней религиозности, при контроле общей просоциальности [73; 124].

Построенная модель обладает высокой предсказательной силой и выявляет сложную, многомерную структуру взаимосвязей религиозного благополучия с личностными диспозициями. Религиозное благополучие положительно ассоциировано с *ценностями конформности и безопасности, наличием целей в жизни, альтруистическими установками, базисными убеждениями в удаче и справедливости*, а также с выраженностью *психопатических черт* самоотчёта по «Короткому опроснику Темной тетрады». Отрицательные связи обнаружены с *ценностями универсализма (забота) и открытости изменениям*, высоким уровнем субъективного управления окружением, *садистическими тенденциями*, а также с *убеждённостью в доброжелательности мира и в личном контроле над событиями*. Полученные результаты позволяют рассматривать религиозное благополучие как многомерный феномен, связанный не только с консервативными и просоциальными ориентациями, но и с комплексом адаптивных и некоторых дезадаптивных личностных характеристик.

Полученная структура итоговых предикторов религиозного благополучия согласуется с моделью 1.2.6 и указывает на ведущую роль нормативно-идентификационного и просоциально-этического контуров: межличностный

конформизм (COR) и альтруистические установки формируют ядро религиозного благополучия, отражая ориентацию на поддержание социальной согласованности, принятие норм значимой общности и морально-одобряемые формы поведения. Вклад цели в жизни и базисных убеждений в справедливости и удаче уточняет механизм: религиозное благополучие возрастает при наличии смысловой организованности (регуляторно-ресурсный уровень) и мировоззренческой опоры (ценностно-смысловой уровень), обеспечивающих переживание упорядоченности и предсказуемости мира. Одновременно отрицательная связь с ориентацией на личный контроль и открытость изменениям указывает на потенциальный конфликт между установкой на личный контроль управления жизнью и религиозной установкой трансцендентной опоры на высшие силы, что концептуально соответствует детерминационному механизму «снижения субъективной потребности в контроле» в структуре религиозной духовности (см. раздел 1.2.6).

Таблица 30 – Результаты многофакторного анализа компонентов шкал в качестве предикторов оценок по субшкале «Религиозного благополучия», RWBS

<i>Предиктор</i>		β	95%-й ДИ	p	VIF
Свободный член		17,6	–	–	–
«Портретный ценностный опросник», PVQ-R2R	Конформизм: межличностный (COI)	4,49	3,75; 5,23	< 0,001	2,2
	Безопасность: личная (SEP)	0,82	0,12; 1,52	0,022	1,84
	Универсализм: забота о других (UNC)	-1,1	-1,91; -0,29	0,008	1,91
	Традиция (TR)	-0,56	-1,14; 0,02	0,059	1,55
	Открытость изменениям (OC)	-1,59	-2,5; -0,68	< 0,001	1,7
«Шкала психологического благополучия», PWB	Цель в жизни	0,11	0,032; 0,18	0,005	2,43
	Управление окружением	-0,091	-0,16; -0,023	0,009	2,19
«Методика измерения альтруистических установок»	Шкала альтруизма	0,21	0,16; 0,25	< 0,001	1,93
«Короткий опросник Темной тетрады», SD4	Садизм	-0,68	-0,84; -0,53	< 0,001	2,15
	Макиавеллизм	0,12	-0,019; 0,26	0,092	1,64
	Психопатия	0,35	0,21; 0,5	< 0,001	1,64
«Шкала базисных убеждений», WAS	Удача	0,19	0,11; 0,27	< 0,001	1,46
	Справедливость	0,2	0,074; 0,33	0,002	1,54
	Доброжелательность окружающего мира	-0,081	-0,16; -0,005	0,038	1,65
	Убеждения о контроле	-0,22	-0,34; -0,1	< 0,001	1,82

3.4.3. Предикторы экзистенциального благополучия

Проведённый однофакторный линейный регрессионный анализ позволил оценить вклад отдельных психологических конструктов в прогнозирование показателей по субшкале «Экзистенциальное благополучие», EWBS. Результаты представлены в Таблице 31.

Анализ выявил дифференцированную прогностическую силу ценностных блоков, наиболее мощными позитивными предикторами экзистенциального благополучия выступили ценности высшего порядка Самопреодоления, ST ($\beta = 2,88$ [2,17; 3,58], $p < 0,001$, $R^2 = 6,3\%$) и Сохранения, С ($\beta = 2,36$ [1,64; 3,08], $p < 0,001$, $R^2 = 4,2\%$). Внутри этих блоков максимальный индивидуальный вклад продемонстрировали: Универсализм: забота о природе, UNN ($\beta = 2,35$ [1,79; 2,90], $p < 0,001$, $R^2 = 6,7\%$), Конформизм: межличностный, COI ($\beta = 2,34$ [1,86; 2,82], $p < 0,001$, $R^2 = 8,7\%$), Традиция, TR ($\beta = 1,84$ [1,39; 2,30], $p < 0,001$, $R^2 = 6,2\%$).

Напротив, блок ценностей высшего порядка - Самоутверждение, А ($\beta = -1,64$ [-2,22; -1,06], $p < 0,001$, $R^2 = 3,1\%$) и входящие в него ценности Власти: доминирование, POD ($\beta = -1,45$ [-1,88; -1,02], $p < 0,001$, $R^2 = 4,4\%$), Власть: ресурсы, POR ($\beta = -1,19$ [-1,66; -0,72], $p < 0,001$, $R^2 = 2,5\%$), Репутация, FAC ($\beta = -0,87$ [-1,31; -0,43], $p < 0,001$, $R^2 = 1,5\%$) и Гедонизма, HE ($\beta = -0,65$ [-1,08; -0,23], $p = 0,003$, $R^2 = 0,9\%$) оказались статистически значимыми негативными предикторами.

Показатели психологического благополучия демонстрируют наиболее высокую прогностическую мощность в отношении экзистенциального благополучия. Совокупный балл «Шкалы психологического благополучия», PWB объясняет 27,1% дисперсии признака ($\beta = 0,083$ [0,074; 0,091], $p < 0,001$). Среди отдельных компонентов ведущая роль принадлежит таким параметрам, как «Самопринятие» ($\beta = 0,33$ [0,29; 0,37], $p < 0,001$, $R^2 = 25,9\%$), «Цель в жизни» ($\beta = 0,37$ [0,33; 0,41], $p < 0,001$, $R^2 = 24,3\%$) и «Управление окружением» ($\beta = 0,33$ [0,29; 0,37], $p < 0,001$, $R^2 = 20,5\%$), «Положительное отношение к другим» ($\beta = 0,30$ [0,26; 0,34], $p < 0,001$, $R^2 = 16,9\%$) и «Личностный рост» ($\beta = 0,27$ [0,22; 0,31], $p < 0,001$, $R^2 = 11,5\%$), наименьший вклад наблюдается у «Автономии» ($\beta = 0,16$ [0,11; 0,22], $p < 0,001$, $R^2 = 3,5\%$).

Таблица 31 – Результаты однофакторного анализа компонентов шкал в качестве предикторов оценок по субшкале «Экзистенциального благополучия», EWBS

<i>Компонент</i>	β	95%-й ДИ	p	R^2
«Портретный ценностный опросник», PVQ-R2R				
Самостоятельность: мысли (SDT)	0,52	0,006; 1,04	0,047	0,4%
Самостоятельность: поступки (SDA)	0,79	0,21; 1,37	0,008	0,7%
Стимуляция (ST)	-0,25	-0,79; 0,3	0,374	0,1%
Гедонизм (HE)	-0,65	-1,08; -0,23	0,003	0,9%
Достижение (AC)	-0,48	-0,89; -0,067	0,023	0,5%
Власть: доминирование (POD)	-1,45	-1,88; -1,02	< 0,001	4,4%
Власть: ресурсы (POR)	-1,19	-1,66; -0,72	< 0,001	2,5%
Репутация (FAC)	-0,87	-1,31; -0,43	< 0,001	1,5%
Безопасность: личная (SEP)	1,56	1,05; 2,08	< 0,001	3,6%
Безопасность: общественная (SES)	0,76	0,22; 1,31	0,006	0,8%
Традиция (TR)	1,84	1,39; 2,3	< 0,001	6,2%
Конформизм: правила (COR)	1,11	0,64; 1,59	< 0,001	2,2%
Конформизм: межличностный (COI)	2,34	1,86; 2,82	< 0,001	8,7%
Скромность (HUM)	1,07	0,58; 1,56	< 0,001	1,9%
Универсализм: забота о других (UNC)	1,61	1,03; 2,19	< 0,001	3%
Универсализм: забота о природе (UNN)	2,35	1,79; 2,9	< 0,001	6,7%
Универсализм: толерантность (UNT)	1,3	0,77; 1,83	< 0,001	2,3%
Благожелательность: забота (BEC)	1,37	0,9; 1,83	< 0,001	3,4%
Благожелательность: чувство долга (BED)	1,42	0,94; 1,91	< 0,001	3,3%
Открытость изменениям (OC)	-0,013	-0,72; 0,69	0,97	0%
Самоутверждение (A)	-1,64	-2,22; -1,06	< 0,001	3,1%
Сохранение (C)	2,36	1,64; 3,08	< 0,001	4,2%
Самопреодоление (ST)	2,88	2,17; 3,58	< 0,001	6,3%

Продолжение таблицы 31

<i>Компонент</i>	β	95%-й ДИ	p	R^2
«Шкала психологического благополучия», PWB				
Положительное отношение к другим	0,3	0,26; 0,34	< 0,001	16,9%
Автономия	0,16	0,11; 0,22	< 0,001	3,5%
Управление окружением	0,33	0,29; 0,37	< 0,001	20,5%
Личностный рост	0,27	0,22; 0,31	< 0,001	11,5%
Цель в жизни	0,37	0,33; 0,41	< 0,001	24,3%
Самопринятие	0,33	0,29; 0,37	< 0,001	25,9%
Общий балл по опроснику ШПБ	0,083	0,074; 0,091	< 0,001	27,1%
«Методика измерения альтруистических установок»				
Шкала альтруизма	0,19	0,16; 0,23	< 0,001	13,1%
«Короткий опросник Темной тетрады», SD4				
Макиавеллизм	-0,39	-0,49; -0,28	< 0,001	5,2%
Нарциссизм	0,055	-0,039; 0,15	0,25	0,1%
Психопатия	-0,43	-0,54; -0,32	< 0,001	6%
Садизм	-0,38	-0,49; -0,28	< 0,001	5,2%
«Шкала базисных убеждений», WAS				
Доброжелательность окружающего мира	0,4	0,35; 0,46	< 0,001	17,8%
Справедливость	0,65	0,55; 0,75	< 0,001	15,5%
Образ Я	0,27	0,21; 0,34	< 0,001	6,4%
Удача	0,46	0,4; 0,52	< 0,001	18,6%
Убеждения о контроле	0,28	0,19; 0,37	< 0,001	4%

Полученные данные подтверждают тесную конвергентную связь между психологическим и экзистенциальным компонентами общего благополучия личности. Это соответствует трактовке экзистенциального компонента духовного благополучия как смысловой регуляции и субъективной целостности [143; 234]. Шкала альтруизма является значимым положительным предиктором ($\beta = 0,19$

[0,16; 0,23], $p < 0,001$), объясняя 13,1% дисперсии экзистенциального благополучия.

В блоке личностных свойств «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 выявлена негативная прогностическая значимость макиавеллизма, психопатии и садизма. Наибольшее отрицательное влияние на экзистенциальное благополучие оказывает психопатия ($\beta = -0,43$ [-0,54; -0,32], $p < 0,001$, $R^2 = 6,0\%$), а также Макиавеллизм ($\beta = -0,39$ [-0,49; -0,28], $p < 0,001$) и садизм ($\beta = -0,38$ [-0,49; -0,28], $p < 0,001$) по 5,2% объяснимой дисперсии для каждого). Примечательно, что нарциссизм показал статистически незначимую связь с зависимой переменной ($\beta = 0,055$ [-0,039; 0,15], $p = 0,25$).

Все исследуемые параметры базисных убеждений выступают значимыми предикторами экзистенциального благополучия. Наибольший вклад вносят убеждения в собственной удачливости ($\beta = 0,46$ [0,40; 0,52], $p < 0,001$, $R^2 = 18,6\%$), доброжелательности окружающего мира ($\beta = 0,40$ [0,35; 0,46], $p < 0,001$, $R^2 = 17,8\%$), убеждения в справедливости ($\beta = 0,65$ [0,55; 0,75], $p < 0,001$, $R^2 = 15,5\%$). Менее выраженным, но значимым является вклад позитивного образа «Я» ($\beta = 0,27$ [0,21; 0,34], $p < 0,001$, $R^2 = 6,4\%$) и убеждений о контролируемости происходящих событий ($\beta = 0,28$ [0,19; 0,37], $p < 0,001$, $R^2 = 4,0\%$).

Таким образом, наиболее мощными предикторами высокого уровня экзистенциального благополучия в однофакторной модели является психологическое благополучие (27,1%) и его компоненты (самопринятие (25,9%), цель в жизни (24,3%), управление окружением (20,5%), положительное отношение к другим (16,9%) и личностный рост (11,5%)), базисные убеждения (в удаче (18,6%), доброжелательности окружающего мира (17,8%) и справедливости (15,5%)), альтруистические установки (13,1%) и преобладание ценностей самопреодоления (6,3%), межличностного конформизма (8,7%), заботы о природе (6,7%) и традиций (6,2%).

В Таблице 32 представлены результаты многофакторного регрессионного анализа с отбором предикторов по субшкале «Экзистенциальное благополучие (EWB)» на основе значений скорректированного коэффициента детерминации, в

качестве нулевой модели рассматривалась модель с включением в качестве предиктора оценок компонента «Шкалы психологического благополучия», PWB - «Самопринятие», в итоговую модель были включены компоненты «Портретного ценностного опросника», PVQ-R2R – «Конформизм: межличностный» (COR), «Традиция» (TR), «Репутация» (FAC) и «Стимуляция» (ST), а также «Универсализм: толерантность» (UNT), компоненты «Шкалы психологического благополучия», PWB – «Цель в жизни» и «Управление окружением», компонент «Методики измерения альтруистических установок» – «Шкала альтруизма», а также компоненты «Шкалы базисных убеждений», WAS – «Удача», «Доброжелательность окружающего мира», «Справедливость» и «Образ Я». Модель с включением в качестве предикторов указанных компонентов объясняла 44,9% дисперсии зависимой переменной.

Таблица 32 – Результаты многофакторного анализа компонентов шкал в качестве предикторов оценок по субшкале «Экзистенциального благополучия», EWBS

<i>Предиктор</i>		β	95%-й ДИ	p	VIF
Свободный член		16,6	–	–	–
«Портретный ценностный опросник», PVQ-R2R	Конформизм: межличностный (COR)	0,89	0,4; 1,39	< 0,001	1,7
	Традиция (TR)	0,46	0,035; 0,89	0,034	1,47
	Универсализм: толерантность (UNT)	-0,67	-1,19; -0,14	0,013	1,7
	Репутация (FAC)	-1	-1,37; -0,62	< 0,001	1,27
	Стимуляция (ST)	-0,42	-0,86; 0,02	0,061	1,17
«Шкала психологического благополучия», PWB	Самопринятие	0,18	0,13; 0,24	< 0,001	3,62
	Цель в жизни	0,11	0,056; 0,17	< 0,001	2,67
	Управление окружением	0,046	-0,009; 0,1	0,101	2,51
«Методика измерения альтруистических установок»	Шкала альтруизма	0,079	0,044; 0,11	< 0,001	1,85
«Шкала базисных убеждений», WAS	Удача	0,077	0,013; 0,14	0,019	1,6
	Доброжелательность окружающего мира	0,088	0,032; 0,14	0,002	1,56
	Справедливость	0,2	0,1; 0,29	< 0,001	1,48
	Образ Я	-0,1	-0,18; -0,029	0,007	2,1

Значения VIF для всех предикторов находятся в диапазоне от 1.17 до 3.62, ни одно из значений не превышает общепринятый порог в 5, что свидетельствует об отсутствии критической мультиколлинеарности и включенные предикторы

являются относительно независимыми. Факторами, препятствующими достижению экзистенциального благополучия, выступают *психопатия* (6%), *садизм* (5,2%) и *Макиавелизм* (5,2%) и *ценности самоутверждения* (3,1%). Выявленные связи носят ассоциативный характер на основе однофакторного анализа, и для установления уникального вклада каждого предиктора необходимы дальнейшие исследования с использованием многофакторных моделей.

Статистически значимый положительный вклад в экзистенциальное благополучие продемонстрировали следующие предикторы: «Конформизм: межличностный», COI ($\beta = 0,89$ [0,4; 1,39], $p < 0,001$), «Традиция», TR ($\beta = 0,46$ [0,035; 0,89], $p = 0,034$), «Справедливость», WAS ($\beta = 0,2$ [0,1; 0,29], $p < 0,001$), «Самопринятие», PWB ($\beta = 0,18$ [0,13; 0,24], $p < 0,001$), «Цель в жизни», PWB ($\beta = 0,11$ [0,056; 0,17], $p < 0,001$), «Доброжелательность окружающего мира», WAS ($\beta = 0,088$ [0,032; 0,14], $p = 0,002$), шкала альтруизма ($\beta = 0,079$ [0,044; 0,11], $p < 0,001$), «Удача», WAS ($\beta = 0,077$ [0,013; 0,14], $p = 0,019$).

Достоверный негативный вклад был зафиксирован для компонентов «Репутации», FAC ($\beta = -1,0$ [-1,37; -0,62], $p < 0,001$), «Универсализм: толерантность», UNT ($\beta = -0,67$ [-1,19; -0,14], $p = 0,013$) и «Образ Я», WAS ($\beta = -0,1$ [-0,18; -0,029], $p = 0,007$).

В данной модели не был подтвержден статистически значимый вклад предикторов «Стимуляция», ST ($\beta = -0,42$ [-0,86; 0,02], $p = 0,061$) и «Управление окружением», PWB ($\beta = 0,046$ [-0,009; 0,1], $p = 0,101$).

Ключевой результат – отсутствие тёмных черт в итоговой модели – указывает, что их вклад в экзистенциальное неблагополучие носит преимущественно опосредованный характер, через дефицит просоциальности, смысложизненных ресурсов и негативные мировоззренческие установки, а не уникальный прямой вклад.

Построенная многофакторная регрессионная модель, включающая переменные из сфер ценностей, психологического благополучия, альтруизма и базисных убеждений, является статистически адекватной и объясняет существенную долю вариативности экзистенциального благополучия. Результаты

указывают на комплексный характер детерминации экзистенциального благополучия, где ключевую роль играют ценности конформизма и традиций, убеждения в справедливости и доброжелательности окружающего мира и удаче, позитивное принятие себя и наличие цели в жизни и альтруистическими установками. Отрицательные связи обнаружены с ценностями поддержанием публичной репутации, выраженностью «Образа Я» и «Универсализма: толерантность». Полученные результаты позволяют рассматривать экзистенциальное благополучие как сложный конструкт, который в данной модели в значительной степени определяется личностными ценностями, компонентами психологического благополучия, альтруистическими установками и глубинными убеждениями о мире и себе.

Полученная структура предикторов экзистенциального благополучия согласуется с положениями модели (параграф 1.2.6) о ведущей роли смысловжизненного и когнитивно-мировоззренческого контуров в детерминации экзистенциального благополучия. Ядро модели образуют показатели смысловой саморегуляции и интеграции Я (самопринятие и цель в жизни), а также базисные убеждения о предсказуемости и «упорядоченности» мира (справедливость, доброжелательность окружающего мира, удача). В совокупности эти переменные описывают механизм поддержания субъективной целостности и осмысленности жизненного опыта: экзистенциальное благополучие усиливается, когда личность располагает устойчивой системой целей и принимает себя, а мир воспринимается как в целом доброжелательный и упорядоченный, что снижает уровень экзистенциальной неопределенности и поддерживает непротиворечивую жизненную картину мира (см. параграф 1.2.6).

Такая конфигурация поддерживает тезис модели (см. параграф 1.2.6) о том, что экзистенциальное благополучие в большей степени чувствительно к механизмам смысловой интеграции и мировоззренческой упорядоченности, чем к отдельным диспозициональным рискам, которые действуют через систему личностных ресурсов.

3.4.3. Предикторы общего духовного благополучия

Проведённый однофакторный линейный регрессионный анализ позволил оценить вклад отдельных психологических конструктов в прогнозирование показателей по шкале «Духовного благополучия», SWBS. Результаты представлены в Таблице 33.

Анализ выявил дифференцированную прогностическую силу ценностных блоков, наиболее мощными позитивными предикторами духовного благополучия выступили ценности высшего порядка Сохранение, C ($\beta = 9,37$ [7,96; 10,8], $p < 0,001$, $R^2 = 15,1\%$) и Самопреодоление, ST ($\beta = 9,01$ [7,61; 10,4], $p < 0,001$, $R^2 = 14,2\%$). Внутри этих блоков максимальный индивидуальный вклад продемонстрировали: Конформизм: межличностный, COI ($\beta = 9,46$ [8,6; 10,3], $p < 0,001$, $R^2 = 32,8\%$), Универсализм: забота о природе, UNN ($\beta = 7,12$ [6,01; 8,23], $p < 0,001$, $R^2 = 14,3\%$), Безопасность: личная, SEP ($\beta = 6,17$ [5,16; 7,18], $p < 0,001$, $R^2 = 13,0\%$), Универсализм: забота о других, UNC ($\beta = 5,61$ [4,43; 6,79], $p < 0,001$, $R^2 = 8,4\%$), Универсализм: толерантность, UNT ($\beta = 4,93$ [3,86; 6,01], $p < 0,001$, $R^2 = 7,8\%$), Традиция, TR ($\beta = 4,59$ [3,65; 5,52], $p < 0,001$, $R^2 = 8,8\%$), Благожелательность: забота, BEC ($\beta = 4,29$ [3,35; 5,23], $p < 0,001$, $R^2 = 7,7\%$), Конформизм: правила, COR ($\beta = 4,21$ [3,25; 5,17], $p < 0,001$, $R^2 = 7,2\%$), Скромность, HUM ($\beta = 3,77$ [2,76; 4,77], $p < 0,001$, $R^2 = 5,3\%$), Благожелательность: чувство долга, BED ($\beta = 3,07$ [2,07; 4,08], $p < 0,001$, $R^2 = 3,6\%$), Безопасность: общественная, SES ($\beta = 2,82$ [1,69; 3,95], $p < 0,001$, $R^2 = 2,5\%$).

Блоки ценностей высшего порядка Самоутверждение, A ($\beta = -5,39$ [-6,57; -4,21], $p < 0,001$, $R^2 = 7,8\%$) и Открытость изменениям, OC ($\beta = -2,19$ [-3,65; -0,73], $p = 0,003$, $R^2 = 0,9\%$) выступали отрицательными предикторами духовного благополучия. Внутри этих блоков максимальный индивидуальный вклад продемонстрировали: Власть: доминирование, POD ($\beta = -4,61$ [-5,47; -3,74], $p < 0,001$, $R^2 = 10,2\%$), Гедонизм, HE ($\beta = -3,74$ [-4,6; -2,88], $p < 0,001$, $R^2 = 7,1\%$), Власть: ресурсы, POR ($\beta = -3,62$ [-4,58; -2,66], $p < 0,001$, $R^2 = 5,4\%$), Достижения, AC ($\beta = -2,58$ [-3,42; -1,74], $p < 0,001$, $R^2 = 3,7\%$) и Стимуляция, ST ($\beta = -1,6$ [-2,72;

-0,47], $p = 0,005$, $R^2 = 0,8\%$) являясь статистически значимыми негативными предикторами.

Ценность Самостоятельности: поступки, SDT показала слабую позитивную связь, а Самостоятельность: мысли, SDA и Репутация, FAC не достигли статистической значимости.

Все показатели психологического благополучия являлись значимыми и умеренными позитивными предикторами духовного благополучия. Наибольший вклад вносили субшкалы «Цель в жизни» ($\beta = 0,55$ [0,46; 0,64], $p < 0,001$, $R^2 = 12,3\%$), «Личностный рост» ($\beta = 0,5$ [0,4; 0,6], $p < 0,001$, $R^2 = 9,3\%$), «Положительное отношение к другим» ($\beta = 0,49$ [0,4; 0,58], $p < 0,001$, $R^2 = 10,5\%$), Самопринятие» ($\beta = 0,37$ [0,28; 0,45], $p < 0,001$, $R^2 = 7,4\%$), «Управление окружением» ($\beta = 0,37$ [0,28; 0,46], $p < 0,001$, $R^2 = 6,0\%$). Совокупный балл «Шкалы психологического благополучия», PWB показал надежную прогностическую способность, объясняя 11,9% дисперсии признака ($\beta = 0,11$ [0,094; 0,13], $p < 0,001$).

Исключительно высокую прогностическую силу продемонстрировала шкала альтруизма ($\beta = 0,65$ [0,6; 0,71], $p < 0,001$, $R^2 = 34,5\%$), объясняя более трети дисперсии показателей духовного благополучия.

Все компоненты «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 выступили статистически значимыми негативными предикторами духовного благополучия. Наиболее деструктивное влияние оказывает садизм ($\beta = -1,62$ [-1,81; -1,42], $p < 0,001$, $R^2 = 21,3\%$). Существенный негативный вклад вносят также Макиавеллизм ($\beta = -1,07$ [-1,28; -0,85], $p < 0,001$, $R^2 = 9,1\%$) и психопатия ($\beta = -0,88$ [-1,1; -0,65], $p < 0,001$, $R^2 = 5,7\%$). Нарциссизм показал наиболее слабую, но значимую обратную связь ($\beta = -0,44$ [-0,63; -0,24], $p < 0,001$, $R^2 = 2,0\%$).

Среди базисных убеждений наибольший вклад в предсказание духовного благополучия вносят убеждения в справедливости ($\beta = 1,28$ [1,08; 1,49], $p < 0,001$, $R^2 = 14,0\%$), собственной удачи ($\beta = 0,92$ [0,79; 1,05], $p < 0,001$, $R^2 = 17,0\%$) и доброжелательности окружающего мира ($\beta = 0,67$ [0,55; 0,78], $p < 0,001$, $R^2 = 11,4\%$). Убеждения о контроле и образ Я не показали статистически значимой связи с духовным благополучием.

Таблица 33 – Результаты однофакторного анализа компонентов шкал в качестве предикторов оценок по шкале «Духовное благополучия», SWBS

<i>Компонент</i>	β	95%-й ДИ	p	R^2
«Портретный ценностный опросник», PVQ-R2R				
Самостоятельность: мысли (SDT)	0,68	-0,4; 1,75	0,218	0,2%
Самостоятельность: поступки (SDA)	1,93	0,73; 3,13	0,002	1%
Стимуляция (ST)	-1,6	-2,72; -0,47	0,005	0,8%
Гедонизм (HE)	-3,74	-4,6; -2,88	< 0,001	7,1%
Достижение (AC)	-2,58	-3,42; -1,74	< 0,001	3,7%
Власть: доминирование (POD)	-4,61	-5,47; -3,74	< 0,001	10,2%
Власть: ресурсы (POR)	-3,62	-4,58; -2,66	< 0,001	5,4%
Репутация (FAC)	-0,38	-1,3; 0,55	0,426	0,1%
Безопасность: личная (SEP)	6,17	5,16; 7,18	< 0,001	13%
Безопасность: общественная (SES)	2,82	1,69; 3,95	< 0,001	2,5%
Традиция (TR)	4,59	3,65; 5,52	< 0,001	8,8%
Конформизм: правила (COR)	4,21	3,25; 5,17	< 0,001	7,2%
Конформизм: межличностный (COI)	9,46	8,6; 10,3	< 0,001	32,8%
Скромность (HUM)	3,77	2,76; 4,77	< 0,001	5,3%
Универсализм: забота о других (UNC)	5,61	4,43; 6,79	< 0,001	8,4%
Универсализм: забота о природе (UNN)	7,12	6,01; 8,23	< 0,001	14,3%
Универсализм: толерантность (UNT)	4,93	3,86; 6,01	< 0,001	7,8%
Благожелательность: забота (BEC)	4,29	3,35; 5,23	< 0,001	7,7%
Благожелательность: чувство долга (BED)	3,07	2,07; 4,08	< 0,001	3,6%
Открытость изменениям (OC)	-2,19	-3,65; -0,73	0,003	0,9%
Самоутверждение (A)	-5,39	-6,57; -4,21	< 0,001	7,8%
Сохранение (C)	9,37	7,96; 10,8	< 0,001	15,1%
Самопреодоление (ST)	9,01	7,61; 10,4	< 0,001	14,2%

Продолжение таблицы 33

<i>Компонент</i>	β	<i>95%-й ДИ</i>	p	R^2
«Шкала психологического благополучия», PWB				
Положительное отношение к другим	0,49	0,4; 0,58	< 0,001	10,5%
Автономия	0,18	0,065; 0,29	0,002	1%
Управление окружением	0,37	0,28; 0,46	< 0,001	6%
Личностный рост	0,5	0,4; 0,6	< 0,001	9,3%
Цель в жизни	0,55	0,46; 0,64	< 0,001	12,3%
Самопринятие	0,37	0,28; 0,45	< 0,001	7,4%
Общий балл по опроснику ШПБ	0,11	0,094; 0,13	< 0,001	11,9%
«Методика измерения альтруистических установок»				
Шкала альтруизма	0,65	0,6; 0,71	< 0,001	34,5%
«Короткий опросник Темной тетрады», SD4				
Макиавеллизм	-1,07	-1,28; -0,85	< 0,001	9,1%
Нарциссизм	-0,44	-0,63; -0,24	< 0,001	2%
Психопатия	-0,88	-1,1; -0,65	< 0,001	5,7%
Садизм	-1,62	-1,81; -1,42	< 0,001	21,3%
«Шкала базисных убеждений», WAS				
Доброжелательность окружающего мира	0,67	0,55; 0,78	< 0,001	11,4%
Справедливость	1,28	1,08; 1,49	< 0,001	14%
Образ Я	0,11	-0,03; 0,25	0,122	0,2%
Удача	0,92	0,79; 1,05	< 0,001	17%
Убеждения о контроле	0	-0,19; 0,19	0,998	0%

Результаты однофакторного анализа позволяют заключить, что духовное благополучие обладает комплексной психологической структурой. Оно наиболее тесно и позитивно связано с *альтруистическими установками (34,5%), ценностями сохранения (15,1%) и самопреодоления (14,2%)* (особенно межличностным конформизмом (32,8%), заботой о природе (14,3%), личной

безопасностью (13%) и заботой о других (8,4%)), общее психологическое благополучие (11,9%) и отдельные его аспекты (наличием цели в жизни (12,3%) и положительным отношением к другим (10,5%)), а также с базисными убеждениями (в справедливости (14%), удаче (17%) и доброжелательности окружающего мира (11,4%)). Напротив, выраженность темных черт личности (особенно садизма (21,3%), а также Макиавеллизма (9,1%) и психопатии (5,7%)) и ценностей самоутверждения (7,8%) (власти (доминирования (10,2%) и ресурсы (5,4%)) и гедонизма (7,1%)) являются устойчивыми негативными предикторами духовного благополучия.

В Таблице 34 представлены результаты многофакторного регрессионного анализа с отбором предикторов по шкале «Духовное благополучие, SWBS» на основе значений скорректированного коэффициента детерминации, в качестве нулевой модели рассматривалась модель с включением в качестве предиктора оценок компонента «Методики измерения альтруистических установок» - «Шкала альтруизма», в модель были включены компоненты «Портретного ценностного опросника», PVQ-R2R – «Конформизм: межличностный, COI», «Безопасность: личная, SEP», «Универсализм: забота о других, UNC», «Универсализм: толерантность, UNT» и «Достижение, AC», компоненты «Шкала психологического благополучия», PWB – «Цель в жизни» и «Самопринятие», компоненты «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 – «Садизм» и «Психопатия», а также компоненты «Шкалы базисных убеждений», WAS – «Удача», «Справедливость» и «Убеждения о контроле». Модель с включением в качестве предикторов указанных компонентов объясняла 55,6% дисперсии зависимой переменной. Значения дисперсионного инфляционного фактора (VIF) для всех предикторов варьировались от 1,43 до 2,54, что свидетельствует об отсутствии критической мультиколлинеарности в модели.

Статистически значимый положительный вклад в духовное благополучие продемонстрировали следующие предикторы: «Конформизм: межличностный», COI ($\beta = 5.39 [4.36; 6.41]$, $p < 0,001$), «Справедливость», WAS ($\beta = 0,42 [0,24; 0,59]$, $p < 0,001$), «Удача», WAS ($\beta = 0,30 [0,19; 0,42]$, $p < 0,001$), шкала альтруизма ($\beta = 0,30 [0,23; 0,37]$, $p < 0,001$), «Цель в жизни», PWB ($\beta = 0,24 [0,13; 0,35]$, $p < 0,001$) и

психопатия, SD4 ($\beta = 0,29$ [0,098; 0,48], $p = 0,003$). Позитивный вклад психопатии следует трактовать как статистический «остаточный» эффект тёмного фактора личности - «D-core», например, низкая тревожность и стрессоустойчивость [73; 84; 244] и проверять в дальнейших исследованиях.

Достоверный негативный вклад был зафиксирован для компонентов «Универсализм: забота о других», UNC ($\beta = -1.85$ [-3.00; -0,71], $p = 0,002$), «Универсализм: толерантность», UNT ($\beta = -1.31$ [-2.32; -0,30], $p = 0,011$), «Достижение», AC ($\beta = -0,90$ [-1.61; -0,20], $p = 0,012$), садизм, SD4 ($\beta = -0,58$ [-0,79; -0,37], $p < 0,001$), «Убеждения о контроле», WAS ($\beta = -0,31$ [-0,47; -0,15], $p < 0,001$). Это поддерживает тезис о неоднородности духовного благополучия: при контроле альтруизма и конформизма, универсализм начинает отражать автономную моральную ориентацию и этическую регуляцию, которая может расходиться с конвенциональной и религиозной интеграцией [73; 124].

Для переменных «Самопринятия», PWB ($\beta = 0,084$ [-0,006; 0,17], $p = 0,068$) и «Безопасность: личная», SEP ($\beta = 0,74$ [-0,23; 1.72], $p = 0,136$) статистически значимого влияния на зависимую переменную не обнаружено ($p > 0,05$).

Таким образом, построенная регрессионная модель выявила значимую прогностическую силу комбинации ценностных ориентаций, базисных убеждений, черт Темной тетрады и аспектов психологического благополучия в отношении духовного благополучия личности. Духовное благополучие положительно ассоциировано с *ценностями конформизма, базисными убеждениями в справедливости и удаче, альтруистическими установками, наличием целей в жизни*, а также с выраженностью *психопатических черт* самоотчета по «Короткому опроснику Темной тетрады», SD4. Отрицательные связи обнаружены с *ценностями универсализма (в аспектах заботы о других и толерантности), ценностями достижений, садистическими тенденциями*, а также с *убежденностью в личном контроле над событиями*. Полученные данные, в частности противоречивый паттерн связей с конструктами Темной тетрады (позитивная роль психопатии при негативной – садизма) и дифференцированное влияние аспектов просоциальности (позитивная роль общего альтруизма при негативной роли ценности заботы о

других), указывают на сложный характер духовного благополучия как психологического конструкта.

Структура итоговых предикторов духовного благополучия концептуально соответствует модели параграфа 1.2.6, в которой духовное благополучие понимается как уровневый результат согласованной работы ценностно-смыслового, регуляторно-ресурсного и социально-поведенческого уровней саморегуляции при наличии диспозиционных ограничителей. В ядре эмпирической модели сохраняются межличностный конформизм, альтруистические установки, цель в жизни, а также базисные убеждения в справедливости и удаче. В терминах параграфа 1.2.6 эти предикторы описывают контур согласованности: духовное благополучие возрастает, когда:

1) ценностно-нормативная включённость в значимую общность и поддержание социальной гармонии выражены (межличностный конформизм, социально-поведенческий уровень);

2) присутствует ценностно согласованная просоциальная активность (альтруизм как поведенческий механизм внутренней согласованности);

3) жизненный опыт организован через смыслообразование и целевую направленность (цель в жизни как регуляторно-ресурсное звено);

4) мир воспринимается как закономерный и ценностно упорядоченный (справедливость и удача как элементы мировоззренческой опоры на ценностно-смысловом уровне).

Тем самым духовное благополучие в данной модели выступает показателем успешной интеграции ценностей, смыслов и форм поведения, обеспечивающей субъективную целостность и внутреннее согласие (см. параграф 1.2.6).

Негативные предикторы – садизм, убеждения о контроле и ценность достижения – дополняют параграф 1.2.6 через контур несовместимости, указывающий на факторы, структурно препятствующие ценностно-смысловой интеграции и связанности. Садизм, как наиболее поведенчески выраженная форма деструктивного мотивационного ядра, отражает готовность причинять вред и получать подкрепление от доминирования, такая диспозиция функционально

несовместима с просоциально-смысловыми основаниями духовного благополучия и выступает устойчивым фактором риска (диспозиционный уровень-ограничитель). Отрицательная роль убеждений о контроле и ориентации на достижения может отражать доминирование стратегий саморегуляции (самодетерминированный контроль, эффективность, индивидуальный успех), которые в данной выборке конкурируют с духовным благополучием, предполагающим принятие ограниченности, толерантность к неопределённости и опору на надындивидуальные смыслы (см. параграф 1.2.6).

Таблица 34 – Результаты многофакторного анализа компонентов шкал в качестве предикторов оценок по шкале «Духовного благополучия», SWBS

<i>Предиктор</i>		β	95%-й ДИ	p	VIF
Свободный член		32,5	–	–	–
«Портретный ценностный опросник», PVQ-R2R	Конформизм: межличностный (COI)	5,39	4,36; 6,41	< 0,001	2,13
	Безопасность: личная (SEP)	0,74	-0,23; 1,72	0,136	1,79
	Универсализм: забота о других (UNC)	-1,85	-3; -0,71	0,002	1,93
	Универсализм: толерантность (UNT)	-1,31	-2,32; -0,3	0,011	1,82
	Достижение (AC)	-0,9	-1,61; -0,2	0,012	1,51
«Шкала психологического благополучия», PWB	Цель в жизни	0,24	0,13; 0,35	< 0,001	2,54
	Самопринятие	0,084	-0,006; 0,17	0,068	2,48
«Методика измерения альтруистических установок»	Шкала альтруизма	0,3	0,23; 0,37	< 0,001	2,03
«Короткий опросник Темной тетрады», SD4	Садизм	-0,58	-0,79; -0,37	< 0,001	2
	Психопатия	0,29	0,098; 0,48	0,003	1,51
«Шкала базисных убеждений», WAS	Удача	0,3	0,19; 0,42	< 0,001	1,57
	Справедливость	0,42	0,24; 0,59	< 0,001	1,43
	Убеждения о контроле	-0,31	-0,47; -0,15	< 0,001	1,71

Особое интерпретационное значение в логике параграфа 1.2.6 имеют эффекты подавления. В многофакторной модели психопатия выступает позитивным предиктором духовного благополучия при одновременной отрицательной роли садизма, что позволяет предположить: после статистического контроля наиболее деструктивного компонента (сацистической жестокости) проявляется остаточный регуляторно-ресурсный компонент психопатии (например: низкая тревожность и стрессоустойчивость), который может уменьшать

экзистенциальное напряжение и субъективно поддерживать переживание устойчивости и «внутренней опоры», повышая интегральный показатель духовного благополучия. Негативные коэффициенты для универсализма указывают, что при контроле альтруизма и межличностного конформизма их уникальное содержание может отражать автономную моральную ориентацию, психологически не тождественную конвенциональной и нормативной интеграции духовности.

3.4.5. Построение предиктивной модели духовного благополучия

Сравнительный анализ результатов однофакторного и многофакторного регрессионного анализа предикторов *религиозного благополучия*.

Переход от однофакторного к многофакторному анализу позволил выявить уникальный вклад каждого предиктора при контроле влияния всех остальных, что привело к существенной переоценке и уточнению первоначально выявленных ассоциаций.

Универсализм: забота о других, BED: один из позитивных предикторов в однофакторной модели ($\beta = 4,0$) превратился в значимый негативный предиктор ($\beta = -1,1$) в многофакторной. Это говорит о существовании как минимум двух скрытых процессов: 1) общая просоциальная ориентация (совместная с альтруизмом и конформизмом) положительно связана с религиозным благополучием, что и проявлялось вначале; 2) при контроле этой общей диспозиции уникальное, секулярное, гуманистическое ядро ценности заботы о других людях (вне рамок религиозной общности) оказывается в оппозиции к сугубо религиозному благополучию.

Блоки высшего порядка (Сохранение, С, Самопреодоление, ST, Самоутверждение, А) и многие индивидуальные ценности (например, Гедонизм, НЕ, Власть, POD и POR) не вошли в итоговую модель, так как их дисперсия была более эффективно объяснена конкретными, узкими ценностями (например, Конформизм: межличностный, COI, Универсализм: забота о других, UNC).

Макиавеллизм и Традиция, TR утратили статистическую значимость ($p > 0,05$), что означает, что их вклад в однофакторном анализе полностью

объясняется их перекрытием с другими переменными в модели (например, макиавеллизм – с садизмом и психопатией, традиция – с межличностным конформизмом и убеждением в справедливости).

Некоторые переменные, чье влияние было скрыто в однофакторных связях, проявили уникальный вклад. Управление окружением, PWB в однофакторной модели связь была незначимой, в многофакторной проявился как негативный предиктор. Возможная интерпретация: когда контролируется общая просоциальность и ценности, высокое стремление к самостоятельному контролю над жизнью может вступать в конфликт с религиозной установкой как доверием высшим силам. Доброжелательность окружающего мира, WAS - сменила знак с положительного на отрицательный при контроле других убеждений (Удачи, Справедливости) – это может указывать на то, что религиозное благополучие в большей степени связано с верой в справедливый миропорядок и личное везение (как проявления веры в божественный промысел), чем с общей убежденностью в доброте мира.

Проведенный многофакторный анализ не просто подтвердил ряд гипотез, выдвинутых на основе однофакторных связей, но и выявил качественно новые закономерности.

Если на первом этапе религиозное благополучие представалось как функция преимущественно просоциальных и консервативных ориентаций, то итоговая модель демонстрирует его более сложную и диалектическую природу. Его ядро образует уникальный сплав межличностного конформизма, альтруизма и убеждений в справедливости/удачи. При этом выявлены оппозиционные отношения с гуманистической заботой о других и установкой на личный контроль.

Наиболее радикальным отличием от модели религиозного благополучия стало полное исчезновение всех черт «Темной тетрады», SD4, которые в однофакторном анализе были негативными предикторами. Это означает, что их связь с низким экзистенциальным благополучием полностью объясняется их перекрытием с другими переменными (например, с низким альтруизмом, низкими

ценностями Самопреодоления или негативными базисными убеждениями) и их вклад не является уникальным.

Многофакторный анализ позволил перейти от констатации тесной связи *экзистенциального благополучия* с психологическим благополучием к построению более специфической структурной модели. Ядро экзистенциального благополучия образует синтез самопринятия, наличия жизненных целей и убеждениями в справедливом и доброжелательном миропорядке, который умеренно поддерживается альтруистическими установками и консервативными ценностями (межличностный конформизм, традиция). Критически важным результатом является выявление оппозиционных отношений экзистенциального благополучия с ориентацией на социальную репутацию, установкой на толерантность и с ригидно-позитивным базисным убеждением «Образа Я». Исчезновение «Темной тетрады» из итоговой модели принципиально отличает детерминацию экзистенциального благополучия от религиозного благополучия и подчеркивает, что дезадаптивные черты не вносят самостоятельного вклада в экзистенциальное неблагополучие, а действуют опосредованно, через разрушение просоциальных и адаптивных личностных ресурсов.

Ядро *духовного благополучия* консервативно и просоциально, но эта просоциальность имеет избирательный характер, она основана на альтруизме и конформизме в близких отношениях, но противостоит универсалистской, индивидуалистической гуманистической этике. Выявленные эффекты подавления (смена знака у универсализма) и парадоксальные ассоциации (позитивная роль психопатии) являются методологически ключевыми результатами, подчеркивающими необходимость многомерного подхода и раскрывающими глубинные, часто скрытые конфликты ценностно-смысловой сферы личности, лежащие в основе духовного благополучия.

Для согласования эмпирических результатов с моделью детерминации, представленной в параграфе 1.2.6, создана обобщающая Таблица 35 «Контурсы детерминации и итоговые предикторы», в которой суммированы переменные, вносящие уникальный вклад в религиозное, экзистенциальное и общее духовное

благополучие по уровням модели (рисунок 15): ценностно-смысловой уровень (ценности и базисные убеждения), регуляторно-ресурсный уровень (смыслоразнообразная саморегуляция и компоненты PWB), социально-поведенческий уровень (альтруизм и нормативная включённость), а также диспозиционный риск-контур (тёмные черты как ограничители интеграции), описанный в параграфе 1.2.6.

Таблица 35 – Контуры детерминации и итоговые предикторы

<i>Контур детерминации</i>	<i>Операциона-лизация</i>	<i>Религиозное благополучие</i>	<i>Экзистенцио-нальное благополучие</i>	<i>Духовное благополучие</i>	<i>Интерпретация</i>
1	2	3	4	5	6
Мировоззренческий контур (ценностно-смысловой уровень: базовое доверие и упорядоченность мира)	WAS: справедливость, удача, доброжелательность мира, убеждения о контроле, образ Я	Удача (+), Справедливость (+), Доброжелательность мира (-), Контроль (-)	Справедливость (+), Удача (+), Доброжелательность мира (+), Образ Я (-)	Справедливость (+), Удача (+), Контроль (-)	Представление о закономерном и ценностно упорядоченном миропорядке (справедливость и удача) поддерживает все компоненты, акцент на персональном контроле снижает религиозный и интегральный компоненты. Разнонаправленность доброжелательности мира отражает перераспределение общей дисперсии между базисными убеждениями в совместных моделях
Нормативный контур (ценностно-смысловой уровень: социальная интеграция и сохранение)	PVQ-R2R: COI (конформизм межличностный), SEP (безопасность личная), TR (традиция), ОС (открытость изменениям), FAC (репутация), UNC / UNT (универсализм: забота/толерантность), AC (достижение)	COI (+), SEP (+), OC (-), UNC (-)	COI (+), TR (+), FAC (-), UNT (-)	COI (+), UNC (-), UNT (-), AC (-)	Ориентация на нормативную согласованность и принадлежность к значимой общности поддерживает религиозный и интегральный компоненты; при контроле общей просоциальности автономно-универсалистические ценности и ориентация на индивидуальные достижения проявляются как факторы несогласованности с конвенционально-нормативным вариантом духовной интеграции

Продолжение таблицы 35

1	2	3	4	5	6
Смысло-целевой контур (регуляторно-ресурсный уровень)	PWB: цель в жизни, самопринятие, управление окружением и др.	Цель в жизни (+), Управление окружением (-)	Самопринятие (+), Цель в жизни (+)	Цель в жизни (+)	Смысложизненная организованность (цель в жизни) выступает базовым механизмом поддержания благополучия. Для экзистенциального компонента критично также самопринятие. Негативный вклад управления окружением в религиозный компонент согласуется с конфликтом личного контроля и трансцендентной опоры
Просоциально-этический контур (социально-поведенческий уровень: отношения, поддержка, альтруизм как внутренней согласованности личности)	Методика измерения альтруистических установок: общий балл	Альтруизм (+)	Альтруизм (+)	Альтруизм (+)	Ценностно интегрированная просоциальность выступает устойчивым ресурсом связанности и внутреннего согласия, повышая все компоненты духовного благополучия
Диспозиционный риск-контур (диспозиционный уровень: «темное ядро» как ограничитель)	SD4: макиавелизм, нарциссизм, психопатия, садизм	Садизм (-), Психопатия (+) [эффект подавления]	– (в итоговую модель не включены)	Садизм (-), Психопатия (+) [эффект подавления]	Садизм как наиболее поведенчески выраженная форма деструктивного мотивационного ядра - «D-core» выступает устойчивым фактором риска. Положительный «остаточный» вклад психопатии возможен как статистический эффект подавления после контроля садизма и требует дополнительной проверки

Примечание – Итоговые предикторы указаны по многофакторным моделям (Таблицы 30, 32, 34), знак отражает направление связи (β) в совместной модели.

Тем самым результаты регрессионного анализа интерпретируются не как перечень ассоциаций, а как эмпирическая реконструкция контуров согласованности и несовместимости, задающих формирование и устойчивость духовного благополучия.

Проведенный однофакторный и многофакторный регрессионный анализы предикторов религиозного, экзистенциального и духовного благополучия *выявил следующее:*

Контуры детерминации	Религиозное благополучие	Духовное благополучие	Экзистенциальное благополучие
Мировоззренческий контур	Удача (+)		
	Справедливость (+)		
	Доброжелательность мира (-)		Доброжелательность мира (+)
	Контроль (-)		Образ Я (-)
Нормативный контур	Конформизм: межличностный (+)		
	Безопасность: личная (+)		Традиция (+)
	Универсализм: забота о других (-)		
		Универсализм: толерантность (-)	
Смысло-целевой контур	Открытость изменениям (-)	Достижение (-)	Репутация (-)
	Цель в жизни (+)		
			Самопринятие (+)
	Управление окружением (-)		
Просоциально-этический контур Диспозиционный риск-контур	Альтруизм (+)		
	Психопатия (+)		
	Садизм (-)		

Рисунок 15 – Визуализация итоговых предикторов религиозного, общего духовного и экзистенциального благополучия

1. Результаты регрессионных моделей в целом поддерживают уровневую схему, предложенную в параграфе 1.2.6: духовное благополучие прогнозируется конфигурацией предикторов ценностно-смыслового, регуляторно-ресурсного и социально-поведенческого уровней при наличии диспозиционных ограничителей.

2. Для религиозного и духовного благополучия ведущим является нормативно-идентификационный контур (COI / SEP) в сочетании с просоциально-этическим контуром (альтруизм) и мировоззренческой опорой (убеждения в справедливости и удаче), что описывает конвенционально-нормативный вариант духовной интеграции.

3. Для экзистенциального благополучия доминируют смысловой и мировоззренческий контуры: самопринятие и цель в жизни совместно с убеждениями о доброжелательности, справедливости и удаче формируют ядро экзистенциального компонента, нормативная включённость и альтруизм играют поддерживающую роль.

4. Диспозиционный риск-контур проявляется выборочно: садизм устойчиво снижает религиозное и духовное благополучие как прямой предиктор, для экзистенциального благополучия его вклад носит преимущественно

опосредованный характер и не сохраняется при контроле смысловых и мировоззренческих ресурсов.

5. Отрицательные эффекты убеждений о контроле и связанных показателей для религиозного и духовного благополучия согласуются с механизмом описанными в параграфе 1.2.6: смещение от доминирования личного контроля к смысловой или трансцендентной опоре.

6. Эффекты подавления (психопатия и универсализм) указывают на скрытую многомерность духовного благополучия: «парадокс психопатии» вероятнее отражает статистически остаточный компонент низкой тревожности и реактивности после контроля садизма, а смена знака универсализма – различие конвенционально-нормативной и автономной моральной ориентации.

Выводы по третьей главе

1. *Методологические основания исследования* подтверждены. Эмпирическое исследование проведено на общей выборке $N = 959$ с интерпретационным разделением на группы 14–21 год ($N = 197$) и ≥ 22 лет ($N = 762$). Возрастная граница 21–22 года обоснована данными психологии развития и социально-нормативным контекстом, деление носило вспомогательный характер: предиктивная модель строилась на всей выборке. В исследовании применён комплекс валидных методик, покрывающий ценностный, когнитивно-мировоззренческий, ресурсный, поведенческий и диспозиционный уровни (SWBS, PWB, Методика измерения альтруистических установок, PVQ-R2R, WAS, SD4) с высокими показателями надёжности ключевых шкал, использованы адекватные статистические процедуры.

2. Духовное благополучие имеет выраженные *возрастные различия*. В обеих возрастных группах экзистенциальное благополучие в среднем соответствует умеренному уровню, однако общее духовное благополучие и религиозное благополучие у взрослых статистически значимо выше, чем у подростков и юношей. Возраст значимо ассоциирован с религиозным и общим показателем духовного благополучия, эффект возраста заметно сильнее в юношеско-подростковом (14–21 год) и ослабевает после 40 лет для религиозного благополучия, для экзистенциального

благополучия общий средний предельный эффект слаб и в целом в выборке может быть статистически незначим, но у ≥ 22 лет появляется небольшой положительный эффект. Социально-демографические факторы вносят вклад, но не исчерпывают объяснение. В предиктивной модели на всей выборке возраст и наличие детей выступили независимыми предикторами более высокого общего духовного благополучия (оба эффекта статистически значимы) что указывает на роль жизненного цикла и «генеративных» контекстов (семейные роли, ответственность, долгосрочные смыслы), однако дальнейшие анализы показывают, что основная психологическая объяснительная сила сосредоточена в ценностно-смысловых, просоциальных и мировоззренческих переменных.

3. *Духовное и психологическое благополучие* тесно связаны, но связь неоднородна по компонентам. Во всех возрастах выявлены положительные связи SWBS с компонентами PWB, причём наиболее сильные корреляции устойчиво относятся к экзистенциальному благополучию и шкалам «Цель в жизни» и «Самопринятие». Это подтверждает, что ядро духовного благополучия в значительной мере опирается на смысло-целевую регуляцию и позитивное отношение к себе. Религиозное и экзистенциальное измерения духовного благополучия функционально различаются. Экзистенциальный компонент демонстрирует более сильные и устойчивые связи с психологическим благополучием, чем религиозный, что уточняет духовное благополучие как многомерный конструкт с разной психологической «опорой» его компонентов. В обеих возрастных группах автономия либо не связана, либо связана слабо с религиозным благополучием, что позволяет рассматривать религиозное благополучие как относительно самостоятельную линию развития, не сводимую к независимости и самоопределению. В регрессионной модели «Цель в жизни» выступает ключевым независимым психологическим предиктором общего духовного благополучия, что подтверждает центральную роль смысло-целевой регуляции.

Альтруистические установки являются устойчивым и сильным предиктором духовного благополучия. Во всех возрастах духовное благополучие положительно связано с альтруизмом (значимые корреляции по всем компонентам). При этом в

группе 14–21 лет связи сильнее, что может отражать большую «слитность» духовно-смысловой сферы и просоциальной направленности в молодом возрасте, во взрослом возрасте вероятно дифференциация источников духовного благополучия. Регрессионный анализ подтверждает независимый вклад альтруизма в общий уровень духовного благополучия.

Ценностный профиль духовного благополучия закономерен и возрастно чувствителен. Духовное благополучие положительно связано с ценностями Сохранения и Самопреодоления (традиция, конформизм, безопасность, универсализм, благожелательность) и отрицательно – с ценностями Самоутверждения и власти. Наиболее выраженным ценностным коррелятом и независимым предиктором выступает межличностный конформизм (TR), что подчёркивает роль ориентации на гармонию отношений и избегание межличностного ущерба. Обнаружены возрастные инверсии связей ценностей с духовным благополучием. Для ряда ценностей (в частности, гедонизм, репутация, достижения, самоутверждение, открытость изменениям) направление и значимость связей меняются при переходе к зрелости, что указывает на качественную перестройку ценностной регуляции духовного благополучия в жизненном цикле.

Базисные убеждения личности – значимый когнитивный контур духовного благополучия. Наиболее устойчиво духовное благополучие связано с убеждениями о справедливости и доброжелательности мира и собственной удаче, причём у молодёжи связи выраженнее, а во взрослом возрасте наблюдается ослабление и дифференциация (особенно для религиозного компонента). В многофакторной модели базисных убеждений независимыми предикторами духовного благополучия выступают «Справедливость» и «Удача». Это подчёркивает роль мировоззренческой опоры на упорядоченность и предсказуемость жизненных событий как когнитивного фундамента духовного благополучия.

Тёмные черты личности систематически связаны с более низким духовным благополучием. Все компоненты SD4 в среднем выше у группы 14–21 лет и ниже ≥ 22 лет. Наиболее устойчивый и сильный отрицательный фактор – садизм: он отрицательно связан со всеми компонентами духовного благополучия и остаётся

единственным независимым негативным предиктором духовного благополучия в итоговой модели тёмных черт.

4. Построенные *предиктивные модели* имеют высокую объяснительную способность и выявляют многоконтурную детерминацию. Для *общей шкалы духовного благополучия* детерминация носит системный характер и эмпирически раскрывается через сочетание:

- *мировоззренческий контур* (справедливость, удача);
- *ценностно-смысловой, нормативный контур* (межличностный конформизм, ценности сохранения и самопреодоления);
- *социально-поведенческий, просоциально-этический контур* (установка на альтруизм);
- *регуляторно-ресурсный, смысло-целевой контур* (цель в жизни);
- *диспозиционного риск-контура* (садизм как фактор риска).

Обнаружены *эффекты подавления* в многофакторных моделях, подтверждающие скрытую многомерность. В частности, для религиозного благополучия ряд предикторов меняет знак при контроле других переменных (пример: психопатия становится положительным предиктором при одновременном учёте садизма, ценность заботы о других меняет знак), что указывает на конкурирующие механизмы (например, различие «общей просоциальности» и специфических форм религиозности и нормативности). Это указывает на скрытую многомерность структуры детерминации и необходимость интерпретировать предикторы не изолированно, а в системе.

5. *Практические следствия* исследования. Результаты обосновывают целесообразность:

- включения в психологическое сопровождение работу со смыслом и целями, компонентами самопринятия и позитивных отношений, а также обсуждение духовных убеждений, особенно в группе ≥ 22 лет;
- в юношеско-подростковых программах развития делать акцент на экзистенциальном благополучии (осмысленность, перспективы, ценностная интеграция) и просоциальной направленности;

- учитывать риск-факторы, связанные с садистическими тенденциями, как маркеры уязвимости духовно-смысловой сферы;

- учёта ценностного напряжения (открытость изменениям и репутация по сравнению с межличностной согласованностью) при консультировании и психопрофилактике.

6. Духовное благополучие в русскоязычной выборке выступает системным показателем, интегрирующим смысло-целевую регуляцию, просоциальную направленность, ценностно-нормативную согласованность и базовые мировоззренческие убеждения при наличии диспозиционных ограничителе, при этом структура связей отличается в возрастных группах респондентов, отражая дифференциацию источников благополучия в юношеско-подростковом и взрослом возрастах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено проблеме психологических детерминант духовного благополучия личности, актуальность которой обусловлена запросом современной психологии на целостное понимание факторов психического здоровья и позитивного функционирования человека.

В соответствии с целью исследования – выявить и описать совокупность психологических характеристик, выступающих предикторами духовного благополучия человека – в работе были решены следующие задачи, при этом каждая из них внесла вклад в проверку гипотез, выносимых на защиту:

1. Обоснована теоретическая модель духовного благополучия как интегрального конструкта, имеющего двухкомпонентную структуру: религиозный (трансцендентный) и экзистенциальный (имманентный) компоненты, а также предложена уровневая логика его психологической детерминации (ценностно-смысловой, мировоззренческий, регуляторно-ресурсный, социально-поведенческий уровни и диспозиционный риск-контур). Это решение напрямую поддерживает *первую гипотезу* о специфическом сочетании ценностно-смысловых, индивидуально-психологических и социально-психологических факторов в детерминации двухкомпонентного духовного благополучия.

2. Адаптирована и психометрически верифицирована русскоязычная версия «Шкалы духовного благополучия»: подтверждена двухкомпонентная структура (RWBS и EWBS), показана высокая внутренняя согласованность шкал и валидность по связям с психологическим благополучием и ценностными ориентациями. Тем самым обеспечена методическая база для корректной *проверки гипотез* и дополнительно подтверждена ключевая часть *первой гипотезы* (единство религиозного и экзистенциального компонентов как структура конструкта).

3. Выявлены возрастные особенности духовного благополучия, показана возрастная дифференциация и относительная автономизация его компонентов и их психологических детерминант. Результаты уточняют условия проявления связей, заявленных в *гипотезах*, и показывают, что конфигурация детерминант различна на разных возрастных этапах, что подтверждает *вторую гипотезу*.

4. Описана система связей духовного благополучия с психологическими характеристиками личности (психологическое благополучие, ценности, базисные убеждения, альтруистические установки, негативные личностные черты) с учетом возрастной специфики и различий конфигурации связей. В частности, показаны устойчивые положительные связи показателей духовного благополучия (включая RWB и EWB) с компонентами PWB, а также сопряжённость духовного благополучия с альтруистическими установками, тем самым эмпирически подтверждена *третья гипотеза*.

5. Построены предиктивные модели духовного благополучия и его компонентов, что позволило выделить системные детерминанты и специфические предикторы:

- для интегрального показателя духовного благополучия в модели с отбором регрессоров (L1-регуляризация) получено $R^2 = 0,55$, при этом центральным независимым предиктором выступает компонент PWB «Цель в жизни», в более развёрнутой многофакторной модели SWB удерживаются предикторы разных «контуров» (ценности, компоненты PWB, альтруизм, базисные убеждения, тёмные черты), объяснённая дисперсия составляет 55,6%, признаки критической мультиколлинеарности отсутствуют;

- религиозное благополучие связано с просоциальным контуром, альтруизм демонстрирует высокую прогностическую силу, а также с «нормативно-консервативным» ценностным профилем, при отрицательном вкладе самоутверждающих ориентаций;

- экзистенциальное благополучие связано с смысло-целевой регуляцией (прежде всего «Цель в жизни» и «Управление окружением»), просоциальностью (альтруизм) и мировоззренческой согласованностью (убеждения о справедливости и доброжелательности мира, удаче и образе Я), при дополнительном вкладе ценностного профиля (конформизм, традиция, универсализм, стимуляция, репутация), итоговая модель объясняет 44,9% дисперсии и также не демонстрирует критической мультиколлинеарности.

Совокупно эти результаты подтверждают *четвертую гипотезу* о различающихся по содержанию предикторов для экзистенциального и религиозного измерений и о ведущей роли смысло-ценностных характеристик и позитивных убеждений для общего и экзистенциального благополучия.

Таким образом, полученные данные позволяют заключить, что все четыре гипотезы исследования получили эмпирическое подтверждение на уровне структурной модели конструктора, описания систем связей с психологическими характеристиками и построения предиктивных моделей для SWB, EWB и RWB.

Ряд ограничений смягчает выводы. Ограничения исследования связаны с несбалансированностью выборки по полу и религиозной самоидентификации, а также с использованием онлайн-формата сбора данных. Предыдущие исследования с использованием Шкалы духовного благополучия и связанных с ней инструментов показывают, что как структура духовного благополучия, так и ее корреляты могут варьироваться в зависимости от этнической принадлежности, религиозности и социокультурной среды. Поэтому необходимы межкультурные репликации, включая нерелигиозные и религиозно разнообразные выборки, для проверки обобщаемости выявленных конфигураций. Дисбаланс (преимущественно женская выборка) ограничивает обобщаемость результатов, поскольку проявления признаков могут быть поло-специфическими. Исследование было проведено преимущественно в Центральном федеральном округе Российской Федерации, где достаточно высокий уровень религиозного благополучия и ценности сохранения скорее являются нормой, чем исключением. Кроме того, из-за поперечного дизайна и самоотчетов нельзя говорить о причинно-следственных связях, ведь, ответы участников могли завесить от стремления выглядеть социально одобряемо. Есть также и методические ограничения, так как шкалы ценностей связаны между собой, поэтому оценки в регрессионных моделях могут быть не вполне устойчивыми.

Практическая ценность результатов состоит в том, что адаптированную версию «Шкалы духовного благополучия» можно использовать для его диагностики полученные в исследовании данные, для анализа и сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Криминология садизма / Ю. М. Антонян // Общество и право. – 2020. – Т. 2, № 72. – С. 41–48.
2. Атаджыкова, Ю. А. Феномен обыденного садизма / Ю. А. Атаджыкова, С. Н. Ениколопов. – DOI 10.11621/vsp.2021.01.02 // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2021. – № 1. – С. 38–56.
3. Бакушкин, И. А. Русскоязычная адаптация опросника «Шкала духовного благополучия» (Spiritual Well-Being Scale) / И. А. Бакушкин, Р. В. Ершова. – DOI 10.32744/pse.2025.2.25 // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 2. – С. 393–409.
4. Блинкова, А. О. Как измерить духовность? Обзор новых методик исследования духовности / А. О. Блинкова. – DOI 10.21638/spbu28.2023.109 // Вопросы теологии. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 147–164.
5. Буравлева, Н. А. Понятие «духовность» в современной психологии / Н. А. Буравлева // Вестник ТГПУ. – 2011. – Т. 12, № 114. – С. 189–193.
6. Василюк, Ф. Е. Психотехника выбора / Ф. Е. Василюк // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. – 1997. – С. 284–314.
7. Владимирова, Т. Е. Русское слово: феноменологический подход / Т. Е. Владимирова. – DOI 10.22363/2224-7580-2023-3-67-79 // Метафизика. – 2023. – Т. 49, № 3. – С. 67–79.
8. Галзанова, Т. Н. Связь функционального состояния замещающей семьи и социального благополучия приемного подростка / Т. Н. Галзанова, М. А. Егорова, Н. В. Шмелева. – DOI 10.17759/ssc.2025060102 // Социальные науки и детство. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 35–54.
9. Дериш, Ф. В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований / Ф. В. Дериш. – DOI 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 222–235.
10. Дивисенко, К. С. Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности / К. С. Дивисенко, А. Э. Белов. – DOI

10.19181/socjour.2017.23.2.5159 // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 2. – С. 51–73.

11. Егорова, М. С. Темная триада / М. С. Егорова, М. А. Ситникова. – DOI 10.54359/ps.v7i38.580 // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38.

12. Ершова, Р. В. Комплексное изучение организованности как системного свойства личности : дис. на соискание ученой степени д-ра психол. наук : 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» / Регина Вячеславовна Ершова. – Москва. – 2009. – 409 с.

13. Жемчугова, А. А. Временная перспектива как фактор базисных убеждений личности / А. А. Жемчугова // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – С. 156–160.

14. Конысбай, Т. Феноменологическое исследование детерминант эмоционального благополучия студентов в кросс-культурных контекстах / Т. Конысбай, О. Аймаганбетова, Н. Хазратова. – DOI 10.51889/2959-5967.2025.82.1.008 // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. – 2025. – Т. 82, № 1. – С. 93–104.

15. Корниенко, Д. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» / Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкина, И. С. Горностаев. – DOI 10.31857/S020595920022787-1 // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 5. – С. 87–98.

16. Красавцева, Ю. В. Нарциссизм как «светлый» аспект в Темной Триаде / Ю. В. Красавцева, Т. В. Корнилова. – DOI 10.17759/cpp.2019270405 // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 4. – Р. 65–80.

17. Леонтьев, Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности / Д. А. Леонтьев // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2005. – Т. 51, № 7. – С. 16–21.

18. Лепешинский, Н. Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф / Н. Н. Лепешинский // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28, № 3. – С. 24–37.

19. Огнев, А. С. Современные инструментальные методики выявления когнитивно-поведенческих паттернов духовно-нравственного развития личности / А. С.

Огнев. – DOI 10.25629/НС.2023.11.17 // Человеческий капитал. – 2023. – Т. 11, № 179. – С. 168–178.

20. Ожиганова, Г. В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке / Г. В. Ожиганова. – DOI 10.17759/exrpsy.2019120413 // Экспериментальная психология. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 160–176.

21. Ожиганова, Г. В. Взаимосвязь духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками и субъективным благополучием / Г. В. Ожиганова. – DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-744-764 // Вестник РУДН. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 744–764.

22. Падун, М. А. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности / М. А. Падун, Н. В. Тарабрина // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – Т. 11, № 1. – С. 121–140.

23. Падун, М. А. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман / М. А. Падун, А. В. Котельникова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 4. – С. 98–106.

24. Печеркина, А. А. Особенности эмоционального благополучия учителя / А. А. Печеркина, А. А. Коваленко. – DOI 10.18384/2949-5105-2024-1-34-47 // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 1. – С. 34–47.

25. Поддьяков, А. Н. Альтер-альтруизм / А. Н. Поддьяков // Психология. Журнал ВШЭ. – 2007. – Т. 4, № 3. – С. 98–107.

26. Секацкая, Е. О. Базисные убеждения личности, представления о себе и их взаимосвязь со стратегиями совладания / Е. О. Секацкая. – DOI 10.31862/2218-8711-2020-6-23-30 // Проблемы современного образования. – 2020. – № 6. – С. 23–30.

27. Солдатова, Г. У. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова. – DOI 10.11621/nprj.2020.0201 // Национальный психологический журнал. – 2020. – Т. 2, № 38. – С. 3–20.

28. Сычев, О. А. Русскоязычная версия опросника духовных переживаний / О. А. Сычев, А. М. Беспалов, И. В. Аношкин, М. С. Власов. – DOI

10.17759/chp.2022180211 // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 98–107.

29. Творогова, Н. Д. Духовное здоровье / Н. Д. Творогова // Вестник УРАО. – 2006. – № 4. – С. 44–53.

30. Уварова, Л. Н. Понятие «духовность» в современной психологии / Л. Н. Уварова, А. М. Рысаева // E-Scio. – 2022. – Т. 6, № 69. – С. 1–5.

31. Шварц, Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – Т. 9, № 2. – С. 43–70.

32. Шматко, Н. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых / Н. Шматко, Г. Волкова. – DOI 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66 // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 54–66.

33. Ясин, М. И. Методика измерения альтруистических установок / М. И. Ясин. – DOI 10.31857/S020595920007898-3 // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 1. – С. 77–85.

34. Ahmad, N. The FACIT-Sp spiritual wellbeing scale: a factor analysis in patients with severe and/or life-limiting medical illnesses / N. Ahmad, N. Sinaii, S. Panahi [et al.]. – DOI 10.21037/apm-22-692 // Annals of palliative medicine. – 2022. – Vol. 11, No. 12. – P. 3663–3673.

35. Alphenaar, L. E. Social Media and Subjective Well-Being: The Moderating Role of Personality Traits / L. E. Alphenaar, R. L. Shiner, C. C. Arana, P. Prinzie. – DOI 10.1007/s10902-025-00898-0 // J. Happiness Stud. – 2025. – Vol. 26, No. 61.

36. Altun, Ö. Ş. Investigation of the Relationship Between the Spiritual Orientation and Psychological Well-Being Levels of Inpatients with a Diagnosis of COVID-19 In Turkey: A Cross-Sectional Study / Ö. Ş. Altun, D. Özer, M. F. Şahin. – DOI 10.1007/s10943-022-01602-9 // Journal of Religion and Health. – 2022. – Vol. 61, No 5. – P. 4189–4204.

37. Anandarajah, G. Spirituality and medical practice: using the HOPE questions as a practical tool for spiritual assessment / G. Anandarajah, E. Hight // Am. Fam. Physician. – 2001. – Vol. 63, No 1. – P. 81–89.

38. Anwar, S. Spiritual intelligence and psychological wellbeing of Pakistani University students / S. Anwar, H. Rana. – DOI 10.1007/s12144-023-04717-8 // *Curr. Psychol.* – 2024. – Vol. 43, No. 6. – P. 5388–5395.
39. Arnett, J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties / J. J. Arnett. – DOI 10.1037/0003-066X.55.5.469 // *American Psychologist.* – 2000. – Vol. 55, No. 5. – P. 469–480.
40. Arslan, G. Meaning-Based Coping and Spirituality During the COVID-19 Pandemic: Mediating Effects on Subjective Well-Being / G. Arslan, M. Yıldırım. – DOI 10.3389/fpsyg.2021.646572 // *Front. Psychol.* – 2021. – Vol. 12. – P. 646572.
41. Aziz, A. A. Analysis of Literature Review on Spiritual Concepts According to the Perspectives of the Al-Quran, Hadith And Islamic Scholars / A. A. Aziz, M. N. Mamat, D. M. Salleh [et al.] // *TURCOMAT.* – 2021. – Vol. 12, No 9. – P. 3152–3159.
42. Basileyo, A. Spirituality and Psychological Well-being: The Mediating Role of Pessimism / A. Basileyo // *LPU-Laguna Journal of Multidisciplinary Research.* – 2019. – Vol. 3, No 3. – P. 26–41.
43. Basseches, M. Dialectical thinking and adult development / M. Basseches. – Norwood, N. J. : Ablex Pub. Corp., 1984.
44. Beauregard, M. Neural correlates of a mystical experience in Carmelite nuns / M. Beauregard, V. Paquette. – DOI 10.1016/j.neulet.2006.06.060 // *Neuroscience letters.* – 2006. – Vol. 405, No. 3. – P. 186–190.
45. Beck, A. Cognitive therapy: foundations, conceptual models, applications and research / A. Beck, P. Knapp. – DOI 10.1590/s1516-44462008000600002 // *Rev. Bras. Psiquiatr.* – 2008. – Vol. 30, No. 2. – P. 54–64.
46. Bennett, M. R. Religion, Altruism, and Helping Strangers: A Multilevel Analysis of 126 Countries / M. R. Bennett, C. J. Einolf. – DOI 10.1111/jssr.12328 // *Journal for the Scientific Study of Religion.* – 2017. – Vol. 56, No. 2. – P. 323–341.
47. Bergin, A. E. Values and religious issues in psychotherapy and mental health / A. E. Bergin. – DOI 10.1037//0003-066x.46.4.394 // *The American psychologist.* – 1991. – Vol. 46, No. 4. – P. 394–403.

48. Biglari Abhari, M. Validation of the Persian Version of Spiritual Well-Being Questionnaires / M. Biglari Abhari, J. W. Fisher, A. Kheiltash, M. Nojomi // Iranian journal of medical sciences. – 2018. – Vol. 43, No. 3. – P. 276–285.

49. Bobowik, M. Personal Values and Well-Being among Europeans, Spanish Natives and Immigrants to Spain: Does the Culture Matter? / M. Bobowik, N. Basabe, D. Páez [et al.]. – DOI 10.1007/s10902-010-9202-1 // J. Happiness Stud. – 2011. – Vol. 12. – P. 401–419.

50. Bobowik, M. Well-Being and Values of Immigrants to Spain / M. Bobowik, N. Basabe, D. Páez. – DOI 10.1007/978-94-007-0753-5_3907 // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. – 2014. – P. 7074–7079.

51. Boer, D. Values and Affective Well-Being: How Culture and Environmental Threat Influence Their Association / D. Boer. – DOI 10.1007/978-3-319-56352-7_9 // Values and Behavior. – 2017. – P. 191–218.

52. Boivin, M. J. Review of the Spiritual Well-Being Scale / M. J. Boivin, A. L. Kirby, L. K. Underwood, H. Silva // Measures of Religiosity. – 1999. – P. 382–385.

53. Bojanowska, A. Acting on Values: A Novel Intervention Enhancing Hedonic and Eudaimonic Well-Being / A. Bojanowska, Ł. D. Kaczmarek, B. Urbańska, M. Puchalska. – DOI 10.1007/s10902-022-00585-4 // J. Happiness Stud. – 2022. – Vol. 23, – P. 3889–3908.

54. Bożek, A. The Relationship Between Spirituality, Health-Related Behavior, and Psychological Well-Being / A. Bożek, P. F. Nowak, M. Blukacz. – DOI 10.3389/fpsyg.2020.01997 // Front. Psychol. – 2020. – Vol. 11. – P. 1997.

55. Brady, M. J. A case for including spirituality in quality of life measurement in oncology / M. J. Brady, A. H. Peterman, G. Fitchett [et al.]. – DOI 10.1002/(sici)1099-1611(199909/10)8:5 < 417::aid-pon398>3.0.co;2-4 // Psycho-Oncology. – 1999. – Vol. 8, No. 5. – P. 417–428.

56. Brinkman, D. D. An evaluation of the Spiritual Well-Being Scale: Reliability and Response Measurement / D. D. Brinkman // Dissertation, Abstracts, University Microfilms International. – 1989.

57. Buckels, E. E. Behavioral Confirmation of Everyday Sadism / E. E. Buckels, D. N. Jones, D. Paulhus. – DOI 10.1177/0956797613490749 // PS. – 2013. – Vol. 24, No. 11. – P. 2201–2209.

58. Bufford, R. K. Spiritual Well-Being Scale (SWBS): Measuring Spiritual Well-being in International Contexts / R. K. Bufford, R. F. Paloutzian. – DOI 10.1007/978-3-030-89738-3_36-1 // International Handbook of Behavioral Health Assessment. – 2023. – P. 1–31.

59. Bufford, R. K. Norms for the Spiritual Well-Being Scale / R. K. Bufford, R. F. Paloutzian, C. W. Ellison. – DOI 10.1177/009164719101900106 // Journal of Psychology and Theology. – 1991. – Vol. 19, No. 1. – P. 56–70.

60. Cadge, W. The evolution of spiritual assessment tools in healthcare / W. Cadge, J. Bandini. – DOI 10.1007/s12115-015-9926-y // Soc. – 2015. – Vol. 52. – P. 430–437.

61. Carson, V. B. Hope and spiritual well-being: Essentials for living with AIDS / V. B. Carson, K. L. Soeken, J. Shanty, L. Toms // Perspectives in Psychiatric Care. – 1990. – Vol. 26, No. 2. – P. 28–34.

62. Carstensen, L. L. Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity / L. L. Carstensen, D. M. Isaacowitz, S. T. Charles. – DOI 10.1037/0003-066X.54.3.165 // The American psychologist. – 1999. – Vol. 54, No. 3. – P. 165–181.

63. Chabrol, H. Contributions of psychopathic, narcissistic, Machiavellian, and sadistic personality traits to juvenile delinquency / H. Chabrol, N. Van Leeuwen, R. Rodgers, N. Séjourné. – DOI 10.1016/j.paid.2009.06.020 // Personality and Individual Differences. – 2009. – Vol. 47, No.7. – P. 734–739.

64. Chandler, C. K. Counseling for Spiritual Wellness: Theory and Practice / C. K. Chandler, J. M. Holden, C. A. Kolander. – DOI 10.1002/j.1556-6676.1992.tb02193.x // Journal of Counseling and Development. – 1992. – Vol. 71, No. 2. – P. 168–175.

65. Chiu, L. An integrative review of the concept of spirituality in the health sciences / L. Chiu, J. D. Emblen, L. Van Hofwegen [et al.]. – DOI 10.1177/0193945904263411 // West J. Nurs Res. – 2004. – Vol. 26, No. 4. – P. 405–428.

66. Clifton, J. D. W. Primal world beliefs / J. D. W. Clifton, J. D. Baker, C. L. Park [et al.]. – DOI 10.1037/pas0000639 // Psychological assessment. – 2019. – Vol. 31, No. 1. – P. 82–99.
67. Cloninger, C. R. A psychobiological model of temperament and character / C. R. Cloninger, D. M. Svrakic, T. R. Przybeck. – DOI 10.1001/archpsyc.1993.01820240059008 // Archives of general psychiatry. – 1993. – Vol. 50, No. 12. – P. 975–990.
68. Cobb, M. The Spiritual Challenge of Health Care / M. Cobb, V. Robshaw // Churchill Livingstone: Elsevier Health Sciences. – 1998. – P. 73–88.
69. Comings, D. E. The DRD4 gene and the spiritual transcendence scale of the character temperament index / D. E. Comings, N. Gonzales, G. Saucier [et al.]. – DOI 10.1097/00041444-200010040-00006 // Psychiatric genetics. – 2000. – Vol. 10, No. 4. – P. 185–189.
70. Cook, C. C. Addiction and spirituality / C. C. Cook. – DOI 10.1111/j.1360-0443.2004.00715.x // Addiction. – 2004. – Vol. 99, No. 5. – P. 539–551.
71. Coppola, I. Spiritual Well-Being and Mental Health During the COVID-19 Pandemic in Italy / I. Coppola, N. Rania, R. Parisi, F. Lagomarsino. – DOI 10.3389/fpsyt.2021.626944 // Front. Psychiatry. – 2021. – Vol. 12. – P. 626944.
72. Coyle, A. Qualitative Methods and «the (Partly) Ineffable» in Psychological Research on Religion and Spirituality / A. Coyle. – DOI 10.1080/14780880701863583 // Qualitative Research in Psychology. – 2008. – Vol. 5, No 1. – P. 56–67.
73. Czarna, A. Z. Dark Triad and Religiosity / A. Z. Czarna, R. R. Zdunek, C. Sedikides. – DOI 10.1007/978-3-031-38971-9_831-1 // Encyclopedia of Religious Psychology and Behavior. Springer, Cham. – 2025. – P. 1–7.
74. Davis, D. E. Development of the Sources of Spirituality Scale / D. E. Davis, K. Rice, J. N. Hook [et al.]. – DOI 10.1037/cou0000082 // Journal of Counseling Psychology. – 2015. – Vol. 62, No. 3. – P. 503–513.
75. Davis, K. L. The affective neuroscience personality scales: normative data and implications / K. L. Davis, J. Panksepp, L. Normansell. – DOI 10.1080/15294145.2003.10773410 // Neuropsychoanalysis. – 2003. – Vol. 5, No 1. – P. 57–69.

76. Dawkins, R. *The God delusion* / R. Dawkins. – Boston : Houghton Mifflin Company. – 2006.

77. Dawood, S. *Spiritual Well-Being and Coping Styles in relation to Psychological Well-being of Adolescents* / S. Dawood, H. Yousaf // *Pakistan Journal of Social and Clinical Psychology*. – 2015. – Vol. 13, No. 2. – P. 48–52.

78. de Jager Meezenbroek, E. *Measuring spirituality as a universal human experience: a review of spirituality questionnaires* / E. de Jager Meezenbroek, B. Garssen, M. van den Berg [et al.]. – DOI 10.1007/s10943-010-9376-1 // *J. Relig. Health*. – 2012. – Vol. 51, No. 2. – P. 336–354.

79. de Lima, D. N. Jr. *Stress, spirituality, and altruism of Brazilian medical students during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional analysis* / D. N. de Lima Jr., R. G. P. de Aguiar, B. S. Kubrusly [et al.]. – DOI 10.33448/rsd-v11i7.29513 // *Research, Society and Development*. – 2022. – Vol. 11, No. 7.

80. de Waal, F. B. M. *Putting the Altruism Back into Altruism: The Evolution of Empathy* / F. B. M. de Waal. – DOI 10.1146/annurev.psych.59.103006.093625 // *Annual Review of Psychology*. – 2008. – Vol. 59. – P. 279–300.

81. Densmore M. Патент № US 10930384 B2. *Methods for integrative diagnosis and treatment and a kit for their implementation*: № 16/684076. – 2021.

82. Diener, E. *New Well-being Measures: Short Scales to Assess Flourishing and Positive and Negative Feelings* / E. Diener, D. Wirtz, W. Tov [et al.]. – DOI 10.1007/s11205-009-9493-y // *Soc. Indic. Res.* – 2010. – Vol. 97, No 2. – P. 143–156.

83. Diener, E. *Subjective well-being* / E. Diener // *Psychol. Bull.* – 1984. – Vol. 95, No 3. – P. 542–575.

84. Dinic, B. M. *The Short Dark Tetrad (SD4)* / B. M. Dinic, E. E. Buckels, N. Kovacevic. – DOI 10.1027/1015-5759/a000864 // *EJPA*. – 2024.

85. Divisenko, K. S. *Spiritual Well-Being of Russian Orthodox and Evangelical Christians: Denominational Features* / K. S. Divisenko, A. E. Belov, O. V. Divisenko. – DOI 10.3390/rel12060392 // *Religions*. – 2021. – Vol. 12, No. 392. – P. 1–15.

86. Dyson, J. The meaning of spirituality: a literature review / J. Dyson, M. Cobb, D. Forman. – DOI 10.1046/j.1365-2648.1997.00446.x // J. Adv. Nurs. – 1997. – Vol. 26, No 6. – P. 1183–1188.
87. Eldeirawi, K. M. Economic, Psychological, and Emotional Well-Being of Pregnant Women During the COVID-19 Pandemic / K. M. Eldeirawi, V. W. Persky, C. Zielke [et al.]. – DOI 10.1111/jmwh.13659 // Journal of Midwifery and Women's Health. – 2025. – Vol. 70, No 1. – P. 111–123.
88. Elkins, D. N. Toward a Humanistic-Phenomenological Spirituality: Definition, Description, and Measurement / D. N. Elkins, L. J. Hedstrom, L. L. Hughes [et al.]. – DOI 10.1177/0022167888284002 // JHP. – 1988. – Vol. 28, No 4. – P. 5–18.
89. Ellison, C. W. Spiritual Well-Being: Conceptualization and Measurement / C. W. Ellison. – DOI 10.1177/009164718301100406 // JPT. – 1983. – Vol. 11, No 4. – P. 330–338.
90. Ellison, C. W. Toward An Integrative Measure of Health and Well-Being / C. W. Ellison, J. Smith. – DOI 10.1177/009164719101900104 // JPT. – 1991. – Vol. 19, No 1. – P. 35–45.
91. Epstein, S. Cognitive experiential self-theory / S. Epstein // Handbook of personality: Theory and research. – N. Y. : Guilford Press, 1990. – P. 165–192.
92. Erikson, E. H. Identity, youth and crisis / E. H. Erikson. – N. Y. : W. W. Norton Company, 1968.
93. Erikson, E. H. The Life Cycle Completed: A Review / E. H. Erikson. – N. Y. : W. W. Norton Company, 1982.
94. Exline, J. J. Religious and spiritual struggles / J. J. Exline, E. Rose // Handbook of the psychology of religion and spirituality. – N. Y. : Guilford Press, 2005. – P. 315–330.
95. Fabbris, J. L. Anxiety and Spiritual Well-Being in Nursing Students: A Cross-Sectional Study / J. L. Fabbris, A. C. Mesquita, S. Caldeira [et al.]. – DOI 10.1177/0898010116655004 // Journal of Holistic Nursing. – 2016. – Vol. 35, No. 3. – P. 261–270.
96. Fekih-Romdhane, F. Existential well-being predicts psychopathy traits in Tunisian college students / F. Fekih-Romdhane, A. Ben Hamouda, R. Khemakhem [et al.].

– DOI 10.1080/13674676.2020.1786506 // *Mental Health, Religion and Culture*. – 2020.
– Vol. 23, No. 7. – P. 639–652.

97. Ferguson, M. A. Reward, salience, and attentional networks are activated by religious experience in devout Mormons / M. A. Ferguson, J. A. Nielsen, J. B. King [et al.]. – DOI 10.1080/17470919.2016.1257437 // *Social neuroscience*. – 2018. – Vol. 13, No. 1. – P. 104–116.

98. Ferguson, M. A. A Neural Circuit for Spirituality and Religiosity Derived From Patients With Brain Lesions / M. A. Ferguson, F. L. W. V. J. Schaper, A. Cohen [et al.]. – DOI 10.1016/j.biopsych.2021.06.016 // *Biological psychiatry*. – 2022. – Vol. 91, No. 4. – P. 380–388.

99. Ferrell, B. R. National Consensus Project Clinical Practice Guidelines for Quality Palliative Care Guidelines, 4th Edition / B. R. Ferrell, M. L. Twaddle, A. Melnick, D. E. Meier. – DOI 10.1089/jpm.2018.0431 // *Journal of Palliative Medicine*. – 2018. – Vol. 21, No 12. – P. 1684–1689.

100. Fetzer Institute. National Institute of Aging Working Group. Multidimensional Measurement of Religiousness/Spirituality for Use in Health Research: A Report of the Fetzer Institute / National Institute on Aging Working Group. John E. Fetzer Institutero – Kalamazoo. 1999.

101. Fisher, J. W. Assessing adolescent spiritual health and well-being / J. W. Fisher. – DOI 10.1016/j.ssmph.2016.04.002 // *SSM Popul Health*. – 2016. – Vol. 2. – P. 304–305.

102. Fisher, J. W. *Spiritual Health: Its nature, and place in the school curriculum* / J. W. Fisher // The University of Melbourne. – 1998.

103. Fisher, J. W. Validation and Utilisation of the Spiritual Well-Being Questionnaire: SHALOM / J. W. Fisher. – DOI 10.1007/s10943-021-01401-8 // *J. Relig. Health*. – 2021. – Vol. 60, No 5. – P. 3694–3715.

104. Fourianalistyawati, E. Kesejahteraan spiritual dan mindfulness pada majelis sahabat shalawat / E. Fourianalistyawati. – DOI 10.19109/psikis.v3i2.1406 // *Psikis: Jurnal Psikologi Islami*. – 2018. – Vol. 3, No 2. – P. 79–85.

105. Fowler, J. W. *Stages of Faith: The Psychology of Human Development and the Quest for Meaning* / J. W. Fowler. – San Francisco : Harper and Row, 1981.
106. Francis, L. J. *Locating spiritual wellbeing: a study among secondary school students in the empirical science of religious education* / L. J. Francis, J. W. Fisher // *Religious Education Journal of Australia*. – 2015. – Vol. 31, No. 2. – P. 30–37.
107. Furqani, N. N. *Peranan religiusitas dan kecerdasan spiritual terhadap peningkatan kesejahteraan psikologis* / N. N. Furqani. – DOI 10,22219/pjsp.v1i1.16491 // *Psychological Journal: Science and Practice*. – 2021. – Vol. 1, No. 1. – P. 9–15.
108. Galante, J. *Loving-Kindness Meditation Effects on Well-Being and Altruism: A Mixed-Methods Online RCT* / J. Galante, M. Bekkers, C. Mitchell, J. Gallacher. – DOI 10.1111/aphw.12074 // *Applied Psychology Health and Well-Being*. – 2016. – Vol. 8, No. 3. – P. 322–350.
109. Garcia-Romeu, A. *Self-transcendence as a measurable transpersonal construct* / A. Garcia-Romeu // *Journal of Transpersonal Psychology*. – 2010. – Vol. 42, No. 1. – P. 26–47.
110. Garssen, B. *Examining Whether Spirituality Predicts Subjective Well-Being: How to Avoid Tautology* / B. Garssen, A. Visser, E. de Jager Meezenbroek. – DOI 10.1037/rel0000025 // *Psychology of Religion and Spirituality*. – 2015. – Vol. 8, No. 2. – P. 141–148.
111. Gaskin-Wasson, A. L. *Spiritual Well-Being and Psychological Adjustment: Mediated by Interpersonal Needs?* / A. L. Gaskin-Wasson, K. L. Walker, L. J. Shin, N. J. Kaslow. – DOI 10.1007/s10943-016-0275-y // *J. Relig. Health*. – 2018. – Vol. 57, No 4. – P. 1376–1391.
112. Genia, V. *Evaluation of the Spiritual Well-Being Scale in a Sample of College Students* / V. Genia. – DOI 10.1207/S15327582IJPR1101_03 // *The International Journal for the Psychology of Religion*. – 2001. – Vol. 11, No. 1. – P. 25–33.
113. George, L. K. *Spirituality and Health: What We Know, What We Need to Know* / L. K. George, D. B. Larson, H. G. Koenig, M. E. McCullough. – DOI 10.1521/jscp.2000,19.1.102 // *Journal of Social and Clinical Psychology*. – 2000. – Vol. 19, No. 1. – P. 102–116.

114. Gerges, S. Stressors in hospitalized patients and their associations with mental health outcomes: testing perceived social support and spiritual well-being as moderators / S. Gerges, R. Hallit, S. Hallit. – DOI 10.1186/s12888-023-04833-6 // BMC Psychiatry. – 2023. – Vol. 23, No. 323.

115. Gomez, R. Domains of spiritual well-being and development and validation of the Spiritual Well-Being Questionnaire / R. Gomez, J. W. Fisher. – DOI 10.1016/S0191-8869(03)00045-X // PID. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1975–1991.

116. Gomez, R. A Reevaluation of the Factor Structure, Reliability, and Validity of the Spiritual Well-Being Questionnaire (SWBQ) / R. Gomez, S. Watson. – DOI 10.1007/s10943-022-01619-0 // J. Relig. Health. – 2023. – Vol. 62, No. 3. – P. 2112–2130.

117. Greenfield, E. A. Do Formal Religious Participation and Spiritual Perceptions Have Independent Linkages with Diverse Dimensions of Psychological Well-Being? / E. A. Greenfield, G. E. Vaillant, N. F. Marks. – DOI 10.1177/002214650905000206 // Journal of Health and Social Behavior. – 2009. – Vol. 50, No. 2. – P. 196–212.

118. Grosz, M. P. The longitudinal interplay between personal values and subjective well-being: A registered report / M. P. Grosz, S. Schwartz, C. M. Lechner. – DOI 10.1177/08902070211012923 // European Journal of Personality. – 2021. – Vol. 35, No. 6. – P. 881–897.

119. Hackett, C. The Changing Global Religious Landscape / C. Hackett, M. Stonawski, M. Potančoková [et al.]. – Washington, D. C. : Pew Research Center, 2017. – P. 45.

120. Haller, E. To Help or Not to Help? Prosocial Behavior, Its Association With Well-Being, and Predictors of Prosocial Behavior During the Coronavirus Disease Pandemic / E. Haller, J. Lubenko, G. Presti [et al.]. – DOI 10.3389/fpsyg.2021.775032 // Front Psychol. – 2022. – Vol. 12, No. 775032.

121. Hamilton, W. D. The genetical evolution of social behaviour / W. D. Hamilton. – DOI 10.1016/0022-5193(64)90039-6 // Journal of Theoretical Biology. – 1964. – Vol. 7, No. 1. – P. 17–52.

122. Hatch, R. L. The Spiritual Involvement and Beliefs Scale. Development and testing of a new instrument / R. L. Hatch, M. A. Burg, D. S. Naberhaus, L. K. Hellmich // *Journal of Family Practice*. – 1998. – Vol. 46, No. 6. – P. 476–486.

123. Helminiak, D. A. The human core of spirituality: mind as psyche and spirit / D. A. Helminiak. – Albany : State University of New York Press, 1996. – P. 307.

124. Hermann, A. Trait Narcissism and Contemporary Religious Trends / A. Hermann, R. Fuller. – DOI 10.1163/15736121-12341339 // *Archive for the Psychology of Religion*. – 2017. – Vol. 39, No. 2. – P. 99–117.

125. Hiebler-Ragger, M. Facets of Spirituality Diminish the Positive Relationship between Insecure Attachment and Mood Pa-thology in Young Adults / M. Hiebler-Ragger, J. Falthansl-Scheinecker, G. Birnhuber [et al.]. – DOI 10.1371/journal.pone.0158069 // *PLoS ONE*. – 2016. – Vol. 11, No. 6.

126. Hiebler-Ragger, M. Personality Influences the Relationship Between Primary Emotions and Religious/Spiritual Well-Being / M. Hiebler-Ragger, J. Fuchshuber, H. Dröscher [et al.]. – DOI 10.3389/fpsyg.2018.00370 // *Front. Psychol.* – 2018. – Vol. 370, No. 9.

127. Hill, P. C. Conceptualizing Religion and Spirituality: Points of Commonality, Points of Departure / P. C. Hill, K. I. Pargament, R. W. Hood [et al.]. – DOI 10.1111/1468-5914.00119 // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. – 2000. – Vol. 30, No. 1. – P. 51–77.

128. Hood, R. W. Ways of Studying the Psychology of Religion and Spirituality. *International Handbook of Education for Spirituality, Care and Wellbeing*. *International Handbooks of Religion and Education*, vol 3 / R. W. Hood. – DOI 10.1007/978-1-4020-9018-9_2. – Dordrecht : Springer, 2009. – P. 15–31.

129. Hood, R. W. The History and Current Status of the Psychology of Religion and Spirituality / R. W. Hood. – DOI 10.1093/oxfordhb/9780190905538.013.1 // *The Oxford Handbook of Psychology and Spirituality*. – Oxford, U. K. : Oxford University Press, 2024. – P. 1–21.

130. Hooker, S. A. Multidimensional Assessment of Religiousness/Spirituality and Health Behaviors in College Students / S. A. Hooker, K. S. Masters, K. Carey. – DOI

10.1080/10508619.2013.808870 // The International Journal for the Psychology of Religion. – 2014. – Vol. 24, No. 3. – P. 228–240.

131. Hosseinbor, M. Relationship between spiritual well-being and spiritual intelligence with mental health in students / M. Hosseinbor, M. S. Jadgal, F. Kordsalarzahi. – DOI 10.1515/ijamh-2022-0078 // International Journal of Adolescent Medicine and Health. – 2022. – Vol. 35, No. 2. – P. 197–201.

132. Howden, J. W. Development and psychometric characteristics of the spirituality assessment scale / J. W. Howden // TWU. – 1992.

133. Huber, J. T. An Investigation of the Relations Between Altruism, Empathy, and Spirituality / J. T. Huber, D. A. MacDonald. – DOI 10.1177/0022167811399442 // Journal of Humanistic Psychology. – 2011. – Vol. 52, No. 2. – P. 206–221.

134. Hungelmann, J. Spiritual well-being in older adults: Harmonious interconnectedness / J. Hungelmann, E. Kenkel-Rossi, L. Klassen. – DOI 10.1007/BF01532258 // J. Relig. Health. – 1985. – Vol. 24, No. 2. – P. 147–153.

135. Husain, A. Spiritual Personality Inventory Manual / A. Husain, N. Luqman, M. Jahan. – New Delhi : Prasad Psycho Corporation, 2012.

136. Ivtzan, I. Linking Religion and Spirituality with Psychological Well-being: Examining Self-actualisation, Meaning in Life, and Personal Growth Initiative / I. Ivtzan, C. P. L. Chan, H. E. Gardner, K. Prashar. – DOI 10.1007/s10943-011-9540-2 // J. Relig. Health. – 2013. – Vol. 52, No. 3. – P. 915–929.

137. Janoff-Bulman, R. Assumptive Worlds and the Stress of Traumatic Events: Applications of the Schema Construct / R. Janoff-Bulman. – DOI 10.1521/soco.1989.7.2.113 // Soc. Cogn. – 1989. – Vol. 7, No. 2. – P. 113–136.

138. Janoff-Bulman, R. Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma / R. Janoff-Bulman. – N. Y. : Free Press, 1992.

139. Johnson, C. V. Enlightened or Delusional? Differentiating Religious, Spiritual, and Transpersonal Experiences from Psychopathology / C. V. Johnson, H. L. Friedman. – DOI 10.1177/0022167808314174 // Journal of Humanistic Psychology. – 2008. – Vol. 48, No. 4. – P. 505–527.

140. Jonason, P. K. Standing out and not fitting in: The Dark Triad traits and social values / P. K. Jonason, M. A. Koehn, R. A. Bulyk, M. D. Davis. – DOI 10.1080/00224545.2019.1623162 // *The Journal of Social Psychology*. – 2020. – Vol. 160, No. 2. – P. 164–169.
141. Jones, D. N. Machiavellianism // *Handbook of Individual Differences in Social Behavior* / D. N. Jones, D. L. Paulhus. – N. Y. : The Guilford Press, 2009. – P. 93–108.
142. Joseph, S. Positive Adjustment to Threatening Events: An Organismic Valuing Theory of Growth through Adversity / S. Joseph, P. A. Linley. – DOI 10.1037/1089-2680.9.3.262 // *Review of General Psychology*. – 2005. – Vol. 9, No. 3. – P. 262–280.
143. Joshanloo, M. Conceptions of Happiness Mediate the Relationship Between the Dark Triad and Well-Being / M. Joshanloo. – DOI 10.3389/fpsyg.2021.643351 // *Front. Psychol.* – 2021. – Vol. 12, No. 643351.
144. Joshanloo, M. Value priorities as predictors of hedonic and eudaimonic aspects of well-being / M. Joshanloo, G. Ghaedi. – DOI 10.1016/j.paid.2009.03.016 // *Personality and Individual Differences*. – 2009. – Vol. 47, No. 4. – P. 294–298.
145. Kajonius, P. J. Hedonism, Achievement, and Power: Universal values that characterize the Dark Triad / P. J. Kajonius, B. N. Persson, P. K. Jonason. – DOI 10.1016/j.paid.2014.12.055 // *Personality and Individual Differences*. – 2015. – Vol. 77. – P. 173–178.
146. Kämmerle, M. Dimensions of Religious/Spiritual Well-Being and the Dark Triad of Personality / M. Kämmerle, H. F. Unterrainer, P. Dahmen-Wassenberg [et al.]. – DOI 10.1159/000358563 // *Psychopathology*. – 2014. – Vol. 47, No. 5. – P. 297–302.
147. Kass, J. D. Health Outcomes and a New Index of Spiritual Experience / J. D. Kass, R. Friedman, J. Leserman [et al.]. – DOI 10.2307/1387214 // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 1991. – Vol. 30, No. 2. – P. 203–211.
148. Kasser, T. A dark side of the American dream: Correlates of financial success as a central life aspiration / T. Kasser, R. M. Ryan. – DOI 10.1037/0022-3514.65.2.410 // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1993. – Vol. 65, No. 2. – P. 410–422.

149. Kaufman, S. B. The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature / S. B. Kaufman, D. B. Yaden, E. Hyde, E. Tsukayama. – DOI 10.3389/fpsyg.2019.00467 // Front Psychol. – 2019. – Vol. 10, No. 467.

150. Kavak, F. The Relation between spiritual wellbeing and psychological resilience among patients diagnosed with advanced gastrointestinal cancer / F. Kavak, A. Özdemir, G. Dural. – DOI 10.1007/s12144-018-0116-0 // Curr. Psychol. – 2021. – Vol. 40. – P. 1788–1794.

151. Kay, A. C. Compensatory Control: Achieving Order Through the Mind, Our Institutions, and the Heavens: Achieving Order Through the Mind, Our Institutions, and the Heavens / A. C. Kay, J. A. Whitson, D. Gaucher, A. D. Galinsky. – DOI 10.1111/j.1467-8721.2009.01649.x // Current Directions in Psychological Science. – 2009. – Vol. 18, No. 5. – P. 264–268.

152. Knutsson, M. Gender differences in altruism: evidence from a natural field experiment on matched donations / M. Knutsson, P. Martinsson, E. Persson, C. Wollbrant. – DOI 10.1016/j.econlet.2018.12.029 // Economics Letters. – 2019. – Vol. 176. – P. 47–50.

153. Koburtay, T. The linkages between person-organization spirituality fit and workers' psychological well-being / T. Koburtay, A. Alzoubi. – DOI 10.1080/00224545.2020.1778618 // The Journal of Social Psychology. – 2021. – Vol. 161, No 1. – P. 103–118.

154. Koenig, H. G. Concerns about measuring «Spirituality» in research / H. G. Koenig. – DOI 10.1097/NMD.0b013e31816ff796 // Journal of Nervous and Mental Disease. – 2008. – Vol. 196, No. 5. – P. 349–355.

155. Koenig, H. G. Handbook of religion and health / H. G. Koenig, D. King, V. B. Carson // Oxford University Press. – 2012. – P. 1192.

156. Koenig, L. B. Religiousness, Antisocial Behavior, and Altruism: Genetic and Environmental Mediation / L. B. Koenig, M. McGue, R. F. Krueger, T. J. Bouchard Jr.. – DOI 10.1111/j.1467-6494.2007.00439.x // Journal of Personality. – 2007. – Vol. 75, No. 2. – P. 265–290.

157. Kohlberg, L. The Psychology of Moral Development / L. Kohlberg. – San Francisco : Harper and Row, 1984.

158. Krafft, A. M. Basic beliefs of hope: a cross-cultural comparison / A. M. Krafft. – DOI 10.3389/fpsyg.2025.1520887 // Front Psychol. – 2025. – Vol. 16, No. 1520887.
159. Krok, D. Modeling psychological well-being among abdominal and pelvic cancer patients: The roles of total pain, meaning in life, and coping / D. Krok, E. Telka, B. Zarzycka. – DOI 10.1002/pon.6043 // Psycho-oncology. – 2022. – Vol. 31, No. 11. – P. 1852–1859.
160. Kuckel, D. P. The Spiritual Assessment / D. P. Kuckel, A. L. Jones, D. K. Smith // American family physician. – 2022. – Vol. 106, No. 4. – P. 415–419.
161. Lawrence, K. C. Psychosocial-spiritual factors associated with wellbeing of older population in Africa / K. C. Lawrence, A. S. Mambetalina, N. O. Baigabylov. – DOI 10.34172/jech.2023.2289 // J. Educ. Community Health. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 62–70.
162. Ledbetter, M. F. An Evaluation of the Research and Clinical Usefulness of the Spiritual Weil-Being Scale / M. F. Ledbetter, L. A. Smith, W. L. Vosler-Hunter, J. D. Fischer. – DOI 10.1177/009164719101900105 // Journal of Psychology and Theology, – 1991. – Vol. 19, No 1. – P. 49–55.
163. Leikas, S. Relationship satisfaction and similarity of personality traits, personal values, and attitudes / S. Leikas, V. J. Ilmarinen, M. Verkasalo [et al.]. – DOI 10.1016/j.paid.2017.11.024 // Personality and Individual Differences. – 2018. – Vol. 123, No. 1. – P. 191–198.
164. Lerner, M. J. The belief in a just world: a fundamental delusion / M. J. Lerner. – N. Y. : Plenum Press, 1980.
165. Leung, C. H. Cross-sectional study of the relationship between the spiritual wellbeing and psychological health among university Students / C. H. Leung, H. K. Pong. – DOI 10.1371/journal.pone.0249702 // PloS ONE. – 2021. – Vol. 16, No 4.
166. Levinson, D. J. A conception of adult development / D. J. Levinson // American Psychologist. – 1986. – Vol. 41. – P. 3–13.
167. Lise, F. D. Identity Matters for Well-Being: The Longitudinal Associations Between Identity Processes and Well-Being in Adolescents with Different Cultural Backgrounds / F. D. Lise, K. Luyckx, E. Crocetti. – DOI 10.1007/s10964-023-01901-8 // J. Youth Adolescence. – 2024. – Vol. 53. – P. 910–926.

168. Lorenz, K. *Civilized Man's Eight Deadly Sins* / K. Lorenz. – N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1974. – P. 107.
169. Lorenzi, C. 5-HT1A polymorphism and self-transcendence in mood disorders / C. Lorenzi, A. Serretti, L. Mandelli [et al.]. – DOI 10.1002/ajmg.b.30111?urlappend=%3Futm_source%3Dresearchgate.net%26utm_medium%3Darticle // *American Journal of Medical Genetics Part B: Neuropsychiatric Genetics*. – 2005. – Vol. 137B, No. 1. – P. 33–35.
170. Lumsden, C. J. *Genes, mind, and culture: the coevolutionary process* / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1981.
171. MacDonald, D. A. *Theories of Health and Well-Being Germane to a Positive Psychology of Religion and Spirituality* / D. A. MacDonald. – DOI 10.1007/978-3-031-10274-5_5 // *Handbook of Positive Psychology, Religion, and Spirituality*. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – P. 69–82.
172. Magnano, P. Italian validation of the Jarel Spiritual Well-Being Scale / P. Magnano, A. Zammitti, R. Dibilio, P. Faraci. – DOI 10.1080/13674676.2019.1594740 // *Mental Health, Religion & Culture*. – 2019. – Vol. 22, No 6. – P. 626–644.
173. Mahoney, M. J. The meanings and correlates of spirituality: Suggestions from an exploratory survey of experts / M. J. Mahoney, G. M. Graci. – DOI 10.1080/074811899200867 // *Death Stud.* – 1999. – Vol. 23, No 6. – P. 521–528.
174. Mascaro, N. The development, construct validity, and clinical utility of the spiritual meaning scale / N. Mascaro, D. H. Rosen, L. C. Morey. – DOI 10.1016/j.paid.2003.12.011 // *Personality and Individual Differences*. – 2004. – Vol. 37, No. 4. – P. 845–860.
175. Maselko, J. Religious service attendance and spiritual well-being are differentially associated with risk of major depression / J. Maselko, S. E. Gilman, S. Buka. – DOI 10.1017/S0033291708004418 // *Psychological Medicine*. – 2008. – Vol. 39, No. 6. – P. 1009–1017.
176. Maslow, A. H. A theory of human motivation / A. H. Maslow. – DOI 10.1037/h0054346 // *Psychological Review*. – 1943. – Vol. 50, No. 4. – P. 370–396.

177. Maslow, A. H. *Motivation and Personality* / A. H. Maslow. – N. Y. : Harper and Row, 1970.
178. McSherry, W. The language of spirituality: an emerging taxonomy / W. McSherry, K. Cash. – DOI 10.1016/s0020-7489(03)00114-7 // *Int. J. Nurs Stud.* – 2004. – Vol. 41, No. 2. – P. 151–161.
179. Mellat, N. The role of cognitive, emotional, and spiritual development in adult psychological well-being / N. Mellat, S. E. Ghavam, M. G. Lavasani [et al.]. – DOI 10.1080/19349637.2022.2121239 // *Journal of Spirituality in Mental Health.* – 2022. – Vol. 25, No. 1. – P. 31–54.
180. Meltzer, D. Terror, persecution, dread—a dissection of paranoid anxieties / D. Meltzer // *The International journal of psycho-analysis.* – 1968. – Vol. 49, No. 2. – P. 396–401.
181. Meluch, A. L. Spirituality / A. L. Meluch. – DOI 10.1002/9781119678816.ieh0851 // *The International Encyclopedia of Health Communication.* – 2022. – P. 1–5.
182. Messas, G. O diagnóstico psicopatológico fenomenológico da perspectiva dialético-essencialista / G. Messas, L. Fukuda. – DOI 10.33361/RPQ.2018.v.6.n.11.189 // *Revista Pesquisa Qualitativa.* – 2018. – Vol. 6, No. 11. – P. 160–191.
183. Miller, G. Spiritual Well-Being Scale Ethnic Differences between Caucasians and African-Americans / G. Miller, W. Fleming, F. Brown-Anderson. – DOI 10.1177/009164719802600406 // *Journal of Psychology and Theology.* – 1998. – Vol. 26, No. 4. – P. 358–364.
184. Miller, J. D. A Critical Appraisal of the Dark-Triad Literature and Suggestions for Moving Forward / J. D. Miller, C. E. Vize, M. L. Crowe, D. Lynam. – DOI 10.1177/0963721419838233 // *CDPS.* – 2019. – Vol. 28, No. 4. – P. 353–360.
185. Miller, W. R. Spirituality, religion, and health. An emerging research field / W. R. Miller, C. E. Thoresen. – DOI 10.1037/0003-066x.58.1.24 // *American Psychologist.* – 2003. – Vol. 58, No. 1. – P. 24–35.
186. Moaven, Z. Therapy, Spirituality, and Spiritual Well-being: A Qualitative Study of Holy Places Tourists / Z. Moaven. – DOI 10.29252/jhsme.7.1.48 // *Health, Spirituality and Medical Ethics.* – 2020. – Vol. 7, No. 1. – P. 48–59.

187. Moberg, D. O. Assessing and Measuring Spirituality: Confronting Dilemmas of Universal and Particular Evaluative Criteria / D. O. Moberg. – DOI 10.1023/A:1013877201375 // *Journal of Adult Development*. – 2002. – Vol. 9, No. 1. – P. 47–60.
188. Monod, S. Instruments measuring spirituality in clinical research: a systematic review / S. Monod, M. Brennan, E. Rochat [et al.]. – DOI 10.1007/s11606-011-1769-7 // *J. Gen. Intern. Med.* – 2011. – Vol. 26. – P. 1345–1357.
189. Moreira-Almeida, A. WPA Position Statement on Spirituality and Religion in Psychiatry / A. Moreira-Almeida, A. Sharma, B. J. van Rensburg [et al.]. – DOI 10.1002/wps.20304 // *World Psychiatry*. – 2016. – Vol. 15, No 1. – P. 87–88.
190. Moshagen, M. The Dark Core of Personality / M. Moshagen, B. Hilbig, I. Zettler. – DOI 10.1037/rev0000111 // *Psychol. Rev.* – 2018. – Vol. 125, No. 5. – P. 656–688.
191. Muldoon, M. Spirituality, health care, and bioethics / M. Muldoon, N. King. – DOI 10.1007/BF02248742 // *J. Relig. Health*. – 1995. – Vol. 34, No. 4. – P. 329–349.
192. Murray, R. B. Nursing concepts for health promotion / R. B. Murray, J. P. Zenter. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall. – 1989. – P. 519.
193. Musa, A. S. Factor Structure of the Spiritual Well-Being Scale: Cross-Cultural Comparisons Between Jordanian Arab and Malaysian Muslim University Students in Jordan / A. S. Musa. – DOI 10.1177/1043659614537305 // *Journal of Transcultural Nursing*. – 2016. – Vol. 27, No. 2. – P. 117–125.
194. Natalia, M. A. Psychological and Spiritual Well Being Serta Kualitas Tidur Pasien kanker yang Menjalani Kemoterapi / M. A. Natalia, E. E. Sembiring, M. Ahmad. – DOI 10.20527/jdk.v11i3.559 // *Dunia keperawatan: Jurnal Keperawatan dan Kesehatan*. – 2023. – Vol. 11, No. 3. – P. 306–314.
195. National Interfaith Coalition on Aging. Spiritual well-being: A definition. Athens, G. A. : NICA, 1975.
196. Nell, V. Cruelty's rewards: The gratifications of perpetrators and spectators / V. Nell. – DOI 10.1017/S0140525X06009058 // *Behavioral and Brain Sciences*. – 2006. – Vol. 29, No. 3. – P. 211–224.

197. Nelson, J. M. Theoretical and Epistemological Foundations / J. M. Nelson, B. D. Slife. – DOI 10.1093/oxfordhb/9780199729920,013.0002 // The Oxford Handbook of Psychology and Spirituality Oxford. – Oxford University Press, 2013. – P. 21–35.
198. Neumann, C. S. Examining the Short Dark Tetrad (SD4) Across Models, Correlates, and Gender / C. S. Neumann, D. N. Jones, D. L. Paulhus. – DOI 10.1177/1073191120986624 // *Assmt.* – 2021. – Vol. 29, No. 4. – P. 651–667.
199. Nilsson, K. W. Genes encoding for AP-2 β and the Serotonin Transporter are associated with the Personality Character Spiritual Acceptance / K. W. Nilsson, M. Damberg, J. Ohrvik [et al.]. – DOI 10.1016/j.neulet.2006.10.051 // *Neuroscience letters.* – 2007. – Vol. 411, No. 3. – P. 233–237.
200. Nofalia, I. Spiritual well being dengan kualitas hidup pasien tuberkulosis paru / I. Nofalia, S. A. Wibowo. – DOI 10.47539/jktp.v7i1.377 // *Jurnal keperawatan tropis papua.* – 2024. – Vol. 7, No. 1. – P. 1–7.
201. Nooripour, R. Validation of the Spiritual Well-being Scale (SWBS) and its role in Predicting Hope among Iranian Elderly / R. Nooripour, N. Ghanbari, S. Hosseinian [et al.]. – DOI 10.1007/s12126-022-09492-8 // *Ageing Int.* – 2023. – Vol. 48, No. 10. – P. 593–611.
202. Pajevic, M. The relationship between the Dark Tetrad and a two-dimensional view of empathy / M. Pajevic, T. Vukosavljevic-Gvozden, N. Stevanovic, C. S. Neumann. – DOI 10.1016/j.paid.2017.11.009 // *Personality and Individual Differences.* – 2018. – Vol. 123. – P. 125–130.
203. Paloutzian, R. F. Loneliness, Spiritual Well-Being and the Quality of Life / R. F. Paloutzian, C. W. Ellison // *Loneliness: A sourcebook of current theory, research and therapy.* – N. Y. : John Wiley and Sons, 1982. – P. 224–237.
204. Paloutzian, R. F. The Spiritual Well-Being Scale (SWBS): Cross-cultural assessment across 5 continents, 10 languages, and 300 studies / R. F. Paloutzian, Z. Agilkaya-Sahin, K. C. Bruce [et al.]. – DOI 10.1007/978-3-030-52140-0_17 // *Assessing Spirituality in a Diverse World.* – 2020. – P. 413–444.
205. Paloutzian, R. F. Handbook of the psychology of religion and spirituality / R. F. Paloutzian, C. L. Park. – N. Y. : Guilford Press, 2005. – P. 590.

206. Paloutzian, R. F. Religiousness and Spirituality: The Psychology of Multilevel Meaning-Making Behavior / R. F. Paloutzian, C. L. Park. – DOI 10.1080/2153599X.2014.891254 // RBB. – 2014. – Vol. 5. No 2. – P. 49–61.

207. Paloutzian, R. F. Spiritual Well-Being Scale: mental and physical health relationships / R. F. Paloutzian, R. K. Bufford, A. J. Wildman. – DOI 10.1093/med/9780199571390,003.0048 // Oxford Textbook of Spirituality in Healthcare. – 2012. – P. 353–358.

208. Panksepp, J. Affective neuroscience: The foundations of human and animal emotions / J. Panksepp. – Oxford University Press, 2004.

209. Pargament, K. I. The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice / K. I. Pargament. – N. Y. : Guilford Press, 1997.

210. Park, C. L. Religion as a Meaning-Making Framework in Coping with Life Stress / C. L. Park. – DOI 10.1111/j.1540-4560,2005.00428.x // Journal of Social Issues. – 2005. – Vol. 61, No. 4. – P. 707–729.

211. Parviniannasab, A. M. The mediating role of psychological capital in relations between spiritual well-being and mental health among nursing students / A. M. Parviniannasab, M. Bijani, A. Dehghani. – DOI 10.1186/s40359-022-00935-0 // BMC Psychol. – 2022. – Vol. 10, No. 230.

212. Paulhus, D. L. Screening for dark personalities / D. L. Paulhus, E. E. Buckels, P. D. Trapnell, D. N. Jones. – DOI 10.1027/1015-5759/a000602 // European Journal of Psychological Assessment. – 2020. – Vol. 37, No 3. – P. 208–222.

213. Paulhus, D. L. The Dark Triad of Personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy / D. L. Paulhus, K. M. Williams. – DOI 10.1016/S0092-6566(02)00505-6 // Journal of Research in Personality. – 2002. – Vol. 36, No. 6. – P. 556–563.

214. Peteet, J. Spirituality and religion in oncology / J. Peteet, M. Balboni // CA : A Cancer Journal of for Clinicians. – 2013. – Vol. 63, No. 4. – P. 280–289. – DOI 10.3322/caac.21187.

215. Peterman, A. H. Measuring spiritual well-being in people with cancer: The functional assessment of chronic illness therapy-spiritual well-being scale (FACIT-Sp) /

A. H. Peterman, G. Fitchett, M. J. Brady [et al.]. – DOI 10.1207/S15324796ABM2401_06 // *Annals of Behavioral Medicine*. – 2002. – Vol. 24, No. 1. – P. 49–58.

216. Phillips, K. D. Spiritual Well-Being, Sleep Disturbance and Mental and Physical Health Status in HIV-Infected Individuals / K. D. Phillips, K. S. Mock, C. M. Bopp [et al.]. – DOI 10.1080/01612840500436917 // *Issues in Mental Health Nursing*. – 2006. – Vol. 27, No. 2. – P. 125–139.

217. Piedmont, R. L. Does Spirituality Represent the Sixth Factor of Personality? Spiritual Transcendence and the Five-Factor Model / R. L. Piedmont. – DOI 10.1111/1467-6494.00080 // *Journal of Personality*. – 1999. – Vol. 67, No. 6. – P. 985–1013.

218. Puchalski, C. Making health care whole: integrating spirituality into health care / C. Puchalski, B. Ferrell. – Templeton Press, 2011. – P. 288.

219. Puchalski, C. Improving the Quality of Spiritual Care as a Dimension of Palliative Care: The Report of the Consensus Conference / C. Puchalski, B. Ferrell, R. Virani [et al.]. – DOI 10.1089/jpm.2009.0142 // *Journal of palliative medicine*. – 2009. – Vol. 12, No. 10. – P. 885–904.

220. Puchalski, C. The George Washington Institute for Spirituality and Health / C. Puchalski // FICA spiritual history tool. – 2020. – P. 1–10.

221. Rachmawardany, D. W. Analysing the Spiritual Effects of Emotional Freedom Technology (SEFT) in Building Psychological Well-being: Systematic Literature Review / D. W. Rachmawardany, I. F. Mustikawati, P. Septianawati, G. Immanuel. – DOI 10.46799/jhs.v5i4.1260 // *Jurnal Health Sains*. – 2024. – Vol. 5, No. 4. – P. 293–298.

222. Rahmat, H. K. The influenced factors of spiritual well-being: a systematic review / H. K. Rahmat // *Sociocouns: Journal of Islamic Guidance and Counseling*. – 2022. – Vol. 2, No 1. – P. 43–58.

223. Ramirez, A. Spiritual Well-Being and Psychological Well-Being in Mexican-American Catholics / A. Ramirez, C. A. Lumadue, H. R. Wooten. – DOI 10.1080/15566382.2007.12033837 // *Journal of Professional Counseling: Practice, Theory and Research*. – 2007. – Vol. 35, No. 2. – P. 46–61.

224. Rauthmann, J. F. Proposing a multidimensional Machiavellianism conceptualization / J. F. Rauthmann, T. Will. – DOI 10.2224/sbp.2011.39.3.391 // *Social Behavior and Personality*. – 2011. – Vol. 39, No. 3. – P. 391–403.

225. Reed, P. G. An emerging paradigm for the investigation of spirituality in nursing / P. G. Reed. – DOI 10.1002/nur.4770150505 // *Research in Nursing and Health*. – 1992. – Vol. 15, No. 5. – P. 349–357.

226. Reed, P. G. Self-transcendence and mental-health in oldest-old adults / P. G. Reed // *Nurs Res*. – 1991. – Vol. 40, No. 1. – P. 5–11.

227. Rican, P. Spirituality: Its psychological operationalization VIA measurement of individual differences: A Czech perspective / P. Rican, P. Janosova // *Studia Psychologica*. – 2005. – Vol. 47, No 2. – P. 157–165.

228. Riepenhausen, A. Positive Cognitive Reappraisal in Stress Resilience, Mental Health, and Well-Being: A Comprehensive Systematic Review / A. Riepenhausen, C. Wackerhagen, Z. C. Reppmann [et al.]. – DOI 10.1177/17540739221114642 // *Emotion Review*. – 2022. – Vol. 14, No. 4. – P. 310–331.

229. Rim, J. I. Current Understanding of Religion, Spirituality, and Their Neurobiological Correlates / J. I. Rim, J. C. Ojeda, C. Svob [et al.]. – DOI 10.1097/HRP.000000000000232 // *Harvard review of psychiatry*. – 2019. – Vol. 27, No. 5. – P. 303–316.

230. Rosenberg, M. J. Yales studies in attitude and communication. Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components / M. J. Rosenberg, C. I. Hovland, W. J. McGuire [et al.]. – New Haven, C. T. : Yale University Press, 1960. – P. 239.

231. Rudolph, E. C. The Cinderella of positive psychology: spiritual well-being as an emerging dimension of flourishing in pastoral work / E. C. Rudolph. – DOI 10.1080/17482631.2023.2170767 // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. – 2023. – Vol. 18, No. 1.

232. Russo-Netzer, P. Activating values intervention: an integrative pathway to well-being / P. Russo-Netzer, O. I. Atad. – DOI 10.3389/fpsyg.2024.1375237 // *Front. Psychol*. – 2024. – Vol. 15, No. 1375237.

233. Ryan, R. M. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being / R. M. Ryan, E. L. Deci. – DOI 10.1146/annurev.psych.52.1.141 // Annual Review of Psychology. – 2001. – Vol. 52, No. 1. – P. 141–166.

234. Ryff, C. D. Happiness is Everything, Or is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being / C. D. Ryff. – DOI 10.1037/0022-3514.57.6.1069 // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – Vol. 57, No. 6. – P. 1069–1081.

235. Ryff, C. D. Psychological well-being revisited: advances in the science and practice of eudaimonia / C. D. Ryff. – DOI 10.1159/000353263 // Psychotherapy and psychosomatics. – 2014. – Vol. 83, No. 1. – P. 10–28.

236. Ryff, C. D. The structure of psychological well-being revisited / C. D. Ryff, C. L. Keyes. – DOI 10.1037/0022-3514.69.4.719 // Journal of personality and social psychology. – 1995. – Vol. 69, No. 4. – P. 719–727.

237. Sagiv, L. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects / L. Sagiv, S. H. Schwartz. – DOI 10.1002/(sici)1099-0992(200003/04)30:2 < 177::aid-ejsp982>3.0.co;2-z // European Journal of Social Psychology. – 2000. – Vol. 30, No. 2. – P. 177–198.

238. Saguil, A. The spiritual assessment / A. Saguil, K. Phelps // Am. Fam. Physician. – 2012. – Vol. 86, No 6. – P. 546–550.

239. Saroglou, V. Religion, spirituality, and altruism / V. Saroglou. – DOI 10.1037/14045-024 // American Psychological Association Handbook of Psychology, Religion, and Spirituality: Context, Theory, and Research. – Washington D. C. : APA, 2013. – Vol. 1. – P. 439–457.

240. Saroglou, V. Values and Religiosity: A Meta-Analysis of Studies Using Schwartz's Model / V. Saroglou, V. Delpierre, R. Dernelle. – DOI 10.1016/j.paid.2003.10.005 // Personality and Individual Differences. – 2004. – Vol. 37, No. 4. – P. 721–734.

241. Sawatzky, R. A Meta-Analysis of the Relationship Between Spirituality and Quality of Life / R. Sawatzky, P. Ratner, L. Chiu. – DOI 10.1007/s11205-004-5577-x // Soc. Indic. Res. – 2005. – Vol. 72, No. 2. – P. 153–188.

242. Schmautz, B. Is there an affective neuroscience of spirituality? The development and validation of the OCEANic feelings scale / B. Schmautz, J. Fuchshuber, D. Andres [et al.]. – DOI 10.3389/fnhum.2024.1329226 // *Front. Hum. Neurosci.* – 2024. – Vol. 18, No. 1329226.

243. Schmidt-Salomon, M. Manifesto of Evolutionary Humanism: Plea for a mainstream culture appropriate to our times / M. Schmidt-Salomon. – Alibri Verlag, 2014.

244. Schofield, M. B. Tales From the Dark Side: The Dark Tetrad of Personality, Supernatural, and Scientific Belief / M. B. Schofield, B. L. H. Roberts, C. A. Harvey [et al.]. – DOI 10.1177/00221678211000621 // *Journal of Humanistic Psychology.* – 2021. – Vol. 62, No. 2. – P. 298–315.

245. Schwartz, S. H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? / S. H. Schwartz. – DOI 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x // *Journal of Social Issues.* – 1994. – Vol. 50, No. 4. – P. 19–45.

246. Schwartz, S. H. Basic Human Values: Theory, Measurement, And Applications / S. H. Schwartz. – DOI 10.3917/rfs.474.0929 // *Revue française de sociologie.* – 2006. – Vol. 47, No. 4. – P. 929–968.

247. Schwartz, S. H. Basic individual values: sources and consequences // *Handbook of Value* / S. H. Schwartz. – Oxford, U. K. : Oxford University Press, 2015. – P. 63–84. – DOI 10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004.

248. Schwartz, S. H. Do personal values underlie or undermine happiness? Cultural effects / S. H. Schwartz // Paper presented at the European Social Survey International Conference. Cyprus. – 2012.

249. Schwartz, S. H. Refining the theory of basic individual values / S. H. Schwartz, J. Cieciuch, M. Vecchione [et al.]. – DOI 10.1037/a0029393 // *Journal of personality and social psychology.* – 2012. – Vol. 103, No. 4. – P. 663–688.

250. Schwartz, S. H. Values and subjective well-being / S. H. Schwartz, F. M. Sorthaix // *Handbook of Well-Being.* – 2018. – P. 1–25.

251. Scott, E. L. Factor Analysis of the «Spiritual Well-Being Scale» and Its Clinical Utility with Psychiatric Inpatients / E. L. Scott, A. A. Agresti, G. Fitchett. – DOI

10.2307/1387530 // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1998. – Vol. 37, No. 2. – P. 314–321.

252. Seelig, B. Altruism. Good Feelings: Psychoanalytic Reflections on Positive Emotions and Attitudes / B. Seelig, L. Rosof. – 2009. – P. 29. – DOI 10.4324/9780429475313-5.

253. Seligman, M. E. P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment / M. E. P. Seligman. – N. Y. : The Free Press, 2002.

254. Seligman, M. E. P. Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being / M. E. P. Seligman. – N. Y. : Simon and Schuster, 2011.

255. Serey, A. Emotional Regulation and Subjective Well-Being in Adolescents: A Systematic Review / A. Serey, L. J. Martínez, G. D. F. Barahona-Fuentes. – DOI 10.56508/mhgcj.v8i1.240 // Mental Health Global Challenges Journal. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – P. 14–26.

256. Shafranske, E. P. Spiritually oriented psychodynamic psychotherapy / E. P. Shafranske. – DOI 10.1002/jclp.20565 // Journal of clinical psychology. – 2009. – Vol. 65, No. 2. – P. 147–157.

257. Sharma, S. Concepts of spirituality prevailing among undergraduate medical students in Delhi / S. Sharma, P. Lal. – DOI 10.4103/0971-9962.200088 // Indian Journal of Social Psychiatry. – 2017. – Vol. 33, No 1. – P. 50–52.

258. Sheldon, K. M. Getting older, getting better? Personal strivings and psychological maturity across the life span / K. M. Sheldon, T. Kasser. – DOI 10.1037/0012-1649.37.4.491 // Developmental Psychology. – 2001. – Vol. 37, No. 4. – P. 491–501.

259. Sheldrake, P. A brief history of spirituality / P. Sheldrake // Blackwell Pub. – 2007. – P. 251.

260. Skobrtal, P. Relationship between Dark triad traits and subjective perceived personal existential fulfillment in future teachers / P. Skobrtal, R. Pospíšil. – DOI 10.21125/edulearn.2023.1428 // EDULEARN23 Proceedings. – 2023. – P. 5437–5443.

261. Solgi, M. Philosophical – Psychological 's Recognition of Concept of Spirituality / M. Solgi, M. Safara. – DOI 10.7575//aiac.all.v.9n.2p.84 // *Advances in Language and Literary Studies*. – 2018. – Vol. 9, No. 2. – P. 84–90.

262. Song, Y. Effects of Spiritual Well-Being and Spiritual Care Competence on Spiritual Nursing by Nurses Caring for Cancer Patients / Y. Song, Y. S. Park. – DOI 10.17547/kjsr.2020,28.4.246 // *Stress*. – 2020. – Vol. 28, No. 4. – P. 246–253.

263. Sortheix, F. M. Personal Value Priorities and Life Satisfaction in Europe: The Moderating Role of Socioeconomic Development / F. M. Sortheix, J. E. Lonnqvist. – DOI 10.1177/0022022113504621 // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2013. – Vol. 45, No. 2. – P. 282–299.

264. Sortheix, F. M. Person-Group Value Congruence and Subjective Well-Being in Students from Argentina, Bulgaria and Finland: The Role of Interpersonal Relationships / F. M. Sortheix, J. E. Lonnqvist. – DOI 10.1002/casp.2193 // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. – 2015. – Vol. 25, No. 1. – P. 34–48.

265. Sortheix, F. M. Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability Across Countries / F. M. Sortheix, S. H. Schwartz. – DOI 10.1002/per.2096 // *European Journal of Personality*. – 2017. – Vol. 31, No. 2. – P. 187–201.

266. Sparrow, E. P. Aging and altruism: A meta-analysis / E. P. Sparrow, L. T. Swirsky, F. Kudus, J. Spaniol. – DOI 10.1037/pag0000447 // *Psychology and Aging*. – 2021. – Vol. 36, No 1. – P. 49–56.

267. Spiritual Well-being Scale. – URL: <https://www.westmont.edu/psychology/raymond-paloutzian-spiritual-wellbeing-scale> (дата доступа: 01.02.2026).

268. Steger, M. F. Being good by doing good: Daily eudaimonic activity and well-being / M. F. Steger, T. B. Kashdan, S. Oishi. – DOI 10.1016/j.jrp.2007.03.004 // *Journal of Research in Personality*. – 2008. – Vol. 42, No. 1. – P. 22–42.

269. Strupp, H. H. Humanism and psychotherapy: A personal statement of the therapist's essential values / H. H. Strupp. – DOI 10.1037/h0085938?urlappend=%3Futm_source%3Dresearchgate.net%26utm_medium%3Darticle // *Psychotherapy*. – 1980. – Vol. 17, No. 4. – P. 396–400.

270. Tang, W. R. Psychometric testing of the Spiritual Well-Being Scale–Mandarin version in Taiwanese cancer patients / W. R. Tang, C. Y. Kao. – DOI 10.1017/S147895151600081X // Palliative and Supportive Care. – 2017. – Vol. 15, No. 3. – P. 336–347.

271. Tavel, P. Psychometric Analysis of the Shortened Version of the Spiritual Well-Being Scale on the Slovak Population (SWBS-Sk) / P. Tavel, B. Jozefiakova, P. Telicak [et al.]. – DOI 10.3390/ijerph19010511 // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, No. 1. – P. 511.

272. Tay, L. Needs and subjective well-being around the world / L. Tay, E. Diener. – DOI 10.1037/a0023779 // Journal of personality and social psychology. – 2011. – Vol. 101, No. 2. – P. 354–365.

273. Taylor, S. E. Adjustment of threatening events: A theory of cognitive adaptation / S. E. Taylor. – DOI 10.1037/0003-066X.38.11.1161?urlappend=%3Futm_source%3Dresearchgate.net%26utm_medium%3Darticle // American Psychologist. – 1983. – Vol. 38, No. 11. – P. 1161–1173.

274. The Joint Commission. Advancing Effective Communication, Cultural Competence, and Patient- and Family-Centered Care: A Roadmap for Hospitals / The Joint Commission. – 2010.

275. The Joint Commission. Body, mind, spirit, part 2 / The Joint Commission // The Source. – 2018. – Vol. 16, No. 2. – P. 1–6.

276. Trapsinsaree, D. Factors Predicting Spiritual Well-Being among Dependent Older People / D. Trapsinsaree, L. Pothiban, R. Chintanawat, T. Wonghongkul. – DOI 10.48048/tis.2022.1718 // Trends in Sciences. – 2022. – Vol. 19, No. 1.

277. Trettin, A. Strukturbezogene religionspsychologische Diagnostik / A. Trettin. – DOI 10.21706/tg-16-3-218 // Trauma and Gewalt. – 2022. – Vol. 16, No. 3. – P. 218–230.

278. Troy, A. S. Psychological Resilience: An Affect-Regulation Framework / A. S. Troy, E. C. Willroth, A. Shallcross [et al.]. – DOI 10.1146/annurev-psych-020122-041854 // Annual Review of Psychology. – 2023. – Vol. 74. – P. 547–576.

279. Tsuang, M. T. Spiritual well-being and health / M. T. Tsuang, J. C. Simpson, K. C. Koenen [et al.]. – DOI 10.1097/NMD.0b013e31811f4062 // The Journal of nervous and mental disease. – 2007. – Vol. 195, No 8. – P. 673–680.

280. Tvorogova, N. D. Spiritual Well-Being / N. D. Tvorogova. – DOI 10.11621/pir.2011.0011 // Psychology in Russia: State of Art. – 2011. – Vol. 4. – P. 193–203.

281. Underwood, L. G. The daily spiritual experience scale: development, theoretical description, reliability, exploratory factor analysis, and preliminary construct validity using health-related data / L. G. Underwood, J. A. Teresi. – DOI 10.1207/S15324796ABM2401_04 // Annals of Behavioral Medicine: a publication of the Society of Behavioral Medicine. – 2002. – Vol. 24, No. 1. – P. 22–33.

282. Unterrainer, H. F. Religious/Spiritual Well-Being, Personality and Mental Health: A Review of Results and Conceptual Issues / H. F. Unterrainer, A. J. Lewis, A. Fink. – DOI 10.1007/s10943-012-9642-5 // J. Relig. Health. – 2014. – Vol. 53, No. 2. – P. 382–392.

283. Unterrainer, H. F. Different Types of Religious/Spiritual Well-Being in Relation to Personality and Subjective Well-Being / H. F. Unterrainer, K. H. Ladenhauf, S. J. Wallner-Liebmann, A. Fink. – DOI 10.1080/10508619.2011.557003 // Int. J. Psychol. Relig. – 2011. – Vol. 21, No 2. – P. 115–126.

284. Van Dierendonck, D. The construct validity of Ryff's Scales of Psychological Well-being and its extension with spiritual well-being / D. Van Dierendonck. – DOI 10.1016/s0191-8869(03)00122-3 // Personality and Individual Differences. – 2004. – Vol. 36, No. 3. – P. 629–643.

285. VanderWeele, T. J. Tradition-Specific Measures of Spiritual Well-Being / T. J. VanderWeele, N. G. L. Katelyn, J. B. Michael // Measuring Well-Being: Interdisciplinary Perspectives from the Social Sciences and the Humanities. – 2021. – P. 482–498. – DOI 10.1093/oso/ 9780197512531.003.0017.

286. VanderWeele, T. Health and Spirituality / T. VanderWeele, T. Balboni, H. Koh. – DOI 10.1001/jama.2017.8136 // JAMA. – 2017. – Vol. 318, No. 6. – P. 519–520.

287. Vaughan, F. Spiritual issues in psychotherapy / F. Vaughan // JTP. – 1991. – Vol. 23, No. 2. – P. 105–119.

288. Vella-Brodrick, D. A. Development and psychometric validation of the Mental, Physical, and Spiritual Well-Being Scale / D. A. Vella-Brodrick, F. C. Allen. – DOI 10.2466/pr0,1995.77.2.659 // Psychological reports. – 1995. – Vol. 77, No. 2. – P. 659–674.

289. Villani, D. The Role of Spirituality and Religiosity in Subjective Well-Being of Individuals With Different Religious Status / D. Villani, A. Sorgente, P. Iannello, A. Antonietti. – DOI 10.3389/fpsyg.2019.01525 // Front Psychol. – 2019. – Vol. 10, No. 1525.

290. WHOQOL SRPB Group. A cross-cultural study of spirituality, religion, and personal beliefs as components of quality of life / WHOQOL SRPB Group. – DOI 10.1016/j.socscimed.2005.08.001 // Soc. Sci. Med. – 2006. – Vol. 62, No 6. – P. 1486–1497.

291. Wilson, E. O. Kin Selection as the Key to Altruism: Its Rise and Fall / E. O. Wilson. – DOI 10.1353/sor.2005.0012 // Social Research: An International Quarterly. – 2005. – Vol. 72, No. 1. – P. 159–166.

292. Wink, P. Religiousness, spirituality, and psychosocial functioning in late adulthood: findings from a longitudinal study / P. Wink, M. Dillon. – DOI 10.1037/0882-7974.18.4.916 // Psychology and aging. – 2003. – Vol. 18, No. 4. – P. 916–924.

293. Won, J. H. Psychological benefits and spiritual well-being experiences of climbing mania / J. H. Won // Korean Society for Leisure Sciences. – 2023. – Vol. 14, No. 2. – P. 39–50.

294. Worthington, E. L. Progress in physics and psychological science affects the psychology of religion and spirituality / E. L. Worthington. – DOI 10.1093/oxfordhb/9780199729920,013.0004 // In The Oxford handbook of psychology and spirituality. – 2012. – P. 47–62.

295. Yang, C. T. Spiritual well-being: a concept analysis / C. T. Yang, S. Y. Yen, J. O. Chen // Hu li za zhi = The journal of nursing. – 2010. – Vol. 57, No. 3. – P. 99–104.

296. Yoo, J. Relationship between Neuroticism, Spiritual Well-Being, and Subjective Well-Being in Korean University Students / J. Yoo, S. You, J. Lee. – DOI 10.3390/rel13060505 // Religions. – 2022. – Vol. 13, No. 6. – P. 505.

297. Young-Eisendrath, P. Beyond enlightened self-interest: The psychology of mature spirituality in the twenty-first century // The Psychology of Mature Spirituality:

Integrity, Wisdom, Transcendence / P. Young-Eisendrath, M. E. Miller. – Routledge, 2000. – P. 1–7. – DOI 10.4324/9780203134016.

298. Yu, Y. Spiritual Well-being and Quality of Life for Patients Undergoing Chemotherapy for Pancreatic Cancer: Correlates and Influencing Factors / Y. Yu, Y. Liao, S. Zhang [et al.] // *Alternative therapies in health and medicine*. – 2023. – Vol. 29, No. 7. – P. 404–411.

299. Zerbetto, S. R. Religiosity and spirituality: mechanisms of positive influence on the life and treatment of alcoholics / S. R. Zerbetto, A. M. S. Gonçalves, N. Santile [et al.]. – DOI 10.5935/1414-8145.20170005 // *Escola Anna. Nery*. – 2017. – Vol. 21, No. 1. – P. 1–8.

300. Zettler, I. Stability and Change: The Dark Factor of Personality Shapes Dark Traits / I. Zettler, M. Moshagen, B. Hilbig. – DOI 10.1177/1948550620953288 // *SPPS*. – 2020. – Vol. 12, No. 6. – P. 974–983.

301. Zhang, G. Impact of spiritual values on tourists' psychological wellbeing: evidence from China's Buddhist mountains / G. Zhang, K. Huang, S. Shen. – DOI 10.3389/fpsyg.2023.1136755 // *Front. Psychol.* – 2023. – Vol. 14, No. 1136755.

302. Zhu, J. Identifying patterns of change in spiritual well-being over time among neuro-oncology caregivers / J. Zhu, P. Sherwood, S. Sereika, H. Donovan. – DOI 10.1093/geroni/igad104.3407 // *Innovation in Aging*. – 2023. – Vol. 7, No. 1.

303. Zhuzey, M. Sacred Concepts in the World Of Spirituality / M. Zhuzey, M. Isakhan. – DOI 10.48010/2022.4/1999-5849.16 // *Adam. alemi*. – 2022. – Vol. 94, No 4. – P. 170–181.

304. Zou, W. The influence of spiritual leadership on the subjective well-being of Chinese registered nurses / W. Zou, Y. Zeng, Q. Peng [et al.]. – DOI 10.1111/jonm.13106 // *J. Nurs Manag.* – 2020. – Vol. 28. – P. 1432–1442.

305. Zubairi, A. A. An Empirical Investigation of the Relationships among Spirituality, Well-Being, and Psychological Health / A. A. Zubairi, S. S. Md Sawari. – DOI 10.26643/ijss.v4i6.6321 // *International Journal for Social Studies*. – 2018. – Vol. 4, No. 6. – P. 103–114.

Приложение А

(справочное).

Бланк опросника «Шкала духовного благополучия»

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными утверждениями, исходя из Вашего личного опыта.

1 = полностью согласен

4 = скорее не согласен

2 = в целом согласен

5 = в целом не согласен

3 = скорее согласен

6 = категорически не согласен

1. Молитва Богу не приносит мне особого удовлетворения	1 2 3 4 5 6
2. Я не знаю кто я, откуда я или куда я двигаюсь	1 2 3 4 5 6
3. Я верю, что Бог любит меня и заботится обо мне	1 2 3 4 5 6
4. Я чувствую, что жизнь для меня – это положительный опыт	1 2 3 4 5 6
5. Я верю, что Бог безразличен и Ему не интересны мои повседневные дела	1 2 3 4 5 6
6. Я беспокоюсь по поводу своего будущего	1 2 3 4 5 6
7. Мои отношения с Богом имеют особенно важное значение для меня	1 2 3 4 5 6
8. Я чувствую себя наполненным и довольным жизнью	1 2 3 4 5 6
9. Бог не является для меня источником поддержки и сил	1 2 3 4 5 6
10. Я ощущаю благополучие по поводу того куда движется моя жизнь	1 2 3 4 5 6
11. Я верю, что Бог обеспокоен моими проблемами	1 2 3 4 5 6
12. Я не получаю особого удовольствия от жизни	1 2 3 4 5 6
13. У меня нет отношений с Богом, которые бы удовлетворяли меня лично	1 2 3 4 5 6
14. Я с оптимизмом (с позитивом) смотрю в будущее.	1 2 3 4 5 6
15. Мои отношения с Богом помогают мне не чувствовать себя одиноким	1 2 3 4 5 6
16. Я чувствую, что жизнь полна конфликтов и несчастя	1 2 3 4 5 6
17. Наибольшее удовлетворение я получаю от тесного общения с Богом	1 2 3 4 5 6
18. Жизнь не имеет особого смысла	1 2 3 4 5 6
19. Мои отношения с Богом способствуют моему ощущению благополучия	1 2 3 4 5 6
20. Я верю, что в моей жизни есть какая-то истинная цель	1 2 3 4 5 6

Приложение Б

(справочное).

Обработка результатов опросника «Шкала духовного благополучия»

По шкале духовного благополучия можно получить три основных показателя: духовное благополучие, религиозное благополучие и экзистенциальное благополучие.

Шкала духовного благополучия (SWBS):

Оценка духовного благополучия является показателем воспринимаемого общего благополучия. Каждый пункт шкалы духовного благополучия оценивается от 1 до 6, причем более высокое число соответствует более высокому показателю благополучия. Отрицательно сформулированные элементы оцениваются в обратном порядке.

Вопрос с положительной формулировкой имеют номера 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 17, 19 и 20. По данным пунктам ответ «полностью согласен» получает оценку 6 баллов, «в целом согласен» - 5 баллов, «скорее согласен» – 4 балла, «скорее не согласен» – 3 балла, «в целом не согласен» – 2 балла, «категорически не согласен» – 1 балл.

Вопросы с отрицательной формулировкой имеют номера 1, 2, 5, 6, 9, 12, 13, 16 и 18. По данным пунктам ответ «полностью согласен» получает 1 балл, «в целом согласен» – 2 балла, «скорее согласен» – 3 балла, «скорее не согласен» – 4 балла, «в целом не согласен» – 5 баллов, «категорически не согласен» – 6 баллов.

Суммируйте баллы за положительно и отрицательно сформулированные пункты, и это даст общий показатель духовного благополучия:

Оценка в диапазоне 20 – 40 отражает ощущение низкого общего духовного благополучия.

Оценка в диапазоне 41 – 99 отражает ощущение умеренного духовного благополучия.

Оценка в диапазоне 100 – 120 отражает ощущение высокого духовного благополучия.

Шкала религиозного благополучия (RWBS):

Оценка религиозного благополучия – это показатель того, как человек воспринимает свои отношения с Богом. Это отражает чувство удовлетворенности и положительную связь с Богом.

Пункты с нечетными номерами 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17 и 19 дают оценку религиозному благополучию. Используя значения от 1 до 6, которые респондент дал этим пунктам, получите общий показатель религиозного благополучия:

Оценка в диапазоне 10 – 20 отражает ощущение неудовлетворенности в отношениях с Богом.

Оценка в диапазоне 21 – 49 отражает умеренное чувство религиозного благополучия.

Оценка в диапазоне 50 – 60 отражает позитивный взгляд на свои отношения с Богом.

Шкала экзистенциального благополучия (EWBS):

Оценка экзистенциального благополучия измеряет уровень удовлетворенности жизнью и наличие цели в жизни.

Пункты с четными номерами 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18 и 20 дают оценку экзистенциальному благополучию. Используя значения от 1 до 6, которые респондент дал этим пунктам, получите общий показатель экзистенциального благополучия:

Оценка в диапазоне 10–20 говорит о низкой удовлетворенности жизнью и возможном отсутствии ясности в отношении своей цели в жизни.

Оценка в диапазоне 21–49 предполагает умеренный уровень удовлетворенности жизнью и наличии цели в жизни.

Оценка в диапазоне 50–60 говорит о высоком уровне удовлетворенности своей жизнью и наличии четкой цели в жизни.

Изучение индивидуальных показателей:

Другой способ использования шкалы – поиск крайних значений, указывающих на низкое духовное благополучие. Например, если кто-то отвечает «полностью согласен» в ответ на утверждение номер 6: «Я беспокоюсь по поводу своего будущего», это может быть возможным показателем низкого экзистенциального благополучия, о котором человеку было бы полезно поразмыслить. Ответы на эти отдельные вопросы могут помочь человеку установить некоторые причины низкого благополучия.

Приложение В

(обязательное).

Демографическая характеристика респондентов, включенных в исследование

При сравнительном анализе было установлено, что участники исследования юношеского и подросткового возраста, характеризовались статистически значимо большей долей лиц мужского пола (125 [63,5%], $p < 0,001$), более высокой долей холостых лиц (196 [99,5%], $p < 0,001$), отсутствием разведенных, меньшей частотой наличия детей (194 [98,5%], $p < 0,001$) и меньшим уровнем образования (высшее 2 [1%], неоконченное высшее 9 [4,6%], среднее специальное 87 [44,2%], среднее 99 [50,3%], $p < 0,001$). Участники в возрасте 14-21 года в своем отношении к религии, характеризовались большим поиском и разбросом ответов: христианство (98 [49,7%]), ислам (4 [2%]), родноверие (2 [1%]), верю в Бога, но не отношу себя к какой-либо религии (44 [22,3%]), атеист (36 [18,3%]), другое (13 [6,6%]), $p < 0,001$.

Участники опроса 22 года и старше (до 72 лет) характеризовались статистически значимо большей долей лиц женского пола (689 [90,4%], $p < 0,001$), более высокой долей лиц состоящих в браке (499 [65,5%], $p < 0,001$) и разведённых (118 [15,5%], $p < 0,001$), большей частотой наличия детей (574 [75,3%], $p < 0,001$) и более высоким уровнем образования: высшее 580 [76,1%], неоконченное высшее 36 [4,7%], среднее специальное 116 [15,2%], среднее 30 [3,9%], $p < 0,001$. Большинство участников в возрасте 22 года и старше в своем отношении к религии, позиционировали себя христианами (христианство (741 [97,2%]), ислам (0 [0%]), родноверие (0 [0%]), верю в Бога, но не отношу себя к какой-либо религии (14 [1,8%]), атеист (5 [0,7%]), другое (2 [0,3%]), $p < 0,001$).

В Таблице В.1 представлена демографическая характеристика респондентов, включенных в исследование.

Таблица В.1 – Характеристика респондентов в возрасте 14–21 и 21–72 года

<i>Характеристика</i>	<i>Все респонденты n = 959</i>	<i>Возрастная группа</i>		<i>p</i>
		14–21 год n = 197	≥ 22 лет n = 762	
Возраст (лет)	38,6 (±14) 40 (28–49)	17,8 (±1,5) 18 (17–19)	44 (±10,2) 44 (37–50,8)	< 0,001
Пол				< 0,001
– мужской	198 (20,6%)	125 (63,5%)	73 (9,6%)	
– женский	761 (79,4%)	72 (36,5%)	689 (90,4%)	
Семейный статус				< 0,001
– холост / не замужем	341 (35,6%)	196 (99,5%)	145 (19%)	
– в браке	500 (52,1%)	1 (0,5%)	499 (65,5%)	
– разведен(а)	118 (12,3%)	0 (0%)	118 (15,5%)	
Наличие детей				< 0,001
– нет	382 (39,8%)	194 (98,5%)	188 (24,7%)	
– есть	577 (60,2%)	3 (1,5%)	574 (75,3%)	
Образование				< 0,001
– среднее	129 (13,5%)	99 (50,3%)	30 (3,9%)	
– среднее специальное	203 (21,2%)	87 (44,2%)	116 (15,2%)	
– неоконченное высшее	45 (4,7%)	9 (4,6%)	36 (4,7%)	
– высшее	582 (60,7%)	2 (1%)	580 (76,1%)	
Отношение к вере				< 0,001
– христианство	839 (87,5%)	98 (49,7%)	741 (97,2%)	
– ислам	4 (0,4%)	4 (2%)	0 (0%)	
– родноверие	2 (0,2%)	2 (1%)	0 (0%)	
– верю в Бога, но не отношу себя к какой-либо религии	58 (6%)	44 (22,3%)	14 (1,8%)	
– атеист	41 (4,3%)	36 (18,3%)	5 (0,7%)	
– другое	15 (1,6%)	13 (6,6%)	2 (0,3%)	

Приложение Г

(обязательное).

Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкала психологического благополучия», PWB в возрастных группах респондентов

14-21			≥22				
Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)		
0.23 **	0.39 ***	0.33 ***	0.16 ***	0.39 ***	0.31 ***	Положительное отношение к другим	ρ 1.0 0.5 0.0 -0.5 -1.0
0.06	0.32 ***	0.18 *	0.13 ***	0.2 ***	0.17 ***	Автономия	
0.1	0.44 ***	0.26 ***	0.16 ***	0.46 ***	0.35 ***	Управление окружением	
0.23 **	0.33 ***	0.3 ***	0.19 ***	0.33 ***	0.29 ***	Личностный рост	
0.25 ***	0.46 ***	0.38 ***	0.22 ***	0.48 ***	0.4 ***	Цель в жизни	
0.14 *	0.51 ***	0.32 ***	0.14 ***	0.51 ***	0.38 ***	Самопринятие	
0.21 **	0.48 ***	0.36 ***	0.22 ***	0.53 ***	0.43 ***	Общий балл по опроснику ШПБ	

Рисунок Г.1

Приложение Д (обязательное).

Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкала альтруистических установок» в возрастных группах респондентов

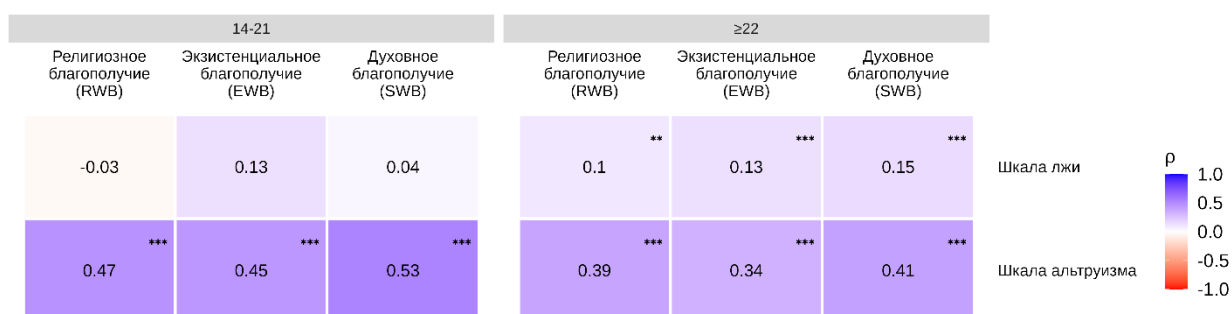

Рисунок Д.1

Приложение Е (обязательное).

Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Портретного ценностного опросника», PVQ-R2R в возрастных группах респондентов

14-21			≥22				
Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)	Религиозное благополучие (RWB)	Экзистенциальное благополучие (EWB)	Духовное благополучие (SWB)		
0.04	0.19 **	0.1	0.01	0.05	0.02	Самостоятельность: мысли (SDT)	
0.09	0.21 **	0.15 *	0.09 **	0.06	0.06	Самостоятельность: поступки (SDA)	
0.09	0.11	0.1	0	0	-0.01	Стимуляция (ST)	
0.07	0.1	0.09	-0.22 ***	-0.11 **	-0.2 ***	Гедонизм (HE)	
0.06	0.14	0.11	-0.15 ***	-0.1 **	-0.15 ***	Достижение (AC)	
-0.16 *	-0.15 *	-0.17 *	-0.27 ***	-0.23 ***	-0.28 ***	Власть: доминирование (POD)	
-0.09	-0.14	-0.13	-0.15 ***	-0.16 ***	-0.17 ***	Власть: ресурсы (POR)	
0.16 *	0.15 *	0.18 *	-0.1 **	-0.18 ***	-0.16 ***	Репутация (FAC)	
0.25 ***	0.29 ***	0.29 ***	0.21 ***	0.15 ***	0.21 ***	Безопасность: личная (SEP)	
0.16 *	0.18 *	0.2 **	0.04	0.05	0.05	Безопасность: общественная (SES)	
0.25 ***	0.33 ***	0.31 ***	0.26 ***	0.23 ***	0.27 ***	Традиция (TR)	
0.32 ***	0.27 ***	0.35 ***	0.19 ***	0.12 ***	0.18 ***	Конформизм: правила (COR)	
0.51 ***	0.37 ***	0.53 ***	0.35 ***	0.26 ***	0.36 ***	Конформизм: межличностный (COI)	
0.16 *	0.12	0.17 *	0.23 ***	0.15 ***	0.2 ***	Скромность (HUM)	
0.22 **	0.25 ***	0.26 ***	0.22 ***	0.17 ***	0.21 ***	Универсализм: забота о других (UNC)	
0.26 ***	0.36 ***	0.34 ***	0.31 ***	0.24 ***	0.3 ***	Универсализм: забота о природе (UNN)	
0.28 ***	0.25 ***	0.31 ***	0.19 ***	0.13 ***	0.17 ***	Универсализм: толерантность (UNT)	
0.29 ***	0.19 **	0.29 ***	0.23 ***	0.18 ***	0.22 ***	Благожелательность: забота (BEC)	
0.29 ***	0.27 ***	0.31 ***	0.13 ***	0.17 ***	0.16 ***	Благожелательность: чувство долга (BED)	
0.1	0.19 **	0.15 *	-0.06	-0.01	-0.06	Открытость изменениям (OC)	
0.04	0.03	0.05	-0.25 ***	-0.2 ***	-0.26 ***	Самоутверждение (A)	
0.34 ***	0.33 ***	0.38 ***	0.23 ***	0.15 ***	0.22 ***	Сохранение (C)	
0.32 ***	0.32 ***	0.36 ***	0.3 ***	0.24 ***	0.3 ***	Самопреодоление (ST)	

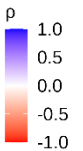

Рисунок Е.1

Приложение Ж (обязательное).

Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Шкалы базисных убеждений», WAS в возрастных группах респондентов

Рисунок Ж.1

Приложение И

(обязательное).

Результаты корреляционного анализа компонентов опросников «Шкала духовного благополучия», SWBS и «Короткого опросника Темной тетрады», SD4 в возрастных группах респондентов

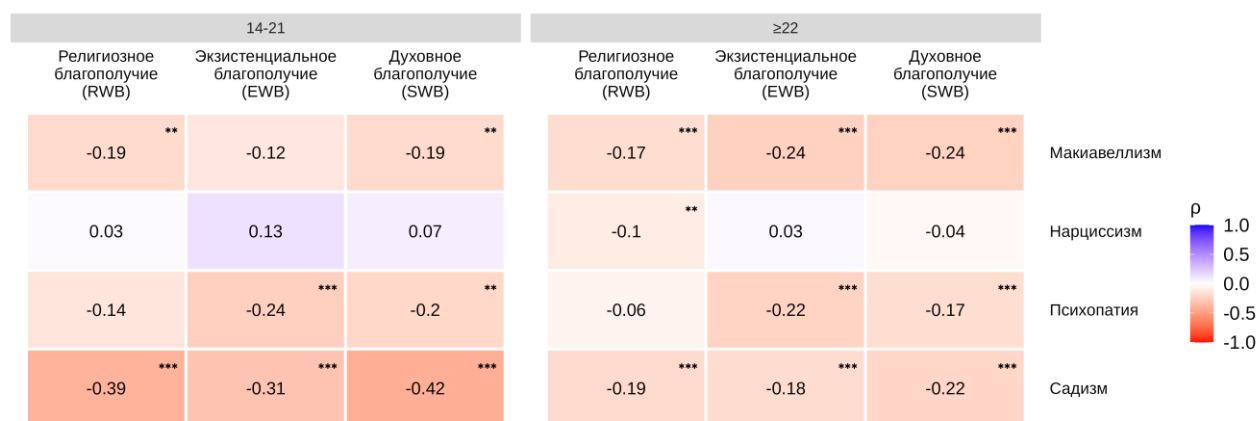

Рисунок И.1